

**ISSN 2218-2926**

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ**

**ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени В.Н. КАРАЗИНА**

**КОГНИЦИЯ, КОММУНИКАЦИЯ, ДИСКУРС**

**Направление “Филология”**

**№ 8**

**Международный электронный сборник научных трудов**

**Основан в 2010 г.**

**Харьков  
2014**

Статьи данного выпуска содержат результаты исследований украинских, армянских и российских лингвистов, анализирующих методологические принципы анализа речевых актов и речевых жанров; концептуальные и когнитивные проблемы культурологии и прагматики в современной англистике, романистике, славистике. Также включена подборка мыслей о лингвистике из неопубликованного научного наследия проф. И.П. Сусова.

Для лингвистов, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

Утверждено решением Ученого совета  
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина  
(протокол № 3 от 24 февраля 2014 г.)

**Редактор:**

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

**Ответственный секретарь:**

Е.В. Бондаренко, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)

**Редакционная коллегия:**

- Л.Р. Безуглая, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
 А.П. Мартынюк, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
 Л.М. Минкин, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
 Е.И. Морозова, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
 В.Г. Пасынок, докт. пед. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
 В.А. Самохина, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
 Л.В. Солощук, докт. филол. наук (Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Украина)  
 А.Д. Белова, докт. филол. наук (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина)  
 С.А. Жаботинская, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)  
 Е.А. Карпиловская, докт. филол. наук (Институт украинского языка Национальной академии наук Украины, Украина)  
 А.Н. Приходько, докт. филол. наук (Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина)  
 Е.А. Селиванова, докт. филол. наук (Черкасский национальный университет имени Богдана Хмельницкого, Украина)  
 Д. Александрова, доктор философии (университет Климента Охридского, г. София, Болгария)  
 Д. Вандервекен, доктор философии (университет Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада)  
 В.И. Карасик, докт. филол. наук (Волгоградский государственный педагогический университет, Россия)  
 Г. Коллер, доктор философии (университет имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия)  
 Г.Н. Манаенко, докт. филол. наук (Ставропольский государственный педагогический институт, Россия)  
 Ф.Д. Матито, доктор философии (университет Ла Риоха, г. Мадрид, Испания)  
 С.А. Моисеева, докт. филол. наук (Белгородский государственный университет, Россия)  
 Г.Г. Слышкин, докт. филол. наук (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия)  
 М. Фриман, доктор философии, почетный профессор (Вэлли Колледж, г. Лос-Анжелес); со-директор (Мэрифилд институт когниции и гуманитарных наук, г. Хит, США)  
 Н. Чабан, доктор философии (университет Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия)  
 В.Е. Чернявская, докт. филол. наук (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, Россия)

**Адрес редакционной коллегии:**

Украина, 61022, г. Харьков, пл. Свободы, 4  
 Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина  
 Факультет иностранных языков Тел.: (057) 707-51-44  
 irina.shevchenko7@gmail.com  
 Интернет-страница журнала: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст дается в авторской редакции.

Статьи прошли внутреннее и внешнее рецензирование.

Выпускается ежегодно.

© Харьковский национальный университет имени  
 В.Н. Каразина, оформление, 2014

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ  
ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ  
імені В.Н. КАРАЗІНА

**КОГНІЦІЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС**

**Напрямок “Філологія”**

**№ 8**

Міжнародний електронний збірник наукових праць

Започаткований у 2010 р.

Харків  
2014

Статті даного випуску містять результати досліджень українських, вірменських і російських лінгвістів, що аналізують методологічні принципи аналізу мовленнєвих актів і мовленнєвих жанрів; концептуальні і когнітивні проблеми культурології та прагматики в сучасній англістиці, романістиці, славістиці. Також включена добірка думок про лінгвістику з неопублікованої наукової спадщини проф. І.П. Сусова.

Для лінгвістів, викладачів, аспірантів та магістрантів.

Затверджено рішенням Вченої ради  
Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна  
(протокол № 3 від 24 лютого 2014 р.)

**Редактор:**

І.С. Шевченко, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

**Відповідальний секретар:**

Є.В. Бондаренко, доктор філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)

**Редакційна колегія:**

- Л.Р. Безугла, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
 А.П. Мартинок, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
 Л.М. Мінкін, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
 О.І. Морозова, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
 В.Г. Пасинок, докт. пед. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
 В.О. Самохіна, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
 Л.В. Солощук, докт. філол. наук (Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, Україна)  
 Д. Александрова, доктор філософії (університет Климента Охридського, м. Софія, Болгарія)  
 А.Д. Белова, докт. філол. наук (Київський національний університет імені Тараса Шевченка, Україна)  
 Д. Вандервекен, доктор філософії (університет Квебека, м. Труа-Рив'єр, Канада)  
 С.А.Жаботинська, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)  
 В.І. Карасик, докт. філол. наук (Волгоградський державний педагогічний університет, Росія)  
 Є.А. Карпіловська, докт. філол. наук (Інститут української мови Національної академії наук України, Україна)  
 Г. Коллер, доктор філософії (університет імені Фрідріха Александра, м. Ерланген-Нюрнберг, Німеччина)  
 Г.М. Манаснко, докт. філол. наук (Ставропольський державний педагогічний інститут, Росія)  
 Ф.Д. Матіто, доктор філософії (університет Ла Риоха, м. Мадрид, Іспанія)  
 С.А. Моїсеєва, докт. філол. наук (Белгородський державний університет, Росія)  
 А.М. Приходько, докт. філол. наук (Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, Україна)  
 О.О. Селіванова, докт. філол. наук (Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Україна)  
 Г.Г. Слишкін, докт. філол. наук (Російська академія народного господарства і державної служби при Президентові Російської Федерації, м. Москва, Росія)  
 М. Фрімман, доктор філософії, почесний професор (Веллі коледж, м. Лос-Анжелес); співдиректор (Мерифілд інститут когніції та гуманітарних наук, м. Хіт, США)  
 Н. Чабан, доктор філософії (університет Кентербері, м. Крайстчерч, Нова Зеландія)  
 В.Є. Чернявська, докт. філол. наук (Санкт-Петербурзький державний політехнічний університет (Росія)

**Адреса редакційної колегії:**

Україна, 61022, м. Харків, майдан Свободи, 4  
 Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна  
 Факультет іноземних мов. Тел.: (057) 707-51-44  
[ishev7@gmail.com](mailto:ishev7@gmail.com)

Інтернет-сторінка журналу: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/home>

Текст подано в авторській редакції.

Статті пройшли внутрішнє та зовнішнє рецензування.

Видається щорічно.

© Харківський національний університет  
імені В.Н. Каразіна, оформлення, 2014

**ISSN 2218-2926**

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF UKRAINE

V.N. KARAZIN KHARKIV NATIONAL UNIVERSITY

**COGNITION, COMMUNICATION, DISCOURSE**

**Series “Philology”**

**# 8**

International on-line journal

<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

Published since 2010

Kharkov  
2014

Articles in this issue contain the results of studies of Ukrainian, Armenian and Russian linguists analyzing methodological principles of the analysis of speech acts and speech genres, conceptual and cognitive problems of cultural linguistics and pragmatics in modern Anglistics, Romance and Slavic philology. The issue also includes a collection of thoughts about linguistics from prof. Ivan Susov's unpublished heritage.

For linguists, teachers, graduate students and undergraduates.

**Editor:**

Irina Shevchenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine,  
[irina.shevchenko7@gmail.com](mailto:irina.shevchenko7@gmail.com))

**Executive Secretary:**

Y.V. Bondarenko, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine;  
[ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com](mailto:ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com))

**Editorial Board:**

L.R. Bezugla, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 A.P. Martyniuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 L.M. Minkin, Doctor, Professor (Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)  
 E.I. Morozova, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 V.G. Pasyuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 V.A. Samokhina, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 L.V. Soloschuk, Doctor, Professor (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 Donka Alexandrova, Doctor, Professor (University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria)  
 A.D. Belova, Doctor, Professor (Kyiv National Taras Shevchenko University, Ukraine)  
 Natalia Chaban, PhD, Associate Professor (University of Canterbury, Christchurch, New Zealand)  
 V.E. Chernyavskaya, Doctor, Professor (St. Petersburg State Research Polytechnical University, Russia)  
 Margaret H. Freeman, PhD, Co-director of Myrfield Institute for Cognition and the Arts, Health; Professor Emeritus (Valley College, Los Angeles, USA)  
 Alina Israeli, PhD, Associate Professor, Department of World Languages and Cultures, (American University, Washington, D.C., USA)  
 Vladimir Karasik, Doctor, Professor (Volgograd State Pedagogical University, Russia, [vladimir\\_karasik@mail.ru](mailto:vladimir_karasik@mail.ru))  
 Y.A. Karpilovska, Doctor, Professor (Ukrainian Language Institute, National Academy of Sciences, Kyiv, Ukraine)  
 Gerhardt Koller, PhD, Professor (Friedrich Alexander University, Erlangen-Nuremberg, Germany)  
 G.N. Manaenko, Doctor, Professor (Stavropol State Pedagogic Institute, Russia)  
 Dominguez Matito, F., PhD, Professor Titular (University of La Rioja, Spain)  
 S.A. Moiseyeva, Doctor, Professor (Belgorod State Research University, Russia)  
 A.M. Prikhodko, Doctor, Professor (Dnepropetrovsk National University, Ukraine)  
 O.O. Selivanova, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)  
 G.G. Slyshkin, Doctor, Professor (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)  
 Daniel Vanderveken, PhD, Full Professor (University of Quebec at Trois-Rivières, Canada)  
 S.A. Zhabotinska, Doctor, Professor (Bogdan Khmelnytsky Cherkassy National University, Ukraine)

**Editorial Address:**

Ukraine, 61022, Kharkov, Svobody square, 4  
 (V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine)  
 Faculty of Foreign Languages  
 Tel.: (057) 707-51-44

Internet-page: <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>

All articles are peer reviewed  
 Published annually

Recommended by the Academic Council of V.N. Karazin Kharkiv National University  
 (Minutes № 6 of 28 May 2010)

© 2014 V.N. Karazin Kharkiv National University, Cover design: Vadim Shevchenko

## СОДЕРЖАНИЕ

Л.Г. Брутян КУЛЬТУРНЫЙ КОД КОМПЛИМЕНТА .....	8
В.В. Дементьев СУГГЕСТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ .....	20
Т.Е. Карлова ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТНОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ИНВАРИАНТНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ИМЕТЬ МНЕНИЕ» (на материале латинского, древнерусского, французского и русского языков) .....	37
А.Р. Martynyuk COGNITIVE INSTRUMENTS OF INVESTIGATING COMMUNICATIVE FAILURES .....	51
Н.М. Мекеко, М.В. Кутьева ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРЯДОВЫХ ПОЖЕЛАНИЙ В ФОЛЬКЛОРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ИСПАНИИ И РОССИИ .....	63
А.В. Олянич СЦЕНТАЛЬНАЯ И АУДИАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА ОХОТНИЧЬЕЙ КОММУНИКАЦИИ .....	76
А.Н. Приходько СЛОЖНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ В ПАРАТАКТИЧЕСКОЙ УПАКОВКЕ .....	93
Л.П. Рыжова СУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ .....	103
И.П. Сусов: МЫСЛИ О ЛИНГВИСТИКЕ (из неопубликованного) .....	120
А.А. Турченко КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА <i>СКРОМНОСТИ</i> . (на материале англоязычного дискурса) .....	131
Редакторы	142
Рекомендации по оформлению статей	145

УДК 811.111

## КУЛЬТУРНЫЙ КОД КОМПЛИМЕНТА

Л.Г. Брутян (Ереван, Армения)

**Л.Г. Брутян. Культурный код комплимента.** В статье делается попытка всестороннего анализа речевого акта комплимента. Анализируются разновидности комплимента, интенции адресанта, а также тактики принятия/непринятия комплимента со стороны адресата. Речевой акт комплимента исследуется также в свете гендерных различий и межкультурных различий и сходств. В частности, проводится сопоставительный анализ речевого акта комплимента в русской, армянской и английской лингвокультурах, на основе чего делаются выводы о сходстве и различиях, отражающих национальную специфику менталитета носителей рассматриваемых языков.

**Ключевые слова:** культурный код, речевой акт комплимента, гендерные различия, межкультурные различия и сходства, сопоставительный анализ, менталитет, лингвокультура.

**Л.Г. Брутян. Культурний код компліменту.** У статті робиться спроба всебічного аналізу мовного акту компліменту. Аналізуються різновиди компліменту, інтенції адресанта, а також тактики прийняття / неприйняття компліменту з боку адресата. Мовленнєвий акт компліменту досліджується також у світлі гендерних відмінностей та міжкультурних відмінностей і подібностей. Зокрема, проводиться порівняльний аналіз мовленнєвого акту компліменту в російській, вірменській та англійській лінгвокультурах, на основі чого робляться висновки про подібність і відмінності, що відображають національну специфіку менталітету носіїв розглянутих мов.

**Ключові слова:** культурний код, мовленнєвий акт компліменту, гендерні відмінності, міжкультурні відмінності і подібності, порівняльний аналіз, менталітет, лінгвокультура.

**L.G. Brutian. Cultural Code of a Compliment.** In the paper, an attempt is made to comprehensively analyse the speech act of a compliment. Different types of compliments are analysed, as well as the intentions of the addresser and the tactics of acceptance/non-acceptance of a compliment on the part of the addressee. The speech act of a compliment is studied also in the light of gender differences and inter-cultural differences and similarities. In particular, a comparative analysis of the speech act of a compliment is made in Russian, Armenian and English linguo-cultures, which leads to the conclusions on similarities and differences that reflect the national mentality specificity of the hearers of the languages under consideration.

**Key words:** cultural code, speech act of a compliment, gender differences, inter-cultural differences and similarities, comparative analysis, mentality, linguo-culture.

*Давайте говорить друг другу комплименты –  
 Ведь это все любви счастливые моменты.*

*/Булат Окуджава/*

Выбор темы нашего исследования обусловлен все возрастающим интересом к изучению различных сторон эффективной межличностной и межкультурной коммуникации, осознанием необходимости более глубокого



выявления коммуникативно-прагматических аспектов разных типов речевых актов, а также изучения различных форм речевого этикета. Анализ речевого акта комплимента, являющегося **объектом** изучения в данной статье является в свете сказанного насущно необходимым и **актуальным**

Как справедливо отмечает А.П. Садохин, “установлено, что характер, форма и стиль коммуникации во многом зависят от первых минут, а иногда и секунд общения. Существует множество ...простых приемов, позволяющих практически в любой ситуации облегчить начальный этап коммуникации, что определяет весь дальнейший ход этого процесса. К числу таких приемов относится ...комплимент... (выделено нами – Л. Б.)” [Садохин 2010: 139].

Дифференцируются разные типы комплиментов: искренние и льстивые, эффективные и двусмысленные, уместные и неуместные и т.д. В риторике выделяется ряд требований к комплименту. Вот что пишут об этом И.Н. Горелов и К.Ф. Седов: “*Комплимент* представляет собой “малую форму” эпидейктического красноречия, которая восходит к речевой культуре Средневековья, к традиции восхваления рыцарем своей прекрасной дамы... Комплимент требует от говорящего осознанных речевых усилий, он предполагает установку на художественность, творчество в речи. Разумеется, разные языковые личности в построении комплиментов придерживаются неодинаковых речевых стратегий, и выбор этих стратегий определяется типами индивидуальных стилей говорящих. Однако, как показали наблюдения за живым общением, ... большую роль в выборе внутрижанровых стратегий играет тип языковой личности адресата речи. Не случайно основной риторической рекомендацией в этом жанре выступает установка на “любственное внимание к адресату и изящество”. Действительно, комплимент продиктован желанием сделать приятное собеседнику. А чтобы вызвать у человека положительные эмоции, нужно знать его личностные особенности и, в том числе, особенности его языковой личности. Поэтому главное риторическое требование к комплименту – соразмерность... и ситуативность. Кроме того, комплимент должен быть искренним и нетривиальным, что соответствует канонам кооперативного общения” [Горелов, Седов 2005: 180–181].

Итак, одним из главных требований к комплименту является соразмерность, уместность. Как справедливо пишет Н.И. Формановская, “приучить себя быть щедрым на похвалу в соответствующей ситуации и соответствующему собеседнику очень важно. И все это в меру, с чувством “соразмерности и сообразности”, уместно” [Формановская 1989: 144]. Приведем пример неуместного комплимента, позаимствованный у Н.И. Формановской: “Если, например, после доклада ... женщина вправе ждать одобрения своих деловых качеств, а говорящий расхваливает ее одежду, эффект такого комплимента может оказаться противоположным – ведь она ждет одобрения тех мыслей, которые она высказала, манеры говорить, умения обосновывать свою точку зрения, логически рассуждать, а не внешности” [там же].

Хороший комплимент – это комплимент искренний, откровенный и не содержащий слишком большого преувеличения достоинства, которое хвалят. В противном случае мы имеем дело не с комплиментом, а с лестью, которая имеет больше шансов быть отвергнутой из-за откровенной неправдоподобности. Сравним: *Ты прекрасный руководитель* (комплимент) и *Ты лучший в мире руководитель* (лесть).

Эффективным является комплимент на фоне антикомплимента себе, когда возвышая адресата, адресант одновременно указывает на свои недостатки. Пример: *Одна преподавательница говорит другой: “Как тебе удалось заставить его учиться? Я год с ним мучалась и все без толку”*. Это иллюстрация хорошего комплимента коллеге на фоне антикомплимента себе.

Для того, чтобы комплимент был хорошим, нужно иметь о собеседнике информацию и проявить эмпатию: без этого нельзя угадать, что будет приятно собеседнику услышать. Предположим, что перед нами стоит задача, и довольно сложная, сказать комплимент человеку, который известен резкостью своих высказываний. Начнем с эмпатии и зададимся вопросом: считает ли он себя резким в высказываниях? Очевидно, нет. Он, скорее всего, считает себя прямым, честным, принципиальным, чем и гордится, осуждая других за отсутствие прямоты и смелости в высказываниях. Это может послужить основой для комплимента на фоне антикомплимента себе: *Мне так не хватает вашей смелости и прямоты!*

Комплимент должен иметь под собой фактическую основу, т.е. должен быть основан на использовании фактов, известных обоим коммуникантам. Как говорил Ж. де Лабрюйер [Ларошфуко и др. 1990]: “Похвала требует фактов, и притом умело поданных”. В противном случае он может превратиться в грубую лесть или быть воспринят как издевательство. Так, если студенту, который во время экзамена отвечает из рук вон плохо, экзаменатор скажет: *Вы замечательно отвечаете*, то такие слова, конечно же, являются насмешкой, антикомплиментом и ничего общего с комплиментом не имеют.

Хороший комплимент – это комплимент краткий, лаконичный, однозначно понимаемый. Двусмысленные комплименты поэтому не могут быть отнесены к разряду хороших. Комплимент, имеющий структуру “X, но Y” (типа *Вы хороший студент, но Вам следует следить за дисциплиной*), т.е. комплимент с нравоучением не может быть воспринят однозначно как таковой.

Приведем теперь анекдоты-примеры ядовитых, колких комплиментов, по сути – антикомплиментов, имеющих цель оскорбить собеседника:

- *Твоя прическа, – говорит муж, – словно чудесный сон!*
- *А твоя – словно голая действительность.*

*Беседуют подружки.*

– *Милочка, ты сегодня так хорошо выглядишь, что я даже не узнала тебя* (Цит. по [Седов 2007: 22, 96]).

Комплименты говорят по разным причинам. Это, во-первых, действенный прием, позволяющий “расположить к себе собеседника и заложить основы для продолжительного и эффективного общения” [Садохин 2010: 139]. Комплименты говорят и из вежливости. С другой стороны, комплименты зачастую делают из желания услышать в ответ комплимент в свой адрес: *Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку*. Ф Ларошфуко в связи с двусторонним характером слов похвалы говорил: “Чистосердечной похвалой мы обычно награждаем тех, кто нами восхищается”, “Мы хвалим других обычно лишь для того, чтобы услышать похвалу себе”. Есть и другие внутренние мотивы: “Мы порою восхваляем доблести одного человека, чтобы унижить другого...” [Ларошфуко 1990]. Наконец, среди интенций адресанта можно выделить и лесть, личную корысть.

С точки зрения воздействия на адресата и общей ценности комплиментарных слов, отметим, что, во-первых, комплимент удовлетворяет важнейшую психологическую потребность человека – потребность в положительных эмоциях и имеет воспитательное значение. Кроме того, умение подмечать положительные качества в других помогает нам замечать больше хорошего в нас самих [Alvin Soon//<http://lifecoachesblog.com>].

В.В. Маяковский говорил: *Толча комплименты, как воду в ступке, люди совершают благородные поступки*. А Виктор Гюго сравнивал слова похвалы с поцелуем через вуаль. Значит, ценность комплиментов и в том, чтобы доставлять друг другу удовольствие.

Таким образом, **ценность** комплимента как вербального действия, “благородного поступка” (по В.В. Маяковскому) заключается в том, что он закладывает основу для эффективной коммуникации, устанавливает хорошие отношения с собеседником, располагает его к себе, удовлетворяет потребность в положительных эмоциях, доставляет собеседнику удовольствие, поднимает настроение, имеет воспитательное значение, поднимает (само)оценку как адресанта, так и адресата.

Рассмотрим и **реакции – ответные реплики** на комплимент. При том, что получать комплименты любит большинство людей, реакции на них бывают разными в зависимости от многочисленных факторов, в том числе – межкультурных различий. В целом комплименты принимаются весьма благосклонно, поскольку каждому по душе уже сам факт того, что ему хотят сказать что-то хорошее, и возможные промахи прощаются легко. Однако бывают ситуации, когда комплимент воспринимается со знаком “–”. Так, обратный смысл может придать словам комплимента особая улыбка, сопровождающая эти слова, что превращает их в насмешку. Или, не те ассоциации, негативные эмоции может вызвать у адресата двусмысленный комплимент или же “комплимент”-лесть. Ответные реплики-реакции типа *Это всего лишь комплимент, Вы мне льстите* и т. п. свидетельствуют о том, что сказанное не отражает реального положения дел и является лестью. Другим случаем, когда комплимент может быть не принят, неправильно понят

и воспринят как лесть, является случай, когда адресант и адресат находятся в отношениях “подчиненный-руководитель”. Именно по этой причине нередко подчиненные избегают делать комплименты своим руководителям. Иногда комплимент отвергают из желания услышать его повторно: эту тактику неприятия комплимента можно рассматривать как косвенное напрашивание на него. Как говорил Ф. Ларошфуко: “Уклонение от похвалы – это просьба повторить ее” [1990].

А вот что пишет в связи с этим крупнейший специалист по теории коммуникации Дж. Адаир: “Люди, являющиеся объектами похвалы, часто смущаются, не зная, как реагировать на похвалу. Некоторые специалисты по социальной психологии интерпретировали такую реакцию как свидетельство того, что люди чувствуют потенциальную опасность использования похвалы в целях манипуляции. Конечно, неловкость может быть признаком того, что человек, которого похвалили, видит стоящие за комплиментами фальшивые мотивы или неискренность. С другой стороны, смущение может быть просто проявлением скромности... Однако полностью отвергать похвалу тоже нескромно. Если точнее, это ложная скромность. Она ставит под сомнение правдивость слов собеседника, как бы обвиняя его во лжи и обмане” [Адаир 2006: 244–245].

Итак, речевой акт комплимента – это один из типов речевых актов, который, в свою очередь, представлен многообразием характера слов комплимента, различными тактиками принятия/неприятия комплимента со стороны адресата, и который характеризуется также разнообразием интенций.

Интерес представляет и изучение комплиментов в аспекте **гендерных различий**. Принято считать, что комплименты надо делать только женщинам, что двумя-тремя тривиальными комплиментами можно польстить ее самолюбию, что мужчины комплиментов не любят. На самом деле это глубокое заблуждение. На самом деле, как показывают наблюдения, а также многочисленные исследования специалистов по психологии общения, комплименты любят получать как женщины, так и мужчины. А ошибочное мнение о том, что мужчины не любят комплиментов, объясняется, во-первых, тем, что мужчины, как более сдержанная “половина человечества”, скрывают свою реакцию (конечно, положительную) на комплимент (если это не лесть). Женщины же, будучи более эмоциональными по сравнению с мужчинами, не скрывают своих эмоций, своей радости и удовлетворения по поводу получения комплимента и всегда внутренне готовы получить его – ведь, как известно, “женщины любят ушами”, им как воздух необходимы “словесные поглаживания” (термин Н.И. Формановской). Причем, разница в отношении к комплименту у лиц обоих полов проявляется и в том, что женщина не устает от комплиментов, ей нужно постоянно их слышать для поддержания своей самооценки и уверенности в себе. С другой стороны, во многих культурах именно мужчины делают комплименты женщинам, а не наоборот: мужчины, как “сильный пол”, могут себе позволить “побаловать” женщину, сказав

ей приятные слова с высоты своего положения. Есть еще один фактор: комплименты по поводу внешности делают в основном женщинам (но не мужчинам), а уж похвалить можно и шляпку, и новую прическу, и наряд и т. д. и т. п. Перечислять можно очень и очень долго. Наконец, женщина во все века, несмотря на гендерную дискриминацию, была объектом преклонения, почитания и музой для мужчин; "... известно, что самые лучшие слова в мире были сказаны женщине или о женщине..." [Гак 2003: 598]. Все вышесказанное говорит о неравномерности распределения комплиментов среди мужчин и женщин: женщины получают их чаще, но мужчины любят их получать ничуть не меньше.

Рассмотрим теперь речевой акт комплимента через призму **межкультурных различий и сходств**: ведь при схожести единой установки – сделать приятное собеседнику, форма выражения комплимента, а также его восприятие зачастую бывают очень разными в разных культурах. И это зависит от менталитета носителей той или иной культуры, от пола и возраста собеседников, от принятых в том или ином обществе норм проявления чувств, в частности, симпатий. Существенно отличаются и реакции на комплименты в разных, иногда даже близких культурах. Поэтому неудивительно, что какое-нибудь выражение, употребляемое в качестве похвалы в одном обществе, может быть воспринято в другом как лесть, а в каком-то ином обществе и вовсе как оскорбление.

Так, "англо-американская культура поощряет отзываться с похвалой о других людях, дабы поднять их в собственных глазах. В японской же культуре, наоборот, похвала в лицо не поощряется, однако вызывает одобрение говорить о себе "плохо"" [Вежбицкая 1997: 397–398]. Скупые на комплименты японцы (имеющие при этом специальную форму благодарности в ответ на похвалу) воспринимают прямые комплименты, звучащие из уст американцев, как лесть, но не проявление искренней похвалы.

Известно, что в США комплимент женщине на работе (по поводу ее внешности, наряда и т. д.) может рассматриваться как сексуальное домогательство, за что можно попасть и под суд: сесть в тюрьму, заплатить огромные штрафы (чем, кстати, многие американские феминистки не преминули воспользоваться). Вот как об этом пишет известный культуролог Г. Гачев: "Сидели, слушали-смотрели по телику разбор дела кандидата в Верховные судьи Кларенса Томаса, негра, кого его секретарша прежняя обвиняла в sexual harrassment – что склонял ее к сексу, намекал предложениями. А всего-то, оказывается, делал ей некоторые легкие комплименты..."

И вот уже полмесяца вся Америка только и спорит об этом: было это приставание или нет, и в чем заключалось, и можно ли легкие намеки и комплименты, заигрывания – считать "принуждением к сексу"? По телевидению, в газетах – непрерывно и часами.

Но в какой мелочишке роятся – носами и вопросами! То, что есть элементарный, легкий – даже не флирт, а просто комплимент, на взгляд

европейца, француза, например, простая галантность, – тут тупо и всерьез как прямо **секс** – трактуется! И в этом – ментальность! Не понимают “амуров” – любовной игры; а раз комплимент – то сразу практичен, к цели, ибо не могут себе представить бесцельного комплиментирования женщине. Работяги утилитарные – и в этом” [Гачев 2003: 376–377].

Если в США делать комплименты женщине иногда бывает очень опасно, то в Италии, где культ прекрасного вообще, “женщиной принято восхищаться и не скрывать этого. Что положительно характеризует итальянских мужчин, так это то, что восхищаться и, главное, демонстрировать это они будут любой – некрасивой, старой, молодой, глупой, красивой, не делая исключений... Пусть это игра, но игра, которая тайно нравится даже самым отчаянным феминисткам” [Павловская 2006: 234–235]. В мусульманских же странах нельзя делать комплиментов по поводу внешности жены собеседника. При этом в странах арабского мира при общении принято щедро раздавать комплименты друг другу.

Женщины в целом, как уже отмечалось, очень любят получать комплименты, но и в этом существуют межкультурные различия. Вот как реагируют на комплименты женщины Скандинавии, которая по праву считается “оплотом победившего феминизма”, о чем читаем в газетной статье с показательным названием “Скандинавки ищут подвох в праздничных поздравлениях” [“Новое время”, 11 марта 2010 год]: “8 марта, как всегда, прошло под знаком борьбы за права дам. Цветы, комплименты, небольшие презенты и прочие проявления галантности, типичные для других стран, многие скандинавки в Женский день отвергают, видя в иных скрытую попытку вернуться к патриархальному построению общества, в котором “слабый пол” находится в подчинении у мужчин”.

О том, как по-разному реагируют на комплименты в связи с разными культурными традициями, говорит в своем интервью Франк Миллер, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, преподающий там русский язык и много общавшийся с русскими людьми: “... американец примет комплимент с удовольствием, поблагодарит, а русский обязательно станет отказываться: “Да что вы!” или “Как бы не сглазить!”” [“Русский язык за рубежом” 2011: 106].

Примечательно, что в качестве комплиментов во многих культурах используются сравнения с представителями животного мира, причем то, что считается комплиментом в одной культуре, в другой может быть вовсе непонятным и даже оскорбительным. Так, в русской культуре “*птичка, рыбонька, сокол, орленок* – это все ласкательные или похвальные названия” [Феллер 1964: 59]. По словам И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, “очень странное впечатление на носителей иной культуры могут произвести некоторые комплименты женщинам. В Индии можно польстить женщине, если сравнить ее с коровой, а ее походку – с походкой слона. Хороший комплимент японке – сравнение ее со змеей, татарке и башкирке – с пиявкой, олицетворяющей

совершенство форм и движений. Обращение к женщине “Гусыня!” в русской культуре – оскорбление. В Египте – это ласковый комплимент” [Горелов, Седов 2005: 132]. В Армении комплиментом мужчине может быть сравнение его со львом, с орлом. Ребенка ласково называют барашком, а комплимент женщине – сравнение ее с ланью.

Остановимся теперь на комплиментах в армянской культуре более подробно. Армяне – народ крайностей. С одной стороны, во время праздничных застолий звучат щедрые слова похвалы в адрес женщины; мы придумали даже не имеющий аналогов в других странах “женский месячник”, когда постоянно, в течение целого месяца, восхваляют женщину, дарят ей улыбки, цветы, комплименты. С другой стороны, в будни мы как-то с трудом делаем комплименты друг другу: сказываются и трудности быта, и наша ментальность. К сожалению, не всякий действительно владеет искусством сделать приятный женщине комплимент, и тогда слова, направленные в адрес женщины, превращаются в антикомплимент. Вот как описываются армянские комплименты в статье “Девичьи будни и армянские комплименты” [“Комсомольская правда”, 2008 г., 24–30 апреля]: “Нет, не то чтобы мне не нравилось внимание со стороны “сильной половины” населения, просто способы выражения этого внимания не всегда бывают оптимальными. Для пущей достоверности опишем один день из жизни армянской девушки симпатичной наружности.

Оделась, нарядилась, вышла на улицу. Собравшиеся кучкой парни двора делают “круглые глаза” и удивленные лица. Вслед ей летит фраза: “Браток, мне в натуре нехорошо. ЧТО ЭТО БЫЛО!” “Неужели со мной сегодня что-то не то? Или слишком сильно надушилась?” – думает симпатичная девушка, немного огорчаясь. Утро подпорчено, но день только начался, она останавливает маршрутку, где ее встречают те же оценивающие взгляды. Съездившись в предчувствии очередных “комплиментов”, садится на первое попавшееся свободное место. “Ну и птенчик!” – доносится от парней, сидящих напротив. “Какой я вам птенчик?! Это больше подходит вон той девушке, что сидит за шофером: на ней хоть перья есть. Вон, на сапогах, на сумке, на заколке; синие красные, розовые... Где не камушек, там перышко! А может, они имеют в виду, что у меня нос, как клюв? Какой ужас!” Спустившись из маршрутки и оказавшись в родном университете, она, облегченно вздохнув, решит, что уже в безопасности, но напрасно. Поднимаясь за ней по лестнице, громко гоготнув, кто-нибудь обязательно скажет: “Так и съел бы твои ножки!” Следуя чисто женской логике, она придет к выводу, что это намек на то, что ее ноги похожи на свиные окорока (что еще может хотеть съесть парень в “голодные студенческие годы”?) и расстроится окончательно. Настроение испорчено бесповоротно. Возвращаясь вечером домой, проходя мимо “сгруппированных” на улице соседей, она придаст своему лицу такое выражение, чтобы все поняли: день не удался, приставать не советую. Придет домой, устало бросит сумку на стол и, подойдя к зеркалу, подумает: не такая уж я и страшная. Плавной

походкой подойдет к окну и задумается: как же это получается, что никто вокруг не замечает ее красоты? Где уж ей, своим “недалеким женским умом” понять, что все те комментарии, которые она слышала вокруг себя в течение дня, были не издевательствами, а самыми настоящими армянскими комплиментами?” Комментарии, как говорится, излишни. При этом хотелось бы привести и слова Соса Саркисяна, крупнейшего армянского актера и общественного деятеля, который в интервью газете “Комсомольская правда” [2009 год, декабрь, № 50] утверждает: “Ложь во спасение – великая вещь. Даже некрасивой женщине можно сделать комплимент, порадовать ее. Есть у моего народа государственная ... правда”.

Как же мы воспринимаем комплименты, если это хорошие, искренние комплименты? Как показывает практика, армяне, особенно женская половина населения, любят отвергать комплименты со словами: *Нет, это не так, Что вы, совсем наоборот* и т. д. Сказывается наша ментальность: недоверие к собеседнику, ориентированность на то, чтобы увидеть подвох, какой-то тайный, скрытый смысл, а также наша зажатость, чувство смущения, отсутствие опыта в получении комплиментов. Есть и такая версия: армяне из суеверия не принимают комплиментов. Надо подчеркнуть, что сказанное в большей степени относится к женщинам среднего и старшего возраста. Сегодняшнее молодое поколение в лице молодых женщин и совсем юных девушек и девочек с большим достоинством, со словами благодарности принимает комплименты, видимо, под влиянием всепроникающей американизации.

Особенностью армянских комплиментов в структурно-содержательном плане является довольно обильное использование комплиментов-сравнений, в которых человек сравнивается, к примеру, с солнцем, со светом, с огнем, золотом, с Богом, царем, храмом, с душой, горой, поэзией, музыкой. Например: *Ты красива, как поэзия и глубока, как музыка*. Девушку часто сравнивают с цветами, с розой, речь человека – с нектаром, с медом. В армянской культуре комплиментом женщине является сравнение ее с мужчиной, приписывание ей мужских качеств.

Проведенный нами анализ комплиментарных дискурсов, извлеченных из армянской и русской художественной литературы в равном количестве (по 200 примеров из каждого языка), выявил, что комплименты по поводу внешности человека встречаются практически в одинаковой мере в обеих лингвокультурах (по 15% и 14% соответственно от общего количества). Примечательно, что среди комплиментов по поводу красоты отдельных элементов внешности, частей тела в армянском языке преобладают комплименты, характеризующие глаза, взгляд. Делая такие комплименты, говорят о добрых, умных глазах, о чарующем, волшебном и часто даже сладком взгляде. Не случайно, что именно армянские глаза – *глаза армянина*, – воспеты поэтами и писателями, несущие в себе неизбывную печаль и тоску по утерянной родине, являются одним из важнейших этнических признаков



культурного кода армян, армянской идентичности. Следует отметить также, что хваля глаза, взгляд человека, в армянской культуре одновременно имплицитно одобряют также проницательность, ум человека. В армянском языке распространенными являются и комплименты по поводу голоса собеседника, который характеризуется как приятный, сладкий. В армянских комплиментах всей внешности, общему виду в целом обильно используются синонимы, эпитеты, превосходная степень прилагательных и т.д., что отражает большую эмоциональность армян.

Комплименты внутренним, моральным качествам человека тоже встречаются практически в одинаковой степени в армянской (20%) и в русской (18%) лингвокультурах. Примечательно, что таких комплиментов больше, чем комплиментов внешности. Анализ выявил, что из внутренних, моральных качеств человека в армянской культуре больше всего хвалят за честность, справедливость, доброту, совесть, сердечность, человечность, великодушные, смелость, добродетельность, покорность.

Касательно комплиментов родственникам собеседника, которые в армянской лингвокультуре преобладают над русскими (7% и 4% соответственно), следует отметить, что в армянской культуре прежде всего хвалят детей. Это объясняется чрезвычайной любовью армян к своим детям, которые в семейной иерархии безусловно стоят на первом месте. И, делая комплимент детям, мы тем самым возвышаем их родителей.

Что касается комплиментов профессиональным качествам или определенным способностям человека, то в армянской культуре их намного меньше, чем в русской (10% и 22% соответственно). В таких комплиментах в армянском доминируют эпитеты *талантливый, одаренный, умелый, прекрасный* и т.д. По конкретному содержанию комплименты данной группы характеризуют музыкальные способности, ораторское искусство, поэтический дар, кулинарные способности.

В отличие от последней группы, общеоценочные комплименты, сочетающие в себе похвалу человеку по нескольким критериям одновременно, что усиливает эмоциональную силу комплимента, не только преобладают в армянской культуре над общеоценочными комплиментами в русской (30% и 19% соответственно), но и в процентном отношении являются самой большой группой среди всех типов.

Опрос, проведенный среди 80-и лиц армянской национальности, представителей разных социальных слоев общества, разных половозрастных групп (за основу был взят опрос, проведенный магистранткой Ереванского государственного университета Марией Чекучян), выявил следующее: 1) в возрасте от 20-и до 35-и лет большинство женщин (15 из 20-и) предпочитает получать комплименты, а не говорить их. И мужчины в той же возрастной группе предпочитают получать комплименты, хотя и в меньшей степени, чем женщины (11 из 20-и). Примечательно, что в старшей возрастной группе (35–50 лет) лица обоих полов предпочитают в своем большинстве

делать комплименты; 2) в возрасте от 20-и до 35-и лет женщины и мужчины в первую очередь хвалят внешность человека (13 из 20-и), тогда как в возрастной группе 35-50 лет на вопрос: “Что вы больше всего хвалите в людях?” прозвучали практически одинаковые ответы у информантов обоих полов: 13 женщин и 15 мужчин из 20-и соответственно указали на определенные способности человека (мужчины в основном хвалят кулинарные способности своих жен), затем душевные качества, интеллект. Остальные хвалят внешность человека, однако в отличие от более молодых людей указывают также на вкус собеседника.

С целью более глубокого сопоставительного анализа речевого акта комплимента в русской, армянской и английской лингвокультурах нами были проанализированы соответствующие словарные статьи, фразеологизмы, словосочетания, пословицы и поговорки, относящиеся к комплиментам, а также образцы комплиментарного дискурса в русском, армянском и английском языках. Анализ позволил сделать следующие выводы: а) с точки зрения аксиологической характеристики, наибольшую положительную окрашенность имеет комплимент в английской лингвокультуре, а наибольшую негативную и субъективную – в армянской; в русском же языковом сознании комплимент имеет наряду с положительными коннотациями, которые преобладают, также и негативные, связанные как с завышенной оценкой адресата, так и с корыстными интенциями адресанта; б) наблюдается большая сдержанность армян и англичан в формулировках комплиментов; в) комплимент в английской культуре, в отличие от русской и армянской, носит скорее формальный характер; г) в русском и армянском языковом сознании, в отличие от английского, комплимент бывает связан с намерением говорящего, преследующего личную выгоду; д) в английском языковом сознании комплимент ассоциируется прежде всего с одобрением, что отсутствует в армянском языке; е) в английской и русской культурах, в отличие от армянской, комплимент ассоциируется с понятиями вежливости и уважения; ж) в армянском языковом сознании, в отличие от русского и английского, комплимент - это необоснованная похвала; з) комплимент как сочувствие и – шире – эмпатия встречается только в русской лингвокультуре; комплимент в таком понимании – это чисто русское явление; и) комплименты в русской и особенно в армянской культурах, в отличие от английской, принимаются с большой “силой сопротивления”.

**Обобщая**, можно заключить, что при всем сходстве функционирования речевого акта комплимента в русской, армянской и английской лингвокультурах, есть и значительные различия, отражающие национальную специфику менталитета носителей рассматриваемых языков, что открывает широкие перспективы дальнейших исследований.

**ЛИТЕРАТУРА**

1. Адаир Дж. Эффективная коммуникация / Дж. Адаир – М. : Эксмо, 2006 – 320 с.
2. Брутян Л.Г. Опыт сопоставительного изучения семантики слова “комплимент” в русском, армянском и английском языках / Л.Г. Брутян // Русский язык и литература в научной парадигме XXI века : материалы междунар. науч. конф. – Ереван : Изд-во ЕГУ, 2011 – С. 140-147.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
4. Гак В.Г. В поисках истины / В.Г. Гак // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. Сост. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2003 – С. 685–695.
5. Гачев Г. Ментальности народов мира / Г. Гачев – М. : Эксмо, 2003 – 541с.
6. Горелов И.Н. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов – М. : Лабиринт, 2005. – 320 с.
7. Ларошфуко Ф. де. Суждения и афоризмы / Ф. де Ларошфуко, Б. Паскаль, Ж. де Лабрюйер. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1990. – 384 с.
8. Павловская А.В. Италия и итальянцы / А.В. Павловская. – М. : Изд-во Олма Медиа Групп, 2006. – 368 с.
9. “Русский язык за рубежом”. – 2011. – № 2.
10. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация / А.П. Садохин. – М. : Альфа-М: ИНФРА-М, 2010. – 288 с.
11. Седов К.Ф. (сост.) Психолингвистика в анекдотах / К.Ф. Седов – М. : Лабиринт, 2007. – 112 с.
12. Феллер М. Как рождаются и живут слова / М. Феллер. – М. : Просвещение, 1964. – 195 с.
13. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М. : Высшая школа, 1989. – 159с.
14. Alvin Soon How to give a good compliment [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lifecoachesblog.com>

**Брутян Лилит Георгиевна**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации Ереванского государственного университета, академик Армянской философской академии; email: [lilit.brutian@gmail.com](mailto:lilit.brutian@gmail.com)

УДК 811.01'37'42

## СУГГЕСТИВНЫЕ АСПЕКТЫ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ И РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

**В.В. Дементьев (Саратов, Россия)**

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ  
(проект № 13-04-00114).

**В.В. Дементьев. Суггестивные аспекты косвенных речевых актов и речевых жанров.** В статье анализируются суггестивные аспекты косвенных речевых актов и речевых жанров. Существенными для понимания данных аспектов являются противопоставление планируемой и непланируемой непрямой коммуникации, сознательно и бессознательно избираемых речевых актов и речевых жанров. Обсуждаются также некоторые национальные особенности суггестии косвенных речевых средств в различных культурах, в частности, оппозиции личности – имперсональности в русской культуре.

**Ключевые слова:** косвенный речевой акт, непрямая коммуникация, личность, речевой жанр, суггестия.

**В.В. Дементьев. Суггестивні аспекти непрямих мовних актів і мовних жанрів.** У статті аналізуються суггестивні аспекти непрямих мовних актів і мовних жанрів. Істотними для розуміння цих аспектів є протиставлення планованої і непланованої непрямой комунікації, мовленнєвих актів і мовленнєвих жанрів, що свідомо або несвідомо обираються мовцем. Обговорюються також деякі національні особливості суггестії непрямих мовленнєвих засобів у різних культурах, зокрема опозиція личности – імперсональності в російській культурі.

**Ключові слова:** непрямий мовленнєвий акт, непряма комунікація, личность, мовленнєвий жанр, суггестія.

**Dementev V.V. Suggestive aspects of indirect speech acts and genres.** The article analyzes the suggestive aspects of indirect speech acts and speech genres. Essential for their understanding is the opposition of planned and unplanned indirect communication, speech acts and speech genres consciously or unconsciously chosen by the speaker. Some national characteristics of suggestion of indirect speech means in different cultures have been discussed, in particular, the opposition personality ~ impersonality in Russian culture.

**Key words:** indirect speech act, nondirect communication, personality, speech genre, suggestion.

### 0. Введение

Соотношение косвенного речевого акта и косвенного речевого жанра обсуждается в монографии «Теория речевых жанров» [Дементьев 2010: 206–209]. В настоящей статье анализируются некоторые аспекты косвенных речевых актов и речевых жанров, которые не были затронуты в монографии, а именно: аспекты суггестии.

За время, прошедшее после выхода монографии, теория суггестии обогатилась серьезными достижениями в области как планируемой непрямой

коммуникации (косвенности), так и непланируемой непрямой коммуникации. Особенно значимыми, на мой взгляд, были две работы: монография **К.Ф. Седова «Дискурс как суггестия»** [2011] (в ней ученый дает определение суггестивной модели межличностного общения, в центре которой стоят малоконтролируемые или совсем неподконтрольные разумом феномены психики, которые на эмоционально-мотивационном уровне проявляют себя в социальном взаимодействии людей, и подробно рассматривает три главных, с его точки зрения, феномена суггестивного дискурса: агрессию, манипуляцию и зависть) и **серия исследований Деборы Таннен**, которые продолжили ее многолетние разработки в области косвенности в американской разговорной, т.е. устной спонтанной речи, «непринужденных разговорах», а отсюда – в связи с межличностными отношениями: в семейных беседах [Tannen 2001, 2009]; в общении противоположных полов [Tannen 2007]; в деловой речи [Tannen 2000]; в кросс-культурной прагматике [Tannen 1980, 1986]<sup>4</sup>.

В семиотическом плане оба исследователя ставят в центр проблему интерпретации, наиболее принципиальную в прагматической теории, а именно: с одной стороны, осложненную или особо активную интерпретацию, которая вообще сопряжена с любой ситуацией НК, по сравнению со случаями «простого» прямого – конвенционального и однозначного использования знаков; с другой стороны – противопоставление интерпретации адресанта и адресата и преимущественная важность для «итоговой интерпретации» вклада каждого из них.

### **1. Косвенные речевые акты**

Как отмечает А. Вежбицкая, понятие «косвенности» относится к наименее ясным в современной лингвистике. Исследовательница видит причину неудовлетворительности таких терминов, как «прямота» или «непрямота» (а также «солидарность», «непосредственность», «искренность», «общественная гармония», «сердечность», «самоутверждение», «интимность», «самовыражение» и т. д., через которые обычно объясняются различия в способах говорения в исследованиях по контрастивной прагматике), в том, что эти термины применяются к разным явлениям, которые формируются разными культурными нормами и ценностями [Вежбицкая 2003].

Обращаясь к принципиальному для нас вопросу о суггестивности непрямой коммуникации, в частности русской непрямой коммуникации, следует отметить, что непланируемая непрямая коммуникация вообще не подлежит суггестивному измерению (кроме тех случаев, когда суггестивность проистекает от адресата – такие случаи будут рассмотрены во втором разделе статьи).

<sup>4</sup> И, конечно, необходимо вспомнить широко известные книги Таннен, например «Это не то, что я имел в виду!: как разговорный стиль создает или разрушает отношения» [Tannen 1986], «Ты просто не понял: Женщины и мужчины в разговоре» [Tannen 2007], «Я просто говорю это, потому что я люблю тебя: Разговоры с родителями, партнерами, супругами и детьми» [Tannen 2001].

Что касается сознательно используемых для определенных целей приемов планируемой не прямой коммуникации, здесь, безусловно, можно говорить о суггестии, присущей отдельным случаям использования косвенных средств, а также общей цели использования данного явления; может быть осуществлено и кросс-культурное сравнение. В этом смысле можно упомянуть широко изученный в лингвокультурологии ряд культурных сценариев / ценностей, требующих использования средств планируемой не прямой коммуникации, например, английские требования *moderate expressing opinions, shared dislike for going to extremes* [Blum-Kulka 1982; Clark 1906; Fox 2005] или японское требование уклончивости [Mizutani&Mizutani 1987; Honna&Hoffer 1989].

Исследование русских прямых и косвенных форм в этом аспекте почти не осуществлялось (отмечалось лишь, что русский «коммуникативный стиль» более «прямой» по сравнению с английским [Ларина 2009]). Пожалуй, можно говорить лишь о требовании (но не вполне строгом), состоящем в нежелательности чрезмерной риторической выстроенности, а значит, в каком-то смысле «прямоты» в типах общения, на которые распространяется действие главных ценностных доминант русской коммуникативной культуры в целом, – например, нежелательности ортологической сверхправильности при выражении наиболее сущностно значимых, «выстраданных» мнений в *разговоре по душам*. Большинство же высказываемых мнений (прежде всего оценочных, особенно – нравственно-оценочных) выражаются точно и прямо (ср. данные русской паремиологии, выявленные Л.В. Балашовой: *резать правду-матку* и подоб. [2003]).

Безусловно, особенно важным и показательным с точки зрения использования не прямой коммуникации для любой культуры является такой участок «фатики», как **речевой этикет**. В целом использование (планируемой) не прямой коммуникации, продиктованное требованием вежливости, является наиболее очевидным и распространенным.

Как мы показали в [Дементьев 2006], не все разновидности не прямой коммуникации есть очевидная з а м е н а («прямой» единицы на «непрямую»). Замены всегда осуществляются целенаправленно, в самом факте замены есть некий смысл, который достаточно прозрачен. Именно к такому типу относится планируемая не прямая коммуникация / косвенность, которая используется, например, в большинстве косвенных речевых жанров (таких как косвенные фатические речевые жанры типа *флирта* или *розыгрыша*). Этот тип не прямой коммуникации всегда создает эффект опосредованности между адресантом и адресатом речи, а также некоторого неявного и отстраненно-безличного управления интерпретацией адресата (в случае планируемой не прямой коммуникации интерпретация задается адресантом, хотя и неявно, «скрыто», а в случае конвенциональных косвенных средств, к которым относится большинство этикетных средств, – задается однозначно).

В этом смысле идеи, обуславливающие выбор косвенных средств, закономерно сближаются в сознании говорящих с очень важным для русского

ценностного национально-языкового сознания содержанием правого члена оппозиции **персональности ~ имперсональности**.

Данная оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом **персонального, личностного и межличностного** – и начала **социального, неличностного** (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы ценностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное, регламентированное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка – и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если назвать условно коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, Р (personal), то наличие Р, [Р] представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие Р, [-Р] оценивается отрицательно.

Действие названной оппозиции проявляется в организации русской **лексики**. Ср. лексические пары в современном русском языке: *правда ~ истина; воля ~ свобода; совесть ~ нравственность, этика; интеллигент ~ интеллект; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ законный, легитимный, правовой; мастер ~ профессионал; очень плохо ~ крайне неудовлетворительно; убийца ~ киллер; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; вожак ~ лидер; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...* – при всем разнообразии и разнородности, есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю;

что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый – заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый – нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца. Следует подчеркнуть, что среди лексических оппозиций / пар антонимов, охватываемых общей оппозицией [P] ~ [-P], есть такие важные для русской культуры, как *правда ~ истина, душа ~ разум, воля ~ свобода*. В то же время не все эти концепты встают в четко лексически оформленные оппозиции с другими концептами / лексемами – например, для *дружбы* отсутствует адекватное соответствие с значением члена [-P]: выражение *партнерские отношения* – двусловное, описательное (ср. англ. *partnership*), а лексемы *партнерство, корпоративность* – малоупотребительные.

В оппозицию [P] ~ [-P] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и речи, в частности, речевые жанры. Важной для русского языка и речи является речежанровая оппозиция *разговора по душам и светской беседы*. Члены данной оппозиции – антонимичные в русской речевой культуре жанры, – представляя разные нормы выражено гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речежанровых картин мира» [Дементьев 2010].

Как уже было сказано, в русской культуре подлжит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [P] ~ [-P]: *функционер, чинуша, службист, крючоктвор и крючок, казенный и казёница, муштра, аппаратчик, функционер, карьерист* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие – нет). Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [P] ~ [-P]: *душевный (задушевный), друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [P] ~ [-P] в фразеологизме *Не в службу, а в дружбу*. Оппозиция *душевный ~ бездушный*, образованная двумя словообразовательными производными от *души*, может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [P] ~ [-P].

Выделяемая нами русская культурная оппозиция [P] ~ [-P] имеет общее с выделяемой А.Б. Пеньковским категорией *чуждости*, проистекающей из семиотического принципа оппозитивного членения мира на «свой» и «чужой» [Пеньковский 1989]. Однако, в отличие от названной работы, мы говорим о русской безэквивалентной, неуниверсальной для большинства культур оценочности (Подробнее об этом см. [Дементьев 2013])

Вернемся, однако, к косвенным речевым актам.



Если, как уже было сказано, идеи, обуславливающие выбор косвенных средств, сближаются с содержанием правого члена оппозиции [P] ~ [-P], именно отсюда проистекает некоторое недоверие к непрямой коммуникации, к косвенным речевым средствам в целом в русском языковом сознании, причем не только к манипуляции, но и к косвенным речевым актам.

Рассмотрим пример на английском языке, который можно отнести к хрестоматийным в «теории косвенных речевых актов», точнее – ее западной разновидности, опирающейся на идеи Дж. Серля, – *Can you open the window?* ‘Вы можете открыть окно?’.

Как известно, *Can you open the window?* определяется в данной теории как конвенциональный косвенный речевой акт, причиной использования которого считается требование вежливости, точнее – представление о вежливости, принятое в англоязычной коммуникации.

Дж. Серль и Дж. Грин попытались теоретически обосновать причины распространенности и эффективности таких формул в функции косвенных директивов и решили, что, будучи по форме вопросами, они предоставляют адресату большую свободу: хотя бы гипотетическую возможность реагировать на них как на вопросы, то есть не-директивы, «более приемлемую возможность выйти из игры» [Серль 1986: 213; Green 1975: 128-130].

Вряд ли можно считать такое объяснение удовлетворительным. Так, Дж. Серлю и Дж. Грин убедительно возразил Р. Конрад, указавший на то, что для вопросов типа *Can you open the window?* «простой ответ “нет” является точно в той же степени невежливым, что и для соответствующих прямых просьб» [Конрад 1985: 370].

Думается, что ближе к истине точка зрения А. Вежбицкой, которая отказывается искать общие для всех культур причины использования «косвенных формул», объяснять их распространенность какими-то объективными и универсальными свойствами данных формул – «рациональностью», «эффективностью». Все решается в конечном счете системой сценариев данной культуры, подчеркивает Вежбицкая, которые полностью обуславливают представление о вежливости, принимаемое в данной культуре.

Относясь к планируемой непрямой коммуникации, косвенные побуждения эксплуатируют для повышения эффективности воздействия одно из свойств НК, а именно: отсутствие четкого разграничения смыслов. Косвенный речевой акт типа *Can you open the window?* можно понять и как вопрос, и как просьбу. Именно эта возможность одновременного прочтения двух коммуникативных смыслов составляет большую, чем у прямых просьб, вежливость косвенных побудительных речевых актов. Кстати, нетрудно заметить, что в самом по себе неразличении смыслов нет ничего вежливого. Подобные средства лишь считаются вежливыми в результате принятого общественного соглашения. Существуют культуры, в которых вежливым является не обращение к неопределенным средствам и побуждение адресата

совершить дополнительные интерпретативные усилия, которые необходимы для того, чтобы понять, что имеется в виду, а, наоборот, точное выражение своей мысли и избавление адресата от необходимости делать ненужные умственные усилия (см. примеры из израильской культуры, которые приводит А. Вежбицкая [2003]).

Рассуждения о неуниверсальности причин обращения к косвенным средствам лучше всего доказывает, на наш взгляд, тот факт, что в русском языке у *Can you open the window?* нет точного эквивалента: ближайшее функциональное соответствие *Не могли бы вы открыть окно?* принципиально отличается по форме: это *отрицание* (см.: [Булыгина, Шмелев 1997: 286]).

Думается, это не случайно.

Рассмотрим теперь русскую форму *Не могли бы вы открыть окно?*

Как и английское соответствие, это конвенциональный косвенный речевой акт – директив, использующийся в косвенной форме вопросительного предложения. Как и в английском, обращение к косвенной форме продиктовано требованием вежливости.

В то же время есть по крайней мере два серьезных отличия.

Повторяем, в обоих языках это конвенциональный косвенный речевой акт, но в английской речи, собственно, нет выбора: прямая форма в таких вежливых просьбах фактически исключена, так как воспринимается грубо. А раз нет выбора, это, так сказать, не совсем косвенный речевой акт. Но зато с точки зрения формы «все в порядке»: точно такую же форму *Can you open the window?* имеет недирективный речевой акт – вопрос, и у слушающего хотя бы гипотетически остается возможность прореагировать на эту реплику как на вопрос.

Но выбора как такового нет и в русском языке (несмотря на то, что прямые просьбы в русском языке, в отличие от английского, не находятся под запретом): дело в том, что форму *Не могли бы вы открыть окно?* имеют только просьбы, и никогда – реальные вопросы: вопрос может иметь только неотрицательную форму типа *Вы можете открыть окно?* или *Можете ли вы открыть окно?* В этом смысле в русском языке не выполняется даже формальное требование, предъявляемое к косвенным речевым актам в классической теории Серля – Грин: на «вопрос» *Не могли бы вы открыть окно?* нельзя даже гипотетически прореагировать как на не-директив (как и на вопрос *Можете ли вы открыть окно?* нельзя прореагировать как на просьбу), ситуации такого «непонимания» выглядят настолько курьезно, что обыгрываются в юмористических текстах – ср. рассказ М. Зубкова «Трешка», который начинается так:

*Вот подходит недавно один:*

- *Слушай, ты не мог бы одолжить трешку?*
- *Мог бы, – говорю. И иду своей дорогой. <...>*

Выскажем предположение, что отрицательная форма избрана в русской коммуникации именно для того, чтобы вежливый директив типа *Не могли бы вы открыть окно?* нельзя было спутать с не-директивами типа *Можете ли вы открыть окно?*, то есть чтобы это были *не* косвенные речевые акты, восприятие которых в русской коммуникации сопряжено с некоторым недоверием.

О.Б. Сиротининой выявлены почти невероятные для западной коммуникативной картины случаи, когда обращение к косвенным средствам для выражения просьбы (с точки зрения адресанта – обычно пожилого человека – они выражаются таким образом в более вежливой форме: *Надо бы за хлебом сходить; Форточку бы открыть*) обижало адресата речи – молодого человека, воспринималось как «изошренный диктат» [Сиротинина 1999: 27]<sup>5</sup>.

С манипуляцией, в отличие от косвенных речевых актов, «все ясно»: ее этическая недобросовестность не раз разоблачалась в мировой филологии и философии начиная с античности (см. обзоры литературы в: [Налимов 2003: 14-46; Friedrich 1986; Борухов 1989: 18-26]); и все же выскажем осторожное предположение, что в русской коммуникации манипуляции еще труднее одержать победу, чем в других культурах.

Как говорится по этому поводу в известном пособии по риторике [Клюев 1999], в современной России не получили большого распространения формы косвенного воздействия, поскольку имплицитные, выводные смыслы, присущие не прямой коммуникации, обычно ассоциируются с некой опасностью, в них подозревают «камень за пазухой» (хотя за пазухой, так сказать, далеко не всегда камень – иногда там может оказаться цветок!). Как остроумно заметил автор пособия Е.В. Клюев, «ситуаций, в которых прямые формулировки предпочтительны, всего десять – и все десять формулировок уже очень давно предложены Христом в виде заповедей» [Там же: 24].

Несмотря на это, Е.В. Клюев утверждает, что косвенное воздействие более эффективно и воздейственно, чем прямое (хотя не доказывает этого на речевом материале). По мнению исследователя, прямое воздействие задает «вертикальные» отношения типа «начальник → подчиненный» и не предполагает никакой иной реакции адресата, кроме исполнения или отказа («как в армии»): «<...> прямая тактика речевого воздействия, в сущности, тем действеннее, чем более пассивная роль остается на долю слушателя» [Там же: 155]. Напротив, косвенное воздействие требует от адресата «со-беседования», сотворчества: «<...> результативность и в конечном счете эффективность речевой тактики – прямая производная от степени творческой активности слушателя. Творческая же активность его несовместима

<sup>5</sup> У Деборы Таннен комментируется пример, который показывает, что и американцев могут раздражать косвенные РА, когда в них прочитывается возможное «скрытое неодобрение» [Tannen 2010: 311]. Молодая женщина, придя домой из колледжа, готовит салат, а ее мать спрашивает: «Ты собиралась резать эти помидоры на четыре части?» Дочь отвечает: «Что-то не так с ними?» – «Нет, нет, – отвечает ей мать, – просто лично я нарезала бы их кольцами». Дочь продолжает резать помидоры, но потом она рассказала, что подумала про себя: «Я не могу ничего сделать без того, чтобы мама сказала, что она сделала бы это по-другому?»

со слепым подчинением пусть даже самой благородной и надежной концепции говорящего» [Там же: 156]. Такой со-беседник способен «на ходу» перерабатывать информацию, хотя может сделать это за счет отрицания «самых дорогих нам установок» [Там же]. Таким образом, Е.В. Ключев понимает косвенное воздействие именно как НК (в соответствии с риторической направленностью исследования – как НК-2), и это совпадает с нашим пониманием непрямого воздействия.

Следует отметить, однако, что косвенное воздействие как НК-2 составляют не только косвенные иллюкутивные директивные акты (Е.В. Ключев говорит только о них), но и манипулирование, которое отнюдь не предполагает «со-беседования». При прямом воздействии не только задаются «вертикальные» отношения типа «начальник → подчиненный», но и прямо («честно») сообщается об этом. Косвенное же воздействие задает неопределенные отношения (кстати, это вполне могут быть и отношения «начальник → подчиненный»). Манипулятор хочет занять позицию начальника хитростью.

Есть еще одна сфера русской фатической коммуникации, по-своему имеющая несколько не меньшее ценностное содержание, чем этикет, где существует ярко выраженная национальная специфика использования косвенных средств, – это **диссонансная** фатика, порождаемая **конфликтным**, агрессивным коммуникативным поведением.

Особенность русского агрессивного коммуникативного поведения, неоднократно отмечаемая представителями других (прежде всего западных) культур, состоит в отсутствии запрета на «грубые слова». Следует отметить, что в формально-коммуникативном, семиотическом смысле это во многом универсальное качество, если за «грубыми словами» не стоит настоящая агрессия, т.е. если это косвенные фатические речевые жанры ОД, выражающие симпатию при внешней грубости, фамильярности. Однако в русской культуре, в отличие от многих других, как будто бы отсутствует и запрет на некоторые прямые ситуации агрессивного коммуникативного поведения – если обращение к «грубым словам» продиктовано *дружескими* чувствами – ср. паремии типа *милые бранятся – только тешатся*. Это дружеское чувство обязательно: без него такое же по форме агрессивное поведение однозначно осуждается – ср. в русской литературе образы Ноздрева у Гоголя, Дикого у Островского, Тарантьева у Гончарова.

Оппозиция [Р] ~ [-Р] в области агрессивного коммуникативного поведения проявляется в закрепленном исторически и широко отраженном в русских лексике и идиоматике (ср. данные Л.В. Балашовой [Балашова 2003, 2007]), пословицах, а также русской литературе **предпочтении** «человеческого» выплескивания агрессии (вплоть до рукоприкладства) обращению для этой цели к закону, органам власти. Ср.:

– *Вы же не слышали, как он тут обзывался...*

– *Это ваше мужское дело! <...> Вышли в тамбур и выяснили отношения. Нет, вы приводите милиционера, отвлекаете его тем самым от прямых обязанностей, да еще и внушаете работникам сельского хозяйства недоверие к форме уважаемых сотрудников общественного порядка...* (В. Шукшин. Печки-лавочки)

*Валиков подал в суд. Но так как дело это всегда кляузное, никем в деревне не одобряется, то Ефим тоже всем показывал палец и пояснял:*

– *Оно бы – по-доброму, по-соседски-то – к чему мне? Но она же шибко грамотная!.. Она же слова никому не дает сказать: самозагорание, и все!* (В. Шукшин. Суд)

Интересно, что такое моральное предпочтение свойственно не только необразованным представителям деревенской или просторечной культур, о которых пишет В. Шукшин, но и носителям литературного языка и элитарной речевой культуры, каковым, несомненно, можно считать великого советского педагога А.С. Макаренко:

– *Вы проанализируйте хорошенько: ведь Задоров сильнее меня, он мог бы меня искалечить одним ударом. А ведь он ничего не боится, не боятся и Бурун и другие. Во всей этой истории они не видят побоев, они видят только гнев, человеческий взрыв. Они же прекрасно понимают, что я мог бы и не бить, мог бы вернуть Задорова, как неисправимого, в комиссию, мог причинить им много важных неприятностей. Но я этого не делаю, я пошел на опасный для себя, но человеческий, а не формальный поступок. А колония им, очевидно, все-таки нужна. Тут сложнее. Кроме того, они видят, что мы много работаем для них, все-таки они люди. Это важное обстоятельство.* (Педагогическая поэма).

Несмотря на то, что в предыдущем примере адресатом Макаренко была женщина, складывается впечатление, что явление, о котором идет речь, присуще только мужскому поведению. Мужчинами иногда отмечается, что женщины склонны решать конфликтные ситуации судом:

– *Воли им дали много! – с сердцем сказал Костя Бибилов, невзрачный мужичок, но очень дерзкий на слово. – Дед Иван говорит: сейчас хорошо живет баба да корове, а коню и мужику плохо. И верно. Воли много, они и распустились. У Игнахи вон Журавлева – тоже: напилась дура, опозорила мужика – вел ее через всю деревню. А потом она его же: «А зачем пить много разрешил!» Вот как!..* (В. Шукшин. Беспалый)

Данный факт, кстати, скорее подтверждает, что манипулятивное агрессивное поведение в русской культуре встречает более серьезное

сопротивление, чем в других культурах, – большее, чем открытая агрессия, а потому манипуляции могут одержать лишь временную победу... пиррову победу.

Таким образом, представляется неоправданным говорить об однозначном запрете на непрямую коммуникацию в русской культуре, особенно в таких подчеркнута семиотических сферах, как этикет, а также наиболее противопоставленные ему инвективные высказывания, или однозначно называть русскую культуру «прямой», как это делают некоторые исследователи.

В то же время несомненно, что есть области и сферы применения (планируемой) непрямой коммуникации в русской культуре, в которых отношение к данному явлению достаточно существенно отличается от других культур (например англо-американской), существуют некоторые ограничения на использование непрямой коммуникации в определенных ситуациях.

## 2. Косвенные речевые жанры

Традиционное лингвистическое изучение речи (начиная с Аристотеля) состоит в выделении и систематизации **средств** (чего-то: в широком смысле) в речи ратора, оратора, политика, судьи и т.д. Речь представляла как то, что создается, строится, планируется и т.д. **сознательно**. Когнитивный же взгляд на речь (часто – ту же самую), прежде всего, выявляет те моменты (коннотации, стилистическую окраску, метафоры, смыслы, порождаемые языковыми когнитивными категориями, структурами, ценностными и оценочными шкалами и т.д.), которые привносятся в текст его автором **бессознательно**.

Это противопоставление очень существенно с точки зрения НК. (О том, что *сознательное* и *бессознательное* в языке/речи относятся друг к другу по принципу «прямо/непрямо», говорили еще [Шерозия 1979; Якобсон 1978]; хотя то, что тогда имелось в виду, не всегда совпадает с нашим сегодняшним пониманием НК и ее аспектов.)

Соответственно является актуальным, но еще не решенным вопрос: где больше *непрямоты* – когда я – *адресат* – вычитываю в тексте смыслы, «просто» не планируемые для обнародования *адресантом*, или – *скрываемые* им?

Вопрос этот действительно очень сложный.

Более того, далеко не очевидна роль и место НК в суггестии, представляющей собой *ложь*: с одной стороны, конечно, во лжи НК есть всегда. С другой – НК, определяемую как такую адресатом (осуществляющим, в данном случае, интерпретативную деятельность повышенной сложности), адресант – лгущий – может контролировать и предвидеть лишь отчасти.

Хотя, с точки зрения адресанта, ложь – это всегда, принципиально непрямо (он же знает, что заменяет ею *прямую правду!*), с его же точки зрения возможны два разных типа НК, определяемые разными типами интерпретативной деятельности адресата, конечно, принципиальной для НК:

1) адресант *лжет*, т.е. имеет место *непрямая* передача... чего-то, притом что что-то (настоящее) скрывается; реакция адресата есть программируемая адресантом, т.е. это реакция на то, что говорится буквально, а не на скрываемую *правду*; 2) когда *ложь* разгадывается адресатом, и его реакция есть непрограммируемая на скрываемое.

В конечном счете, принимая во внимание разные возможные комбинации этих важных факторов, в лжи можно выделить, по крайней мере, четыре типа НК, источники которой во всех случаях совершенно разные (хотя объединяет их все то, что именно деятельность адресата – главная):

1) непланируемая непрямая коммуникация (НК-1), когда адресант проявляется бессознательно, при этом бессознательно проявляется и адресат;

2) непланируемая непрямая коммуникация, когда адресат проявляется сознательно;

3) планируемая непрямая коммуникация (НК-2), когда адресант проявляется сознательно, а адресат – бессознательно;

4) планируемая непрямая коммуникация, когда сознательно проявляются и адресант, и адресат:

4а) адресат проявляется сознательно, при этом программируемо (адресантом);

4б) адресат проявляется сознательно и непрограммируемо (конечно, с точки зрения адресанта-лгущего это нежелательнейший вариант).

В этой модели, в отличие от предшествующей, где противопоставлялись планируемая и непланируемая НК и в центре был адресант, в центр ставится программируемая и непрограммируемая НК и адресат. В этом отношении дискурсивное изучение НК (и дискурсивные аспекты НК) часто относятся к когнитивным как сознательная (планируемая) НК – к бессознательной, реконструируемой. И, полагаю, подтвердилось: в современной лингвистике побеждают коммуникативные модели, принципиально помещающие в центр адресата речи и его интерпретацию (см., например: [Bucholtz 2001; Lemke 2003]).

Вопрос о сознательности/бессознательности неразрывно связан с вопросом **искренности/неискренности** (бессознательно избираемые средства, как правило, свидетельствуют о большей искренности, чем сознательно, хотя интерпретировать их всегда сложнее), а тем самым – непрямой коммуникации.

Следует подчеркнуть, что данный аспект несомненно затрагивает речевые жанры.

Как известно, до сих пор такие исследования были на уровне, например, фоносемантики [Журавлев 1991]: тексты, как будто бы содержащие определенный эмоциональный и оценочный заряд, «проверялись на фоносемантику» (бессознательную), и так выявлялась возможная неискренность автора. Подобные вещи исследовались на уровне лексики с метафорами [Балашова 2013]: бессознательно выбранные автором текста метафорические модели могут отражать совсем иное настроение, экспрессию

и оценку, чем сознательно выбранные риторические, стилистические, экспрессивные средства текстопостроения.

Всё это совсем не редко практикуется, конечно, и с жанрами.

Вообще говоря, в этом отношении могут быть два аспекта:

1) я использую один РЖ, предполагающий определенную экспрессию (например, *поздравление, похвала, соболезнование*), а его конкретное вербальное, грамматическое, фоносемантическое и т.д. наполнение противоречит этой экспрессии (в таких случаях говорят: «*комплимент прозвучал формально*», «*неискренняя похвала*», «*кислое поздравление*» и т.д.). Таким образом, этот случай демонстрирует конфликт между сознательно избираемым жанром и бессознательно используемыми единицами других уровней;

2) я избираю (сознательно) общую тональность общения, претендующую на определенную экспрессию, а используемые при этом конкретные жанры ей противоречат (например, я как будто бы вежлив, кооперативен, толерантен и т.д., а жанры – *приказ, угроза, обвинение, оскорбление, демонстрация силы...*). Здесь, таким образом, бессознательно избираются жанры.

Примером может послужить классическая сценка из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», где Передонов ведет с дамой «приятный разговор»:

*Передонов чувствовал себя очень приятно. Он решил поговорить с Мартою любезно, пошутить, позабавить ее. Он начал так:*

*– Ну, что, скоро бунтовать будете?*

*– Зачем бунтовать? – спросила Марта.*

*– Вы, поляки, ведь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.*

*– Я и не думаю об этом, – сказала Марта, – да и никто у нас не хочет бунтовать.*

*– Ну да, это вы только так говорите, а вы русских ненавидите.*

*– И не думаем, – сказал Владя, повертываясь к Передонову с передней скамейки, где сидел рядом с Игнатием.*

*– Знаем мы, как вы не думаете. Только мы вам не отдадим вашей Польши. Мы вас завоевали. Мы вам сколько благодеяний сделали, да, видно, как волка ни корми, он все в лес смотрит.*

*Марта не возражала. Передонов помолчал немного и вдруг сказал:*

*– Поляки – безмозглые.*

*Марта покраснела.*

*– Всякие бывают и русские и поляки, – сказала она.*

*– Нет, уж это так, это верно, – настаивал Передонов. – Поляки – глупые.*

*Только форсу задают. Вот жидаы – те умные.*

*– Жидаы – плуты, а вовсе не умные, – сказал Владя.*

*– Нет, жидаы – очень умный народ. Жид русского всегда надует, а русский жида никогда не надует.*



– Да и не надо надувать, – сказал Владя, – разве в том только и ум, чтобы надувать да плутовать?

Передонов сердито глянул на Владю.

– А ум в том, чтобы учиться, – сказал он, – а вы не учитесь.

Владя вздохнул и опять отвернулся и стал смотреть на ровный бег лошади. А Передонов говорил:

– Жиды во всем умные, и в ученые, и во всем. Если бы жидов пускали в профессора, то все профессора из жидов были бы. А польки все – неяхи.

Он посмотрел на Марту и, с удовольствием заметив, что она сильно покраснела, сказал из любезности:

– Да вы не думайте, я не про вас говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

– Все польки – хорошие хозяйки, – ответила Марта.

– Ну, да, – возразил Передонов, – хозяйки, сверху чисто, а юбки грязные. Ну, да за что у вас Мицкевич был. Он выше нашего Пушкина. Он у меня на стене висит. Прежде там Пушкин висел, да я его в сортир вынес, – он камерлакеем был.

– Ведь вы – русский, – сказал Владя, – что ж вам наш Мицкевич? Пушкин хороший, и Мицкевич – хороший.

– Мицкевич – выше, – повторил Передонов. – Русские – дурачье. Один самовар изобрели, а больше ничего.

Передонов посмотрел на Марту, сощурил глаза и сказал:

– У вас много веснушек. Это некрасиво.

– Что же делать, – улыбаясь, промолвила Марта.

– И у меня веснушки, – сказал Владя, поворачиваясь на своем узеньком сиденье и задев безмолвного Игнатия.

– Вы мальчик, – сказал Передонов, – это ничего, мужчине красота не нужна, а вот у вас, – продолжал он, оборачиваясь к Марте, – нехорошо. Этак вас никто и замуж не возьмет. Надо огуречным рассолом лицо мыть.

Марта поблагодарила за совет. <...>

– Ведь вы – бедные, – вдруг сказал Передонов.

– Да, не богатые, – ответила Марта, – да все-таки уж и не так бедны. У нас у всех есть кое-что отложено.

Передонов недоверчиво посмотрел на нее и сказал:

– Ну, да, я знаю, что вы – бедные. Босые ежесденком дома ходите.

– Мы это не от бедности, – живо сказал Владя.

– А что же, от богатства, что ли? – спросил Передонов и отрывисто захохотал.

– Вовсе не от бедности, – сказал Владя, краснея, – это для здоровья очень полезно, закаляем здоровье и приятно летом.

– Ну, это вы врете, – грубо возразил Передонов. – Богатые босиком не ходят. У вашего отца много детей, а получает гроши. Сапог не накупишься.

\*

Вопрос о соотношении косвенных речевых актов и косвенных речевых жанров произведен от более общих вопросов: с одной стороны, общих семиотических механизмов использования данных феноменов (косвенных высказываний, организованных соответствующими речеактовыми или речезанровыми моделями), где одним из наиболее принципиальных аспектов является интерпретативный, а точнее – преимущественная интерпретация высказывания со стороны адресата или адресата речи. С другой стороны – он произведен от культурного значения данных феноменов, их места в общей системе культурных норм, сценариев, систем ценностей. Поэтому представляется необходимым рассматривать данные феномены в связи с общими вопросами (общими сценариями) той или иной национальной культуры (в нашем случае русской).

### ЛИТЕРАТУРА

1. Балашова Л.В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка / Л.В. Балашова // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.
2. Балашова Л.В. Концептуализация речевой коммуникации во внелитературных стратах (метафора) / Л.В. Балашова // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. – Вып. 7.
3. Балашова Л.В. Номинации речевых жанров и их компонентов в современном русском языке / Л.В. Балашова // Жанры речи. – Саратов, 2009. – Вып. 6. Жанр и язык.
4. Балашова Л.В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. – Вып. 2(44). – Екатеринбург, 2013.
5. Борухов Б.Л. Речь как инструмент интерпретации действительности (теоретические аспекты) : дис. ... канд. филол. наук / Б.Л. Борухов. – Саратов, 1989.
6. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М., 1997.
7. Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» / А. Вежбицкая // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.
8. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М., 2006.
9. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М., 2010.
10. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике / В.В. Дементьев. – М. : Глобал Ком, 2013. – 338 с. (Studiophilologica).
11. Дённингхаус С. «Прямая» ли научная коммуникация? / С. Дённингхаус // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.
12. Журавлев А.П. Звук и смысл / А.П. Журавлев. – М., 1991.

13. Имплицитность в языке и речи. – М., 1999.
14. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) / Е.В. Клюев. – М., 1999.
15. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16.
16. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т.В. Ларина. – М., 2009.
17. Налимов В.В. Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков / В.В. Налимов. – Томск; М., 2003.
18. Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов, 2003.
19. Седов К.Ф. О манипуляции и актуализации в речевом воздействии / К.Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып.2.
20. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении / К.Ф. Седов. – М., 2011.
21. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17.
22. Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» / О.Б. Сиротинина // Жанры речи. – Саратов, 1999. – Вып. 2.
23. Шерозия А.Е. Психика. Сознание. Бессознательное / А.Е. Шерозия. – Тбилиси : Мецниереба, 1979. – 172 с.
24. Якобсон Р. К языковедческой проблематике сознания и бессознательности / Р. Якобсон // Бессознательное: природа, функции, методы, исследования. Т. III. – Тбилиси : Мецниереба, 1978. – С. 156–167.
25. Blum-Kulka S. Learning to say what you mean in a second language: A study of the speech act performance of learners of Hebrew as a second language / S. Blum-Kulka // Applied Linguistics, 3(1), 1982.
26. Bucholtz M. Reflexivity and Critique in Discourse Analysis / M. Bucholtz // Critique of Anthropology. – 2001. – Vol. 21 (2). – P. 165–183.
27. Clark H.H. Using language / H.H. Clark. – Cambridge, 1996.
28. Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour / K. Fox. – L. : Hodder & Stoughton, 2005.
29. Friedrich P. The Language Parallax: Linguistic Relativism and Poetic Indeterminacy / P. Friedrich. – University of Texas Press, Austin, 1986.
30. Green G.M. How to get people to do things with words / G.M. Green // Syntax and semantics. – N. Y., 1975. – Vol. 3: Speech acts.
31. Honna N. An English dictionary of Japanese ways of thinking / N. Honna, B. Hoffer (Eds.). – Yuhikaku, 1989.
32. Lemke J.L. Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization / J.L. Lemke // Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity. – L., 2003.

33. Mizutani O. How to be polite in Japanese / O. Mizutani, N. Mizutani. – Tokyo: Japan Times, 1987.
34. Tannen D. Indirectness in Discourse: Ethnicity as Conversational Style / D. Tannen // *Discourse Processes* 4(1981): 3.221-238. Earlier draft appeared as Sociolinguistic Working Paper #55 (January 1979), reprinted in *Language and Speech in American Society*. – Austin, TX : Southwest Educational Development Laboratory, 1980.
35. Tannen D. Introducing Constructed Dialogue in Greek and American Conversational and Literary Narratives / / D. Tannen // *Direct and Indirect Speech*, ed. by Florian Coulmas, 311-322. – Berlin : Mouton, 1986.
36. Tannen D. *That's Not What I Meant!: How Conversational Style Makes or Breaks Relationships* / D. Tannen. – NY. : Harper Perennial, 1986. – 224 p.
37. Tannen D. Indirectness at Work / D. Tannen // *Language in Action: New Studies of Language in Society*, Festschrift for Roger Shuy, ed. by Joy Peyton, Peg Griffin, Walt Wolfram and Ralph Fasold, 189-212. – Cresskill, NJ : Hampton Press, 2000.
38. Tannen D. *I Only Say This Because I Love You: Talking to Your Parents, Partner, Sibs, and Kids When You're All Adults* / D. Tannen. – NY. : Random House, 2001. – 368 p.
39. Tannen D. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation* / D. Tannen. – NY. : William Morrow Paperbacks, 2007. 352 p.
40. Tannen D. Abduction and identity in family interaction: Ventriloquizing as indirectness / D. Tannen // *Journal of Pragmatics*, Nr 42, 2010. – Pp. 307–316.

*Дементьев Вадим Викторович*, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета; e-mail: dementevvv@yandex.ru

УДК 81'373.2:811.16

## **ОСОБЕННОСТИ ПРЕДИКАТНОЙ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ИНВАРИАНТНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ИМЕТЬ МНЕНИЕ»**

**(на материале латинского, древнерусского,  
французского и русского языков)**

**Т.Е. Карлова (Донецк, Украина)**

**Т.Е. Карлова. Особенности предикатной вербализации инвариантного значения «иметь мнение» (на материале латинского, древнерусского, французского и русского языков).** В статье рассматривается вопрос исследования предикатов с позиций когнитивной ономазиологии в синхроническом и диахроническом измерениях. Семантико-ономазиологическое моделирование значений номинатом дает возможность проведения более объективного анализа особенностей предикатной вербализации концепта «мышление», определения подобных и отличительных черт построения указанных предикатных парадигм.

**Ключевые слова:** предикат, номинатема, семантико-ономазиологическое моделирование.

**Т.Є. Карлова. Особливості предикатної вербалізації інваріантного значення «мати думку» (на матеріалі латинської, давньоруської, французької та російської мов).** У статті висвітлюється питання дослідження предикатів з позицій когнітивної ономазіології у синхронічному і діахронічному вимірах. Семантико-ономазіологічне моделювання значень номінатом надає змогу проведення більш об'єктивного аналізу особливостей предикатної вербалізації концепту «мислення», встановлення спільних та відмінних рис побудови зазначених предикатних парадигм.

**Ключові слова:** предикат, номінатема, семантико-ономазіологічне моделювання.

**T.E. Karlova. Particularities of predicate verbalization of invariant meaning «have opinion» (on the material of Latin, Old Russian, French and Russian).** The article deals with the question of predicate research from cognitive onomasiology positions in synchronic and diachronic sense. Semanticoonomasiological modulation of nominatheme meanings gives the possibility to provide more objective analysis of particularities of concept «thinking» predicate verbalization and to determine the similar and different specialties of paradigms building.

**Key words:** predicate, nominatheme, semanticoonomasiological modulation.

Когнитивному изучению глаголов последнее время уделяется все больше внимания [Исхакова 2009; Кадола 2004; Кондратенко 2005; Небольсина 2002; Руденко 2004]. Значительно более широкие, в сравнении с именем существительным, номинативные возможности предикатов обуславливают специфику предикатного означивания и дают возможность рассматривать глагольные значения с разных точек зрения. Разработка и пропозициональное моделирование структуры инвариантных значений в ономазиологическом направлении продемонстрировали особенности номинации процессов и их результатов, связанных с мышлением человека, а также продемонстрировали

важность роли глагола как номинативной единицы, позволяя проследить, каким образом отображается денотативно-сигнификативная ситуация в значении предиката.

### **1. Принципы моделирования глагольных парадигм.**

Для моделирования глагольных парадигм используют разнообразные когнитивные структуры такие, как фреймы, скрипты, пропозиции и т.д. Так, А. М. Плотникова рассматривает семантику глаголов через понятие пропозиции и моделирование когнитивного сценария как совокупности пропозиций [Плотникова 2009: 3-4]. В. А. Кузьмичева и Ю. Н. Рогачева изучают фреймовую семантику глаголов [Кузьмичева 2007; Рогачева 2003]. М. А. Грошева, характеризуя процесс номинации, который стоит за глагольно-именными словосочетаниями, оперирует термином гештальт-структура [Грошева 2004]. Л. Г. Бабенко указывает, что «необходимо особенно подчеркнуть важность глагола как главного носителя пропозициональных знаний» [Бабенко 1999: 3].

С позиций же когнитивной ономазиологии, которая все же сосредоточена на семантическом анализе номинативных единиц, более подходящим нам кажется пропозициональное моделирование семантики глаголов. Такой подход дает возможность установить объективные факторы существования предикатной парадигмы, как на синхроническом, так и на диахроническом языковых срезах, чем и обусловлена **актуальность** предлагаемого исследования. При таком подходе значение предиката, являя собою пропозицию, может быть на структурном (ономазиологическом) уровне репрезентовано рядом семантических множителей (слотов пропозиции), которые в значении каждой номинатемы имеют свои семантические конкретизаторы. Пропозициональная модель значения, в свою очередь, обобщает все возможные пропозиции в пределах ономазиологического класса (ОК) или группы, сформованные на основе прототипичной пропозиции: субъект – предикат мышления, с учетом всех возможных слотов (семантических множителей), которые содержатся в значениях предикатов ОК.

**Цель** статьи – изучение особенностей предикатной вербализации инвариантного значения «иметь мнение» в латинском, древнерусском, французском и русском языках. Поставленная цель предполагает решение таких задач, как проведение компонентного анализа и семантико-ономазиологического моделирования значений предикатов, а также сравнительный анализ семантико-ономазиологических особенностей предикатов в диахроническом измерении.

**Материалом** для изучения является группа предикатов ономазиологического класса «мышления» с инвариантным значением «иметь мнение» латинского, древнерусского, французского и русского языков.

**Объект** исследования – предикаты двух современных и двух древних языков, отобранные из толковых словарей. **Предмет** – особенности предикатной вербализации инвариантного значения «иметь мнение».

Предикаты группы с инвариантным значением «иметь мнение» относятся к ономасиологическому классу номинатем, в которых вербализуется концепт «мышления». Они номинуют результат мыслительного процесса, который является сложным, поскольку формирование определенного мнения как результата этого процесса предполагает первоначально получение человеком определенной информации про факт или объект. На втором этапе происходит ее осмысление и формирование своего отношения к ней. Это целенаправленные предикаты, так как формирование мнения предполагает наличие объекта осмысления, который одновременно выступает «делиберативом». Делибератив, в данном случае, – это объект непосредственно вовлеченный в процесс мышления, качественные характеристики которого составляют содержание мнения о нем. Само значение «иметь мнение» оказалось достаточно неоднозначным. Это значение, уточняясь дифференциальными семами «оценка», «вера», «сомнение», «тождественность мнения», создает возможность номинации различных видов мнения в соответствии с восприятием человеком окружающего мира. По этим дифференциальным семам на основе привативных оппозиций было выделено пять подгрупп с инвариантными значениями «иметь мнение, считать», «предполагать», «оценивать – иметь мнение о важности чего-либо» (подразделяется на четыре ряда: «оценивать высоко», «оценивать низко», «переоценивать», «недооценивать»), «верить – иметь мнение о правильности чего-либо» (подразделяется на три ряда: «верить», «не верить», «сомневаться»), «придерживаться одного мнения». Общее количество номинатем в группе с инвариантным значением «иметь мнение» насчитывает 107 единиц – в русском, 148 – в древнерусском, 107 – во французском, 128 – в латинском языках.

Учет степени обобщения, характерной для семантических множителей, позволяет использовать их для конструирования семантико-ономасиологических моделей значений как на уровне отдельно взятой номинатемы, так и на уровне всей группы или класса [Теркулов 2011; Карлова 2013]. В значениях предикатов был выделены такие семантические множители: «субъект» (S), «объект» (O), «предикатный признак» (V), «темпоратив» (T), «каузатив» (K), «фактитив» (R), «квалитатив» (QI), «семантическая модальность» (Md). При этом семантический множитель «объект» выступает обязательным интегральным компонентом значений большинства номинатем.

## **2. Подгруппа предикатов с инвариантным значением «иметь мнение, считать».**

Подгруппа предикатов со значением «иметь мнение, считать» характеризуется такими особенностями. Значение «иметь мнение как результат своих собственных размышлений над чем-либо», объединяет предикаты, в значениях которых отражено наличие мнения без уточнения его качественных характеристик: рус. *считать, полагать, думать, находить, расценивать, стоять на мнении, иметь мнение, придерживаться мнения*; др.-рус. *вмѣняти, гадати, думати, полагати, разумѣвати*; фр. *considérer, penser, tenir, trouver*,

*avoir une opinion*; лат. *putare, opinari, exopinissere, existimare, in opinionem incidere*. Они называют ментальное состояние человека, которое характеризуется наличием определенного мнения об объекте или ситуации: *Я придерживаюсь мнения, что сближение с ЕС не означает плохих отношений с Россией* (<http://regnum.ru> 28.10.2010). **ДЪЛЖНИ БО КСМЪТЪ, РЕЧЕ, ВСАКОГО ХРЕСТЪЯНИНА, ПАКО СВАТА МНѢТИ** (Вопросы, 36). *«Politiquement, à quelques nuances près, elle a les mêmes opinions que moi»*, a souligné Jean-Marie Le Pen ([Lefigaro.fr](http://Lefigaro.fr) 16.01.2011). *Dicit autem, opinor, se nullum bonum intellegere posse demptis corporis voluptatibus* (М. Т. Цицеро: In L. Calpurnium Pisonem Oratio <http://www.forumromanum>).

Сам процесс разворачивания мысли и формирования результатов этого процесса как мыслительного и волевого акта передают номинатемы с синонимичными значениями «сделать вывод», где вывод – фактитив – «логический итог размышлений». Таким образом, по семе «становление» привативную оппозицию образуют предикаты рус. *заклѹчить, найти, умозаклѹчить, сделать вывод, построить умозаклѹчение, прийти к выводу*; др.-рус. **возмнѣти, свирати, назнаменовати**; фр. *déduire, conclure, induire, arguer, faire une conclusion, tirer une conclusion*; лат. *ratiocinari, colligere, concludere, interrogare*. Например: *Но уже, даже из той информации, что мы имеем, можно будет сделать вывод, что она не будет сопровождаться выбросом большого количества радиоактивных веществ* (<http://regnum.ru> 12.03.2011). **И раздѣлити власть паче, неже насилати, а дружбою се назнаменовашемъ** (Богослов, 44). *Les autorités avaient conclu que cet attentat aurait été commis par un inconnu porteur d'une charge explosive* ([Lefigaro.fr](http://Lefigaro.fr) 23.01.2011). *Ut quod dixit iteret; ut argumentum ratione concludat; ut interrogando urgeat* (М. Т. Цицеро: Orator <http://www.forumromanum.org>).

Эти номинатемы имеют наиболее обобщенные, наиболее абстрактные значения в сравнении с другими подгруппами предикатов. Уточнение же качества мнения в них происходит только в речевой реализации номинатем в условиях контекстуальной актуализации сем «положительное», «отрицательное», «верное», «неверное». Таким образом, семантический множитель «квалитатив» содержится в их значениях потенциально и актуализуется факультативно.

Во всех четырех языках удалось проследить тесную связь, так называемое «перекрещивание», рассматриваемой подгруппы с ОК предикатов со значением «видеть». Так, были выделены номинатемы рус. *видеть, взглянуть, рассматривать*; др.-рус. **сматрѣти, рассмотреть**; фр. *regarder, voir*; лат. *spectare, videre*, которые входят в подгруппу «иметь мнение, считать». Развитие их значений происходит по такой схеме: в своем первом значении они именуют физический процесс видения, а дальше на основе метафорического переноса становится возможным их употребление в переносном значении «видеть мысленно», а в результате конкретизации значения добавляется результирующая сема «формирование впечатления, отношения (мнения)



к увиденному». Указание на физическую способность человека видеть по-разному перешло и в переносное значение, откуда «рассматривать кого-, что-либо каким-либо образом»: *Если мы не будем на вещи смотреть открытыми глазами и не будем видеть реалий, мы никогда эти проблемы и не решим* (<http://regnum.ru> 11.03.2011). **Азъ бо въ мало рекохъ, въ сами смотрите: что не оугодно бѹдетъ, того влюдитесь** (Епископское поучение, 116).

Модель значений предикатов этой подгруппы будет не особенно развернутой: S+V+R+(QI)+O.

### 3. Подгруппа предикатов со значением «предполагать».

В основе объединения номинатом во вторую подгруппу со значением «предполагать» лежит инвариантное значение «предполагать, догадываться, т.е. делать предположения о чем-либо», где предположение – это «предварительное умозаключение». В интегральной семе «предположение» реализуется семантический множитель «фактитив» (как результат осмысления информации и формирования по определенным признакам какого-то мнения). Эта сема относит предикаты к результативным целенаправленным. Другая дифференциальная сема «предварительное», в которой актуализован семантический множитель «темпоратив» (суждение, умозаключение, сформированное заранее, предварительно), становится предпосылкой образования привативной оппозиции (например, рус. *считать* «иметь мнение о чем-либо» – рус. *догадываться* «иметь предварительное мнение о чем-либо») и дает возможность выделить представленные ниже предикаты в отдельную подгруппу в пределах группы номинатом со значением «иметь мнение» ОК «мышление». Отмеченные предикаты делятся на два ряда соответственно характеру семантических конкретизаторов и статуса множителя «семантическая модальность», которые содержатся в их значениях. В первый ряд по конкретизатору «верное (суждение)» были отнесены номинатемы рус. *догадаться, угадать, предугнать*; др.-рус. *догадаться, предугнѣвати, проразумѣвати, смѣтити ѹмомъ*; фр. *deviner*; лат. *devenire, conjectura consequi*. В данном случае множитель «семантическая модальность» выполняет функцию дифференциального, а значения этих предикатов передают уверенность человека в правильности сделанного им предположения благодаря наличию семы «узнать»: *По телефонному коду я сразу догадался, что звонили из России* (<http://regnum.ru> 17.04.2008). *On pouvait deviner qu'il n'y aurait pas de réforme en profondeur dès lors que la composition de l'instance disciplinaire du Conseil de la magistrature (CSM) fut connue* (Lefigaro.fr 21.02.2011). *Ut coniectura consequi possumus, aut admoniti a regis amicis qui in Caesaris erant praesidiis* (G. J. Caesar: Aulus Hirtius? Commentarius de bello Alexandrino <http://www.forumromanum.org>). Необходимо отметить, что представленный ряд семантически связан с группой предикатов «знания» и группой предикатов со значением «понимать». Однако наличие в их инвариантном значении семы «суждение» позволяет рассматривать их отдельно.

В номинатамах рус. *догадываться, заподозрить, подозревать, предполагать*; др.-рус. *гадати, сдогадыватися, доумѣвати, поняти себѣ, поразумѣвати*; фр. *présupposer, soupçonner, se douter*; лат. *divinare, suspicari, praesagire, augurare, conijicire* уверенность в правильности догадки утрачивается, а семантический множитель «модальность» переходит в разряд потенциальных. Они составляют эквиполентную оппозицию предикатам предыдущего ряда по конкретизаторам «уверенность» / «неуверенность». Также значения предикатов рус. *заподозрить, подозревать*; фр. *soupçonner, avoir des soupçons*; лат. *suspicari* содержат pejоративную сему «плохое», в которой конкретизирован множитель «квалитатив объекта». Именно этот множитель формирует привативную оппозицию по отношению к другим предикатам подгруппы: *Я подозреваю, что, возможно, будет силовая акция против Ирана* (<http://regnum.ru> 24.01.2011). *Trois cadres dirigeants de Renault ont été mis à pied le 3 janvier par le constructeur, qui les soupçonne d'avoir divulgué à l'extérieur des informations sensibles* (Lefigaro.fr 10.01.2011). *Quid is sit editurus in aetheris vertice divino praesagio et ipsum scire et nobis enuntiare* (Lucii Apuleii: *Metamorphoses* <http://www.forumromanum.org>).

Предикаты рассматриваемой подгруппы определенным образом связаны с номинатами ОК «видеть». Так, сема «видеть (в мыслях, в воображении)» объединяет глаголы рус. *провидеть, предвидеть*; др.-рус. *проувиѣти*, фр. *prévoir*, лат. *prospicere, praevidere*. Этот синонимический ряд также перекрещивается с группой предикатов со значением «представлять», поскольку в этом случае непосредственно задействовано воображение человека: *И это происшествие я предвидел и предупредил своих родных и друзей, даже прессу* (<http://regnum.ru> 07.04.2010). **Новый Самонль прѣдвѣдя бѣдѣе, ѹма честотою яви ся, Алѹпие** (Минеи, 471). *«Nous prévoyons environ 5,5 milliards d'euros», a déclaré M. Rop dans une interview au quotidien Rzeczpospolita* (Lefigaro.fr 09.03.2011). *Etenim eo loco, Fanni et Scaevola, locati sumus, ut nos longe prospicere oporteat futuros casus rei publicae* (M. T. Cicero: *Laelius de amicitia* <http://www.forumromanum.org>).

Общая семантико-ономасиологическая модель значений номинатом с инвариантным значением «предполагать» – S+V+R+Md+T+O+(Q1), состоит из интегральных для всех предикатов ОК множителей «субъект», «предикатный признак», дифференциальных множителей «фактитив», «темпоратив», «семантическая модальность», «объект» и факультативного множителя «квалитатив объекта».

#### **4. Подгруппа предикатов со значением «оценивать».**

Третья подгруппа сформирована на основе инвариантного значения «иметь мнение», дополненного дифференциальной семой «оценка», которая конкретизирует инвариант, указывая, что мысль содержит характеристику становления, восприятия объекта человеком. Она объединяет предикаты рус. *оценивать, ценить, предпочесть, преувеличить, обесценить*; др.-рус. *важити, злюбити, исцѣнити, предпочести, ѹничжати*; фр. *évaluer*,

*apprécier, préférer, mésestimer*; лат. *putare, censere, honorare, improbare, praeferre*. Семантический множитель «квалитатив» в составе дифференциальной семы «оценка», в отличии от предикатов предыдущей подгруппы, имеет в значениях представленных номинатом такие конкретизаторы, как «высокая», «низкая», «слишком высокая», «слишком низкая». Этот множитель может также не иметь конкретного воплощения в ряде номинатом и тогда он реализуется синтаксически только в глоссах. Такие предикаты имеют обобщающее значение «оценивать каким-либо образом». К ним относятся рус. *оценивать, давать оценку*; др.-рус. *исцѣнити, мѣрити, обцѣнити, важити, рассудити, ѡцѣнити*; фр. *évaluer, apprécier*; лат. *existimare, metiri, arbitrari, spectare, expendere*. В значениях номинатом этого типа нет указания на качество оценки, поэтому семантический множитель «квалитатив», присутствующий в них потенциально, актуализуется только синтаксически в значениях их глосс. Происходит это, правда, не всегда при помощи отдельного слова в словосочетании. Сема «оценка» может также воплощаться в части предложения для объяснения, как именно человек оценивает объект: *Избирательной кампании и выборам в республике эксперты дали самую высокую оценку* (<http://regnum.ru> 14.03.2011). *АНК дал оценку сложившейся в стране социально-экономической ситуации и наметил пути выхода из этого положения* (<http://regnum.ru> 03.03.2011). *Поставилъ же естъ Бѣ единъ днѣ. в неже хоще судити пришедь с нѣсе живѣмъ и мртвѣмъ* (Летопись 1, 6494-6504 [http://krotov.info/acts/12/pvl/lavr02/ htm](http://krotov.info/acts/12/pvl/lavr02/htm)). *Aussi donner la valeur exacte de la consommation énergétique annuelle de manière lisible* (Lefigaro.fr 04.01.2011). *Hodie si quid in nobis notitiae ac nominis est, magis arbitror carminum quam orationum gloria partum* (P. C. Tacitus: *Dialogus de oratoribus* <http://www.forumromanum.org>).

Привативную оппозицию к указанному ряду составляют другие четыре ряда предикатов, которые между собой образуют эквиполентные оппозиции, и передают значения «оценивать высоко», «оценивать низко», «переоценивать», «недооценивать».

Сему «высокая оценка» содержат значения таких предикатов, как рус. *дорожить, уважать, почитать, предпочитать, променять, брать в расчет, придавать значение, отдавать предпочтение*; др.-рус. *избирати, злюбити, устрашатися, почитати, произврати*; фр. *préférer, honorer, respecter, donner de la valeur, de l'importance, tenir compte, prendre en consideration*; лат. *revereri, venerari, vereri, pendere, antehabere, antepone, amplexari, aspicere, censere, diligere, erubescere*. В латинском языке было выделено наибольшее количество предикатов с таким значением, что свидетельствует об особой важности этой части концепта «мышления». Антонимический по своему значению ряд образуют номинатемы рус. *браковать, порицать, осуждать, пренебрегать*; др.-рус. *ни во что не ставити, ни во что мнити*; фр. *mépriser, désapprouver, dédaigner*; лат. *arguere, post-habere, parvipendere, improbare, explodere*. В обоих случаях в состав семы «оценка» входит семантический множитель

«квалитатив», который реализован в конкретизаторах «высокая» и «низкая». Интегральной считаем коннотативную характеристику объекта, так как предикаты оценки обязательно характеризуют индивидуальное отношение и восприятие определенного объекта человеком: *Премьер Латвии дорожит поддержкой со стороны Международного валютного фонда* (<http://regnum.ru> 16.02.2011). *Есть вещи, которые не подпадают под действие закона, но которые следует порицать* (<http://regnum.ru> 30.12.2010). **ИЗБАВАЩА ѡ ОУСОБНЫАЕ РАТИ. И ѡ ПРОНЪРЬСТВА ДЪАЕВОЛА. СПОДОБИТА ЖЕ И НА<sup>с</sup> ПОЮЩИ<sup>х</sup>. И ПОЧИТАЮЩИ<sup>х</sup> ВАЮ Ч<sup>с</sup>ТНОЕ ТОРЖЕСТВО. ВЪ ВСА ВЪКЪ ДО СКОНЧАНЫАЕ** (Летопись 1, 6505-6533 <http://krotov.info/acts/12/pvl/lavr02/htm>). **По зѣмьномѹ помѣшлѣмѹ прѣзриши оубогааго тѣлѣнною одеждоу съ тобою не равѣно одѣно** (Изборник, 236). **Тако подобаетъ хоташтоуоумоу безъистъ лѣбно житиѣ жити и ни въ чѣто же мѣнѣти тѣлѣкѣмѣиу<sup>х</sup>** (Изборник, 298). «*Je viens d'apprendre le décès du photjournaliste Lucas Mebrouk Dolega qui me touche beaucoup*», a indiqué le ministre dans un communiqué, précisant qu'il «*appréciai(t) particulièrement son travail*» (Lefigaro.fr 16.01.2011). «*En disant ça je n'ai pas l'impression de travestir la réalité ou de provoquer ou de mépriser*», a précisé le porte-parole du gouvernement (Lefigaro.fr 28.05.2010). *Vestros etiam deos religiosius veneror* (Lucii Apuleii: Florida <http://www.forumromanum.org>). *Sed ea tametsi vos parvi pendebatis, tamen res publica firma erat, opulentia negligentiam tolerabat.* (Sallust: De coniuratione Catilinae <http://www.forumromanum.org>).

Два ряда предикатов формируют эквиполентную оппозицию по семам «слишком высокая оценка», «слишком низкая оценка». Значения «оценивать слишком высоко; выше, чем есть в реальности» объединяет номинатемы рус. *переоценить, преувеличить, захвалить, утрировать, идеализировать*; др.-рус. *возносити*; фр. *exagérer, idéaliser, surestimer, présumer*; лат. *asperare, exaggerare, aestimationem falsam conficere*. Для указанного значения характерна негативная коннотация ошибочности мнения, обусловленная наличием интегральной семы «лучше, чем есть на самом деле»: *Но он сильно переоценил свои возможности* (<http://regnum.ua> 18.10.2010). **Не възнеси себе да не отъпадѣши** (Изборник, 315). «*On a peut-être d'ailleurs surestimé leur puissance*», a-t-elle ajouté (Lefigaro.fr 12.01.2011). *Auctores recitat Caesar ita moderans ne lenire neve asperare crimina videretur* (P. C. Tacitus: Annalium <http://www.forumromanum.org>). Ряд антонимов к вышепредставленным номинатамам составляют предикаты рус. *преуменьшать, недооценивать*; др.-рус. *үничжити*; фр. *sous-estimer, déprécier, méconnaître, mésestimer*; лат. *depretiare, submittere*, в значениях которых сема «недостаточная оценка; ниже, чем в действительности» также дополняется негативной коннотацией, указывая на ошибочность сделанной оценки. На примере этих двух рядов становится очевидной разница в концептуализации действительности и вербализации концепта средствами разных языков: в древнерусском и латинском языках насчитывается незначительное количество номинатем со значением

«переоценивать» и «недооценивать» (очевидно эти значения передавались аналитически через актуализацию потенциальных сем предикатов с общим значением «оценивать» в случаях их употребления в предложении с обстоятельством (*nimia opinio habere, nimis spectare*)). Наоборот, в русском и французском языках малочисленны предикаты общего значения «оценивать каким-либо образом». Предпочтение здесь отдается конкретным значениям: «К тому же «Челси» не недооценивает соперников, ко всем одинаковое отношение», – отметил Хиддинк (<http://regnum.ru> 01.11.2010). **Възненавидѣнъѣа во бе с правды въздвигнеть гъ възлюбленъѣа же въ соук оуничжить** (Изборник, 213). *Un gouvernement n'a pas le droit de mésestimer la contestation sociale* (Lefigaro.fr 03.10.2010). *Non suffecerat uectigalium deorum contumelia, de contemptu scilicet aestimanda, nec contenti estis deis honorem non habuisse, nisi etiam, que cumque habetis, depretietis aliqua indignitate* (Q. S. F. Tertullianus: Ad nationes <http://www.forumromanum.org>).

В указанной подгруппе обособленно существуют несколько предикатов, в значениях которых семантический множитель «квалитатив» имеет конкретизатор «равноценно»: рус. *равнять, приравнять*; др.-рус. **ровнати, ровняти**; фр. *égaler, mettre en équation*; лат. *aequare, coaequare, exaequare*. В их значениях появляется интегральная сема «сравнения», поскольку сравниваются несколько объектов, а коннотативная характеристика оценки, в отличие от предыдущих четырех рядов, не дается: *Парламентская ассамблея ОБСЕ в своей резолюции приравняла сталинизм к нацизму и призвала к осуждению тоталитарных режимов на международном уровне* (<http://regnum.ru> 20.09.2010). *Aprilis aequat Septembrem. Maius respondet Augusto* (Isidorus Hispalensis: De natura rerum [http://www.forumromanum.org/literature/isidorus\\_hispalensis/natura.html](http://www.forumromanum.org/literature/isidorus_hispalensis/natura.html)).

Таким образом, в подгруппе предикатов со значением «оценивать» были выделены шесть рядов синонимов, которые образуют оппозиции по конкретизаторам семантического множителя «квалитатив – качество оценки». Значения всех представленных номинатом данной подгруппы можно представить в виде модели: S+V+R+QI+O. Данная модель показывает, что значения этих предикатов предполагают наличие активного субъекта (актант); мыслительный процесс – результативный (оценка), квалитативная характеристика оценки также входит в состав значения и наличие объекта (делибератив), который оценивается, является несомненно необходимым.

##### **5. Подгруппа предикатов со значением «верить».**

Инвариантное значение «иметь уверенность, верить» группирует предикаты четырех рядов синонимов, которые находятся в отношениях эквиолентных оппозиций по семе «наличие уверенности» и формируют четвертую подгруппу в группе номинатом со значением «иметь мнение» – подгруппу «верить». Наличие уверенности выступает результатом процесса осмысления информации, таким образом, в значениях данных номинатом интегральным будет семантический множитель «фактитив» с конкретизаторами

«наличие уверенности» и «отсутствие уверенности». К первому ряду относятся предикаты рус. *верить, доверить, надеяться, полагаться, уповать, брать на веру, принять на веру*; др.-рус. **вѣрити, возвѣровати, надѣятися, повати, вѣрѹ имати, вняти вѣрѹ**; фр. *croire, espérer, mettre sa confiance en, se fier*; лат. *confidere, credere, fidere, sperare, habere religioni*. В их значениях отсутствует указание на правильность, объективность такой уверенности. Определенные коннотативные оттенки значения могут проявляться в контексте: *Когда в Египте начались беспорядки, трудно было поверить, что все закончится уходом Мубарака, сказал Пар* (<http://regnum.ru> 04.03.2011). **Ихже оученьемъ Гръци пореѣхомъ. всленае вѣрѹють оученью и<sup>х</sup>** (Летопись 1, 6494-6504 <http://krotov.info/acts/12/pvl/lavr02/htm>). *«Mais si l'autre partie est prête à suivre la voie de la justice, de la légalité et du respect, on peut espérer parvenir aux résultats que tout le monde espère», a-t-il ajouté* (Lefagaro.fr 23.01.2011). *Macedonum reges credere ab illo deo ipsos genus ducere* (Q. C. Rufi: *Historiae Alexandri Magni Macedonis* <http://www.forumromanum.org>).

Антонимическое значение имеют предикаты такого ряда: рус. *не верить, сомневаться, колебаться, брать под сомнение*; др.-рус. **безвѣрствовати, сомнѣватися, не яти вѣры, невѣркѹ держати**; фр. *se méfier, se défier, hésiter, douter, mettre en doute*; лат. *dubitare, pendere, alternare, trahere in religionem*. Они выражают либо полное отсутствие уверенности (рус. *не верить*, др.-рус. **безвѣрствовати**, фр. *se méfier*, лат. *non confidere*), либо неопределенность человека в том, можно ли верить (рус. *сомневаться*, др.-рус. **сомнѣватися, имѣти надеждѹ**, фр. *douter*, лат. *dubitare*). Необходимо заметить, что последние (предикаты со значением «сомневаться») могут также употребляться в значении «не мочь принять решение», тогда они переходят в подгруппу предикатов со значением «принимать решение»: *Он сказал вчера: «Я не сомневаюсь, но решения пока не принял»* (<http://regnum.ru> 07.01.2011). **Яже святители и священници подаютъ людемъ , еже безъ сихъ немощно коегождо спасеніа имѣти надежда** (Акты, 5). *«Je doute qu'il y ait forcément un effet boule de neige», a dit Philip Crowley interrogé à ce sujet* (Lefigaro.fr 22.01.2011). *Si quid dubitas, ne feceris* (Caecilius Balbus: *De nugis philosophorum* <http://www.forumromanum.org>).

Двум вышеуказанным рядам результативных номинатом противопоставляются предикаты со значением «становления, формирования уверенности»: рус. *поверить, увериться, убедиться, приобрести веру*; др.-рус. **укрепитися вѣрою, повѣрити, пояти вѣрь**, фр. *se persuader, se rendre certain*; лат. *persuadere, affirmare, ad credendum inducer* и «потери уверенности»: рус. *разубедиться, разувериться, потерять уверенность, утратить веру*; др.-рус. **изневѣритися, нечаятися, невѣркѹ положити**; фр. *désespérer, cesser d'espérer, perdre l'espérance*; лат. *despondere animos, a spe repelli*.

Семное наполнение значений номинатом представленной подгруппы моделируем как S+V+R+O. Для них не характерно наличие интегральных

квалитативных характеристик результата процесса мышления: *Я просил, чтобы на этом борту были журналисты, чтобы они лично могли убедиться в том, что фон нормальный* (<http://regnum.ru> 17.03.2011). *Разочарованные, но когда-то преданные стране граждане, похоже, утратили веру в то, что их правительство заботится об их благосостоянии* (<http://regnum.ru> 09.02.2011). **Иже хощеть вѣрѹ аети волхвѹ то да идеть за нь. аще ли вѣрѹеть кто то ко крѣтѹ да идеть** (Летопись 1, 6563-6579 <http://krotov.info/acts/12/pvl/lavr02/htm>). **Не противиса страхѹ гню и не пристѹпи къ немѹ срдцьмь дѣвоинѹмъ и не соумьни са оустѣ чловѣчьи оустама своима вънемли** (Изборник, 314). *«Notre plan de route est encore viable, j'essaie en tout cas de m'en persuader (rires)», déclare-t-il au Télégramme* (Lefigaro.fr 02.03.2011). *«S'il leur faut trois jours de plus pour réfléchir, qu'ils les prennent», juge Laurent Berger, le chef de file de la CFDT pour cette négociation, qui ne désespère pas de trouver un accord* (Lefigaro.fr 09.03.2011). *Participatus enim cum duce labor persuadetur militibus minor* (Caecilius Balbus: De nugis philosophorum <http://www.forumromanum.org>). *Nec ipsi solum desponderant animos, sed contemni coepti erant a finitimis populis, imperiumque ibi esse ubi non esset libertas, indignabantur* (T. Livius: Ab urbe condita <http://www.forumromanum.org>).

#### **6. Подгруппа предикатов со значением «придерживаться одного мнения».**

Пятая подгруппа выделена по инвариантному значению «придерживаться одного мнения». Ядерные значения «иметь общее мнение» и антонимичное ему «иметь другое мнение» являются предпосылкой формирования в этой подгруппе эквиполентной оппозиции, так как оба значения оказываются маркированными конкретизаторами «общая» и «другая» дифференциального семантического множителя «квалитатив». Соответственно номинатемы разделяются на два ряда: рус. *соглашаться, быть согласным, разделять чье-либо мнение, точку зрения, присоединяться к чьему-либо мнению*; др.-рус. **единомыслити, согласовати, соглашати, приставати**; фр. *consentir, accepter, se mettre d'accord, partager une opinion, être d'accord*; лат. *acceptare, convenire, consciscere, assentiri* и их антонимы рус. *разойтись во взглядах, отрицать, выступить против, ломаться*; др.-рус. **противитися, отречися, противлятися**; фр. *refuser, disconvenir, renoncer*; лат. *dissentire, discordare, renuere*. Сравнив количественный состав в подгруппе, приходим к выводу о большей важности общего мнения, согласия для древних народов. Также необходимо отметить, что в русском языке предпочтение отдается аналитическому способу вербализации: *Как вы знаете, президент Армении публично сообщил, что это была положительная встреча, и мы разделяем его точку зрения* (<http://regnum.ru> 17.03.2011). **Престаните отъ раздоровъ и разлүченій, и совѣкүплшесь, единомѹмъствүюще, прочемү церковъномү чинү съгласно славү да всылаете** (Акты, 6).

В состав значений репрезентованных номинатем входят такие семантические множители, как «субъект» – человек, у которого есть

определенное мнение, «предикатный признак» – процесс осмысления чьего-то мнения, «квалитатив» – мнение общее или другое, «каузатив» (причина возникновения мнения) – с кем соглашаются или не соглашаются, и «объект» – на что направлена мысль. Таким образом, с учетом выявленных составляющих значения сформирована следующая семантико-ономасиологическая модель: S+V+R+QI+K+O. Реализацию указанной модели значений можно проанализировать на примере таких предложений: *Однако спустя некоторое время политики разошлись во взглядах и стали непримиримыми оппонентами* (<http://regnum.ru> 29.01.2011). *То мѣ ти бѹде<sup>м</sup> помощници. и солгаша кмѹ емлюще злато Дѡда и Стѡполка* (Летопись 1, 6606-6609 <http://krotov.info/acts/12/pvl/lavr02/htm>). *On s'est mis d'accord qu'il faut communiquer* (Lefigaro.fr 20.01.2011). *Item observandum est, ut unumquodque genus separatim propriis arculis repona[n]tur; nam cum una clausa sunt diversa genera, inter se discordant et celerius vitiantur* (L. Iunii Moderati Columellae: De Re Rustica <http://www.forumromanum.org>). Также подобные значения могут передаваться и при помощи пассивных конструкций, в которых актуализуется модель R+QI+K+V+S+O: *Мнение представителя БЮТ также было поддержано сыном лидера УПА Романа Шухевича Юрием Шухевичем* (<http://regnum.ru> 03.03.2011). *Cette opinion est partagée assez largement du côté francophone* (Lemonde.fr 27.01.2011).

**Выводы.** Предикаты с инвариантным значением «иметь мнение» принадлежат ономасиологическому классу предикатов «мышления». Архисема «мысль» дополняется в значениях этих номинатом рядом дифференциальных множителей («оценка», «вера», «догадка», «тождественность»). В соответствии с указанными семантическими множителями было сформировано пять привативных оппозиций (подгрупп): «иметь мнение, считать», «предполагать», «оценивать», «верить», «придерживаться одного мнения». Квантитативный анализ количества номинатом свидетельствует о превосходстве их числа в древних языках.

Диахронический анализ выявил ряд особенностей предикатной вербализации указанного инвариантного значения. Во-первых, для этих предикатов характерны межклассовые миграции, как, например, переход в подгруппы «иметь мнение, считать» и «предполагать» предикатов со значением «видеть». Во-вторых, в древнерусском и латинском языках было выделено незначительное количество номинатом со значениями «переоценивать» и «недооценивать», и наоборот, в русском и французском языках малочисленны предикаты общего значения «оценивать каким-либо образом». В-третьих, квантитативный анализ подгруппы «придерживаться одного мнения» показал, что наличие общего, одинакового мнения является приоритетным для древних народов. При этом в русском языке предпочтение отдается аналитическому способу вербализации.



Общая семантико-ономасиологическая модель значений предикатов представленной группы содержит такие семантические множители: S+V+R+QL+K+O.

**Перспективой** дальнейших исследований является изучение особенностей функционирования предикатов ОК «мышления» с привлечением парадигм других языков.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Грошева М. А. Номинативный потенциал глагольно-именных словосочетаний типа «принять решение» и «to give a smile» [Электронный ресурс] : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук / М. А. Грошева. – Тюмень, 2004. – 23 с. – Режим доступа : [www.tmnlib.ru/DbFileHandler.axd?373](http://www.tmnlib.ru/DbFileHandler.axd?373)
2. Исхакова Р. Ф. Когнитивно-семантический анализ мнемических глаголов [Электронный ресурс] : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / Р. Ф. Исхакова. – Санкт-Петербург, 2009. – Режим доступа : [www.spbu.ru/files/upload/disser/phyllology/2009/ishakova.pdf](http://www.spbu.ru/files/upload/disser/phyllology/2009/ishakova.pdf)
3. Кадола Т. А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиситуативности [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. А. Кадола. – Кемерово, 2004. – 189 с. – Режим доступа : [www.lib.ua-ru.net/diplom/dcode-10.02.00--year-2004.html](http://www.lib.ua-ru.net/diplom/dcode-10.02.00--year-2004.html)
4. Карлова Т.Є. Ономасіологічний клас предикатів «мислення» в синхронічному та діахронічному вимір [Текст] : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15 / Т.Є. Карлова. – Донецьк, 2013. – 263 с.
5. Кондратенко Л. И. Глаголы интеллектуальной деятельности : На примере текстов прозы И. С. Тургенева : дис. ... канд. филол. наук / Л. И. Кондратенко. – Воронеж, 2005. – 189 с.
6. Кузьмичева В. А. Фреймовая семантика в исследовании глаголов со значением социальной деятельности по достижению цели / В. А. Кузьмичева // Научный журнал Куб ГАУ, 2007. – № 33 (9). – Режим доступа : <http://ej.kubagro.ru/2007/09/pdf/1./pdf>
7. Небольсина М. С. Полиситуативный анализ семантики глаголов в контексте когнитивных исследований / М. С. Небольсина. – Режим доступа : [www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2002/gumanit/PDF/nebolsina.pdf](http://www.uni-altai.ru/Journal/vestbspu/2002/gumanit/PDF/nebolsina.pdf)
8. Плотникова А. М. Когнитивное моделирование семантики глагола [Электронный ресурс] : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора филол. наук (на правах рукописи) / А. М. Плотникова. – Екатеринбург, 2009. – 38 с. – Режим доступа : [elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1870/1/urgu0665s.pdf](http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1870/1/urgu0665s.pdf)
9. Рогачева Ю. Н. Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке : на материале глагольной лексики : дис. ... канд. филол.

- наук / Ю. Н. Рогачева. – Белгород, 2003. – 182 с. – Режим доступа : <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/94047.html>
10. Руденко Е. Н. Глаголы когнитивной деятельности русского языка // II Международный конгресс русистов-исследователей / Е. Н. Руденко. – Режим доступа : [www.philol.msu.ru/.../psearch.php?...](http://www.philol.msu.ru/.../psearch.php?...)
  11. Русская глагольная лексика : денотативное пространство : [монография / под общ. ред. Л. Г. Бабенко]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 460 с.
  12. Теркулов В.И. Гештальтная семантика глагольной номинатемы / В.И. Теркулов // Язык.Текст.Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. – С. 27-38.

**Татьяна Евгеньевна Карлова**, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранных и латинского языков Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького; e-mail: [karlova\\_t\\_e@mail.ru](mailto:karlova_t_e@mail.ru)

УДК 811.112

**COGNITIVE INSTRUMENTS  
OF INVESTIGATING COMMUNICATIVE FAILURES  
A.P. Martynyuk (Kharkiv, Ukraine)**

**A.P. Martynyuk. Cognitive instruments of investigating communicative failures.** The present paper examines the causes of communicative failures on the basis of the methodological assumption of cognitive linguists that a language unit used by the speaker in a communicative act is associated with a body of conceptual content which gives access to conceptual network of encyclopaedic knowledge and provides raw material for contextualized interpretation. The analysis reveals that communicative failures take place when: 1) the speaker's verbal utterance does not evoke any conceptual content in the mind of the interpreter as a result of a) losing its symbolic function due to the speaker's violation of lingual norms (lingual causes) or b) being out of the interpreter's focus of attention (extra-lingual causes); 2) the communicants privilege different aspects of the encyclopaedic knowledge evoked by the verbal or non-verbal utterance in some discourse context due to the difference of experience shaped by the communities of practice they are part of (lingua-cognitive causes).

**Key words:** communicative act, communicative failure, conceptual content, conceptual network, contextualized interpretation.

**А.П. Мартынюк. Когнитивные инструменты исследования коммуникативных неудач.** В статье причины коммуникативных неудач рассматриваются на методологической основе когнитивной лингвистики, где значение единицы языка, используемой в акте коммуникации, понимается как концептуальное содержание, открывающее доступ к концептуальной сети энциклопедических знаний и являющееся сырьем для контекстуальной интерпретации. Результаты исследования позволяют заключить, что коммуникативные неудачи возникают в случаях, когда языковое выражение: 1) не активировано в сознании интерпретатора никакого концептуального содержания вследствие а) утраты символической функции из-за нарушения адресантом языковых норм (лингвальные причины); б) нахождения вне фокуса внимания интерпретатора (экстралингвальные причины); 2) активировано концептуальное содержание, не соответствующее ожиданиям адресанта, из-за их принадлежности коммуникантов к разным социальным группам, что формирует их опыт на основе разных социальных и коммуникативных практик.

**Ключевые слова:** коммуникативный акт, коммуникативная неудача, концептуальное содержание, концептуальная сеть, контекстуальная интерпретация.

**А.П. Мартынюк. Когнітивні інструменти дослідження комунікативних невдач.** У статті причини комунікативних невдач розглядаються на методологічній основі когнітивної лінгвістики, де значення одиниці мови, вжитої в акті комунікації, тлумачиться як концептуальний зміст, що відкриває доступ до концептуальної мережі енциклопедичного знання і становить собою сировину для контекстуальної інтерпретації. Результати дослідження дозволяють дійти висновку, що комунікативні невдачі мають місце у випадках, коли мовний вираз: 1) не активує у свідомості інтерпретатора ніякого концептуального змісту через а) втрату символічної функції внаслідок порушення адресантом мовних норм (лінгвальні причини); б) перебування поза фокусом уваги інтерпретатора (екстралінгвальні причини); 2) активує концептуальний зміст, не відповідний очікуванням адресанта, внаслідок

належності комунікантів до різних соціальних груп, що формує їх досвід на основі різних соціальних та комунікативних практик.

**Ключові слова:** комунікативний акт, комунікативна невдача, концептуальний зміст, концептуальна мережа, контекстуальна інтерпретація.

**1. Introduction.** The present paper examines the causes of communicative failures on the basis of the cognitive model of the communicative act which proceeds from the assumption that the process of understanding of a verbal/non-verbal utterance is governed by encyclopaedic knowledge and complex cognitive mechanisms evoked by the utterance in the mind of the interpreter.

The aim of the paper is to identify the contextual parameters of a communicative act influencing the interpretation of verbal/non-verbal utterances and link them to different causes of communicative failures.

The study is based on the collection of 1000 fragments of verbal/non-verbal; interaction containing instances of communicative failures taken from American films.

**2. The notion of ‘communicative act’ in the cognitive framework.** The cognitive model of the communicative act introduced in this paper is built on the assumption that the meaning of a language unit is construed ‘on line’ in the act of interaction.

This view goes against the standard approach to the problem of meaning adopted in formal semantics according to which meanings of sentences can be predicted from context-independent meanings of individual words and their grammatical properties and any contextual variability of meanings can be accounted for by pragmatic rules and principles. From formal perspective semantics and pragmatics are separate disciplines with different subject matters: the former deals with the meanings encoded in words and sentences while the latter is concerned with the intentions of the speakers and the inferences of the hearers in situated language use.

An alternative approach is not new. According to W. Croft and A. Cruse [Croft, Cruse 2004: 97], it was first suggested within linguistics by T. Moore and C. Carling [Moore, Carling 1982], At present this approach is supported by a number of cognitive linguists; see for instance [Turner 1991; Fauconnier 1994; Lakoff, Sweetser 1994; Croft, Cruse 2004],

From the cognitive perspective meanings encoded in language are partial and incomplete representations of conceptual structure. Conceptual structure is thought to be multimodal, underpinned by information derived from sensory and introspective experience while semantic structure lacks this multimodality being specialised for expression via spoken or written symbols. Semantic structure is viewed as the conventional form that conceptual structure takes when encoded in language. “When we understand an utterance, we in no sense are understanding ‘just what the words say’; the words themselves say nothing independent of the richly detailed knowledge and powerful cognitive processes we bring to bear” [Turner 1991: 206].

A body of conceptual content associated with a language unit used by the speaker in the act of communication is regarded as a prompt or *purport* [Croft, Cruse 2004: 100-101] which is defined as “some function of previous experiences of construed occurrences of the word in specific situations” which is “continually developing: every experience of the user of a word modifies the word’s purport to some degree” [Croft, Cruse 2004: 101].

Purport provides raw material for *contextualized interpretation* [Croft, Cruse 2004: 98] of a language unit. Here the term “context” refers to all the parameters of a communicative act which can influence the construal of meaning.

Such parameters are of lingual, lingua-cognitive and extra-lingual origin.

**The lingual context** includes: 1) the utterance in which the language unit is used by the speaker as the immediate lingual context and 2) all the previous discourse as a broader lingual context.

The utterance refers to some referential situation making *the existential context* of a communicative act which also constrains the construal.

**The lingua-cognitive context** provides encyclopaedic knowledge which enables the communicants to interpret each other’s utterances. The content and structure of the encyclopaedic knowledge is influenced by *socio-cultural contextual parameters* (the communicants’ belonging to various ethnic, social status, professional, gender, age, territorial, interests, etc. groups which can shape experience in different ways) and *situational contextual parameters* (the setting of the communicative act: time and place, communicative roles which identify the type of a speech / communicative event and license the style of communicative haviour).

**Extra-lingual context** embraces *psychological* and *physiological contextual parameters* accounting, respectively, for the impact of psychological and physiological state of the communicants on interpretation, and also *perceptual contextual parameters* that highlight the role of the channels of communication the state of which can facilitate or hamper interpretation.

All these lingual, lingua-cognitive and extra-lingual contextual parameters of a communicative act provide the ingredients for the construal of meaning only becoming part of **the cognitive context** which is *a network of ontological, ethological, lingua-ethological and lingual knowledge* that comes both from the communicants’ previous experience and from the immediate experience supplied by the context of the communicative act. The conceptual content associated with the language unit used in the act of communication can be interpreted only as part of this network. Every experience of the interpretation of a language unit in a communicative act modifies the construal to some degree.

**3. Causes of communicative failures** fall into lingual, lingua-cognitive and extra-lingual.

**3.1. Lingual causes** strongly constrain the construal of meaning of a lingual unit. Immediate lingual context makes intended interpretation so obvious that failure to infer it can provoke a joke:

ROSS: [sigh]...*I have to go to China.*

JOEY: ***The country?***

ROSS: **No no, this bie vile of dishes in my mom's break front** (Friends)

Yet, in some cases lingual context fails to supply information enough for the successful interpretation of the utterance, in other words - lingual units fail to associate with some coherent body of knowledge. This happens when the speaker **deviates from language norms**.

One source of such deviations is *scarce* or vice versa *redundant use of language recourses* to build an utterance:

Rachel was at the airport meeting Ross but she saw him with another woman. She rushed back home and told everybody about it.

RACHEL: ***Airport, airport Ross, not alone, Julie, arm around her. Cramp, cramp.***

CHANDLER: **Ok, I think she's trying to tell us something. Quick, set the verbs.** (Friends)

The interpreter fails to make the intended inference because the speaker violates syntactic rules: Rachel is trying to build sentences without predicates.

The example below is an instance of communicative failure caused by the speaker's creating a redundant acronym where letters, as they are pronounced, sound as full words:

PENNY: *What's AFK?*

SHELDON: *AFK. Away from keyboard.*

PENNY: ***OIC.***

SHELDON: **What does that stand for?**

PENNY: *Oh, I see?*

SHELDON: **Yes, but what does it stand for?** (The Big Bang Theory)

Another source of communicative failures is *linguistic creativity* realised in transforming existing lingual units or creating new ones.

The following communicative act is an example of communicative failure caused by the speaker's creating an unexpected metaphor:

Chandler was very excited as he met "the perfect woman"

CHANDLER: ***Hey, stick a fork in me, I am done.***

PHOEBE: **Stick a fork what?**

CHANDLER: ***Like, when you 're cooking a steak.***

PHOEBE: *Oh, OK, I don't eat meat.*

CHANDLER: *Well then, how do you know when **vegetables are done?***

PHOEBE: *Well you know, you just, you eat them and you can tell.*

CHANDLER: ***OK, then, eat me, I'm done.*** (Friends)

To conclude, lingual causes of communicative failures account for the situations when 'familiar' lingual units turn into 'unfamiliar' sounds or graphic forms which lose their symbolic function since they fail to give access to any conventional knowledge.

**3.2. Lingua-cognitive causes** explain communicative failures resulting from the specificity of the communicants' experience influencing the content and structure of the encyclopaedic knowledge evoked by the lingual unit in the act of communication.

This specificity can be described through the notion of centrality. According to R. Langacker, the centrality relates to the degree of salience of certain aspects of conceptual content associated by the communicants with the lingual unit used in some context. The centrality will depend on: 1) how well established the conceptual content is in the memory of the communicants and also on 2) the particular lingual and extra-lingual context in which the lingual unit is embedded [Langacker 1987: 159].

In any culture during the course of their lives people participate in a variety of socio-cultural *communities of practice* [Eckert, McConnell-Ginet: 469-470]. These communities of practice can be formed on different principles: ethnicity, gender, education, social status, income, family, profession, territory, religion, friendly ties, interests like sports, fishing, diving, etc. Belonging or not belonging to such communities of practice shapes people's experience differently, influencing the degree of conventionality of their knowledge.

Conventional knowledge by definition is knowledge that is shared. Thus, experience which is characterized as non-conventional on universal or lingua-cultural level comes to be shared by the members of a particular socio-cultural community of practice within a lingua-culture. In other words, such non-conventional experience can become conventional for the members of these socio-cultural communities. And, vice versa, conventional universal or lingua-cultural experience for some reason may not be shared by representatives of some communities of practice, thus changing its status to non-conventional. The number and variety of socio-cultural communities of practice an individual can become involved in during his / her social life is only limited by his / her motives, faculties and the opportunities given by the family at birth, on the one hand, and also by the opportunities offered by the lingua-culture, on the other hand.

The experience gained from belonging to various communities of practice is schematized in the memory of the communicants by *frames*. A *frame* is understood here after Ch. Fillmore as "any system of concepts related in such a way that to understand any one of them you have to understand the whole structure in which it fits" [Fillmore 1982: 111]. Frames relate the entities associated with a particular culturally embedded scene from human experience evoked by a verbal or non-verbal communicative means used in the act of communication.

Frames can schematize *ontological knowledge* about entities associated with language units (referents) and relations between these entities, *ethological knowledge* of ethic norms of social behavior providing stereotypic expectations of peoples' actions in a variety of social contexts and also *lingua-ethological knowledge* of general principles regulating communicative behaviour.

'Ontological – ethological / lingua-ethological' classification of knowledge does not correlate with 'static – dynamic' classification of frames since ontological concepts demonstrate both static (BUYER / SELLER) and dynamic nature (BUY). At the same time, ethological / lingua-ethological knowledge tend to be dynamic since scenarios of human social and communicative behaviour presuppose sequences of events. Thus, the term 'frame' is used here to denote a static schema and the term '*script*' [Schank, Abelson 1975: 151] is employed to name a dynamic schema structuring a canonic sequence of events in some socio-cultural context.

A variety of scripts schematizing knowledge about various types of *speech (communicative) situations* are also referred to as *speech event frames* [Saville-Troike 1987]. Another possible term is *communicative event frames* since while the term 'speech event frame' refers to the schema that structures knowledge about styles and registers of language use, licensing certain lexical items and grammatical constructions and contributing to their interpretation [Evans, Green 2006: 229], the term 'communicative event frame' accentuates that this type of schema also licenses non-verbal communicative behavior appropriate in this or that situation of communication and contributes to its adequate interpretation; besides it organizes interaction licensing change of floors, length of floors, the person deixis of utterances, etc.

Ontological knowledge associates with *declarative content* of the utterance, referring to some referential situation that can be accounted for by a *proposition* while ethological and lingua-ethological knowledge associates both with declarative and *procedural content* accumulating experience of conventions of communicative behaviour involving the communicants' *pragmatic intentions* which are *non-propositional* by nature.

The most obvious cause of communicative failures connected with gaps in **ontological knowledge** comes from the difference of the communicants' level of general education which influences the content and structure of *universal knowledge*. A communicative failure may occur when a speaker, having a higher level of education, operates with notions that turn out to be unknown to the interpreter. For example:

WILSON: *Well, you are a very special man. Quite like Galileo.*

TIM: *Yeah, I had his wine!*

WILSON: *No, no, no, Tim. I'm talking about the 17th century Italian astronomer. He was ridiculed for teaching that the Earth revolves around the Sun.*

TIM: *And he believed that?!*

WILSON: *Tim. The Earth does revolve around the Sun.*

TIM: [Grunting] *Oh yeah yeah, sure yeah, does. It's just that we're spinning so we don't notice it.* (Home Improvement)

The personality of Galileo and the fact that the Earth rotates around the Sun is a part of conventional knowledge of universal status. So, mentioning Galileo, Wilson expects interpretation against ASTRONOMY frame. Yet, for Tim this knowledge is evidently on the periphery of his conceptual system. As a result he interprets the



utterance with respect to WINE-MAKING frame, well established in his memory, which makes the association between Galileo and a wine producer with such a name more salient.

In view of the process of Americanization of cultures taking place in the modern world, it's rather difficult to draw a demarcation line between universal and *lingua-cultural knowledge*. It's easier to think of such knowledge as a continuum. Yet, some instances of experience tend to be thought of as specific to a particular culture. For example, in American culture 'Lord of Rings' seems to be regarded as a part of lingua-cultural knowledge since the book is included in the must-read list of an average American high school student, which is not the case in, say, Ukrainian or Russian culture:

Ross and Chandler's friend Mike 'Gandolf Ganderson was about to arrive and they got very excited.

ROSS: *Joey, you are gonna love this guy. Gandolf is like the party wizard!*

JOEY: *Well, why do you call him Gandolf?*

ROSS: *Gandolf the wizard. [Joey is still confused] Hello! Didn't you read Lord of the Rings in high school?*

JOEY: *No, I had sex in high school.* (Friends)

Another obvious cause of 'centrality misbalance' is one of the communicants (usually the speaker) having *social-community knowledge* in some sphere of human experience as a result of belonging to a particular network of communities of practice within his / her lingua-culture.

The following example illustrates a communicative failure resulting from the speaker's use of psychological terminology unknown to the interpreter:

WILSON: *Tim, you were doing fine when you weren't thinking about the mini cam, or the mirrors and such. You were going on instinct. You were one with the car. You were Zen-like.*

TIM: *I was Zen-like? I never met Zen. What was he like?*

WILSON: *No no no, Tim. Zen is a state of mind.* (Home Improvement)

For Wilson who is a psychologist the notion of Zen is a part of conventional knowledge while Tim having no specialized education has no access to HUMAN PSYCHOLOGY frame and tries to interpret the utterance with respect to a more 'familiar' HUMAN RELATIONS frame thinking of Zen as a person.

The following example illustrates a communicative failure which comes from the difference in experience of the speaker and the interpreter resulting from different incomes and social statuses:

The Outlet Mall, Designer Markdowns. Grace and Kzren are shopping.

KAREN: *Lordy, lordy, look at all the freaks. Come on. Let's get out of here. There's nothing here I like.*

GRACE: *Uh-uh, uh-uh, uh-uh, no. You haven't even looked yet. Come on. You got to get in there and sort through the rack.*

KAREN: *The what?*

GRACE: *The rack. You heard the expression "off the rack."*

KAREN: *I know the expression "Stan, hands off the rack." Ha ha ha! Bang bang! Ohh. Even in the Midwest I'm funny.* (Will and Grace)

Being a wealthy woman who buys clothes tailored for her by famous designers, Karen cannot interpret the expression 'sort through the rack', used by Grace, since she has never had the experience of spending hours sorting out racks of clothes in search of suitable things at acceptable prices.

A communicative failure can also be the result of the speaker's belonging to a relatively small and closed community united by specific kinds of ties like, for instance, being on the force and attending the same psychologist:

MARTIN: *Look, I'm sorry I cut you off like that before, I've just never gone in for that psychological mumbo-jumbo. **Probably started back on the force when they'd make us go see The Squirrel.***

FRASIER: *Who?*

MARTIN: *Dr. Bergman, the department shrink. We called him "The Squirrel" 'cause guys got sent to him when they got squirrely. He'd show you a bunch of ink-blots and ask about your toilet habits...* (Frasier)

In some communicative acts it is impossible to connect a communicative failure to a particular network of communities of practices shaping the communicants' experience since such networks are rather intricate and may include practices that are not so obvious and not so easy to trace - family background, friends, hobbies and interests, tastes, preferences in books, art, films, music, clothes, places of rest, eating habits and many other things can contribute to the content of the individual's conceptual system.

As it was mentioned before, belonging to different communities of practice tells not only on ontological knowledge concerning entities and relations between entities, but also on ethological knowledge of ethic norms of social behavior. For example:

Joey and Michael's House – Joey and Michael

JOEY: *Hey, Michael. **Who was that girl last night?***

MICHAEL: *I wasn't with a girl.*

JOEY: *No, the one I brought home. **I can never remember her name.*** (Joey)

Michael cannot interpret Joey's question because Joey goes beyond stereotypical expectations of ethic behavior: in a situation when people bring their girlfriends to their homes they are not expected to learn their girlfriends' names from the housemates.

Communicative failures caused by gaps in lingua-ethological knowledge embrace the cases of violations of stereotypic expectations of certain traits of communicative behaviour. These expectations are governed by: universal principles of interpersonal rhetoric (first of all, the so-called maxims of Cooperative Principle [Grice 1975] and Politeness Principle [Leech 1983]), Relevance Principles [Sperber, Wilson 1995] and accommodation strategies [Giles et al. 1991],

Even though universal principles of communication are idealized norms and individuals routinely violate them "despite such violations, however, they still

assume each other's cooperative intent. The maxims are idealized norms whose routine violations are strategies which allow people to mean more than they say" (Schiffrin 1994: 105).

It should be stressed that ethological and lingua-ethological experience influencing interpretation is interlaced. Thus, a communicative failure often results from the interlocutors' violating both ethic norms of politeness and lingua-ethic Politeness Principle. Responsibility for the failure lies on the communicant, violating the conventions:

Joey is having a meeting with the executive producer:

LAUREN: *Anyway, you'll do great. And we just got the first script, and it's amazing. There's some twists in here that'll blow your mind.*

JOEY: *Oh really, can I take it?*

[Joey picks up the script]

LAUREN: *Uh, just keep it between us because you're the first one to see it.*

JOEY: ***Is that because I'm the sexiest cast member?***

LAUREN: ***No. it's because you sot your germs on it and I don't want it back.***

(Joey)

Joey asks Lauren a question within ASKING FOR A COMPLIMENT – PAYING A COMPLIMENT script choosing a jocular mode of communication and expecting her to react to it with a jocular compliment licensed by the Principle of Politeness. Instead, Lauren offends him giving her answer within ASKING FOR INFORMATION – GIVING INFORMATION script and thus violating the Principle.

Universal principles of communicative behaviour and community specific stereotypes also guide interpretation of semantic and pragmatic potential of utterances.

The following example shows that interpretation of pragmatic intentions can be influenced by communicative practices typical of a particular community, like, for instance, gender:

Jill was writing a speech.

JILL: *I just feel self-conscious getting up in front of a group of people.*

TIM: ***You don't like the way you look?***

JILL: ***What's wrong with the way I look?*** [Tim thinks carefully]

TIM: ***Nothing, that was just a question.***

JILL: ***Why was that the first question you asked?***

TIM: ***Alright, here's another first question: are you so attractive and thin that you're afraid to go up in front of people?***

JILL: ***So what're you savins? I'm fat and uslv?***

TIM: [short pause] ***I'm not gonna win at this, am I?*** (Home Improvement)

Trying to find the reason of Jill's being self-conscious in public Tim makes a suggestion that her self-consciousness may be accounted for by the fact that Jill does not feel comfortable about her looks. This suggestion is made in the form of a question. Jill interprets the question as a euphemistic statement that there is something wrong with the way she looks. When Tim gives another try to find out the

reason of Jill's self-consciousness and makes the same suggestion in the form of a jocular question Jill fails to see a joke and interprets it as an ironic statement where words mean the opposite: *attractive* → *ugly* / *thin* → *fat*.

So while Tim builds utterances with respect to MAKING A SUGGESTION script Jill interprets them in MAKING A EUPHEMISTIC STATEMENT script. This dialogue develops within stereotypic expectations of gender specific female behaviour according to which women are rather vulnerable about their looks. This vulnerability brings about unexpected inferences as to the pragmatic intentions of the man's utterances.

It is far more difficult to trace a communicative failure resulting from gaps in the ethological and lingua-ethological experience to a particular network of communities of practice shaping this experience than it is with ontological knowledge because here the ties are not so obvious. Yet, it is quite logical to assume that such connections do exist even if we cannot explicitly point them out.

To conclude, lingua-cognitive causes explain the cases of communicative failures occurring due the difference in ontological, ethological and lingua-ethological experience of the communicants participating in different networks of communicative events licensed by their communities of practice.

**4. Extra-lingual causes** explain the cases of communicative failures when the speaker's utterance is not heard/seen by the speaker due to some hindrance coming either 'from inside' (psychological or physiological state of the interpreter) or 'from outside' (the state of channels of communication).

**4.1. Psychological causes** of communicative failures are connected with such a basic psychological ability as attention or the focus of consciousness [Chafe 1994: 26-30], Attention is modelled in terms of degree of activation of conceptual structure in a neural network model of the mind. One aspect of attention is selection which is based on the ability to select - "to attend to parts of our experience that are relevant to the purpose at hand and ignore aspects of our experience that are irrelevant" [Croft, Cruse 2004: 46-47],

The mechanism of selection accounts for the lack of the communicants' involvement into interaction and focusing on different subject matters in the act of communication. Concentrating on different subject matters explains the cases of irrelevant inferences which cannot be accounted for by 'centrality misbalance' coming from the peripheral status of conceptual content associated with the lingual unit in the memory of communicants. For example:

Daphne: *Dr. Crane...*

Niles: [Passionately:] *Yes, Daphne?*

Daphne: *We're losing the fire.*

Niles: *No we're not, it's burning with the heat of a thousand suns!*

Daphne: [Turning to the fire:] *But it's down to its last embers!*

Niles: [Calming down:] *Well then... I'll put some wood on it!* (Frasier 117)

Daphne and Niles are sitting at the fireplace. Saying 'We're losing the fire', Daphne puts literal meaning into this utterance, since her focus of attention is on the

possible lost of the source of energy and getting cold while Niles, whose focus of attention is on his feelings for the girl, interprets the utterance metaphorically.

**4.2. Physiological causes** can strongly influence the process of understanding, as in the following example:

INDY: *Ox? Ox! It's me, Indy. You 're faking it, right pal?*

**[Oxley won't even look at Indy. His eyes are wild, they never rest, never make eye contact.** Oxley dances towards Indy]. INDY: *Listen to me pal, your name is Harold Oxley, you were bom in Leeds, England. You and I went to school together at the University of Chicago, and you were never this interesting! My name is Indi – [though it pains him]. My name is Henry Jones Junior. **[Oxley just spins away and he's off again, dancing around him and, muttering unintelligibly]**.* (Indiana Jones)

Oxley cannot react adequately to Indy's utterance because he has lost control of his mind by staring too long into the 'Crystal skull's' eyes.

**4.3. Perceptual causes** refer to the hindrance in the sensory channels available to the communicants in the act of communication, like poor telephone connection in the example below:

[JESSICA sits in a taxi with a large winter coat on. She's on the phone. It's summer in New York]

JESS [into phone]: *It's a surprise for him. I'm going to walk in and just drop my coat on the ground. What do you think?*

[Jess' model-beautiful best friend, CECE MEYERS, is putting on her shoes in front of the mirror].

CECE: *Why don't you hang it up?*

JESS: *No... [Speaking softly] I'm not wearing anything underneath.*

[The DRIVER looks back at her through the rearview mirror].

CECE: *What? I can't hear you.*

JESS: *I'm... I'm naked under my coat.*

CECE: *Are you whispering something?*

JESS: [Louder] *I'm naked!* (New Girl)

To conclude, extra-lingual causes cover the cases where the addressee does not make any attempt at interpretation because the speaker's utterance does not get into his/her focus of attention due to some hindrance of communication coming from inner or outer sources.

**5. Conclusion.** The analysis reveals that communicative failures take place when: 1) the speaker's verbal utterance does not evoke any conceptual content in the mind of the interpreter as a result of a) losing its symbolic function due to the speaker's violation of lingual norms (lingual causes) or b) being out of the interpreter's focus of attention (extra-lingual causes); 2) the communicants' privilege different aspects the encyclopaedic knowledge evoked by a verbal or non-verbal utterance in some discourse context due to the difference of experience shaped by the communities of practices they are part of (lingua-cognitive causes).

## REFERENCES

1. Chafe W. Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing / W. Chafe. – Chicago : Chicago University Press, 1994. – 392 p.
2. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, F. Cruse. – New York : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
3. Eckert P. Constructing meaning, constructing selves / P. Eckert, S. McConnell-Ginet // Gender articulated: language and the socially constructed self [ed. Hall K., Bucholtz M.]. – New York, London : Routledge, 1995. – P. 369-507.
4. Fauconnier G. Conceptual projection and middle spaces / G. Fauconnier. – San Diego : University of California, Department of Cognitive Science Technical Report 9401, 1994 (available at <http://www.blending.stanford.edu>).
5. Fillmore C. Frame semantics / C. Fillmore // Linguistics in the morning calm [ed. The Linguistic Society of Korea]. – Seoul: Hanshin, 1982. – P. 111-37.
6. Grice H.P. Logic and conversation / H.P. Grice // Syntax and Semantics. – New York : Academic Press, 1975. – P. 25-69.
7. Lakoff G. Foreword to Gilles Fauconnier *Mental Spaces* / G. Lakoff, E. Sweetser // *Mental Spaces*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. ix-xlvi.
8. Langacker R. Foundations of cognitive grammar, vol. 1: theoretical prerequisites / R. Langacker. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1987. – 516 p.
9. Leech G. Principles of pragmatics / G. Leech. – L. : Longman, 1983. – 250 p.
10. Moore T. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics / T. Moore, C. Carling. – London : Macmillan, 1982. – 225 p.
11. Saville-Troike M. The Ethnography of communication [2-d edition] / M. Saville-Troike. – Oxford : Basil Blackwell, 1989. – 315 p.
12. Schank R.C. Script, plans, goals, and understanding: an inquiry into human knowledge structures / R.C. Schank, R.P. Abelson. – Hillsdale (NJ) : Laurence Erlbaum Associates, 1977. – 248 p.
13. Schiffrin D. Approaches to discourse / D. Schiffrin. – Oxford; Cambridge : Blackwell, 1994. – 470 p.
14. Sperber D. Relevance: communication and cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford; Cambridge, MA : Blackwell, 1995. – 132 p.
15. Turner M. Reading minds: the study of English in the age of cognitive science / M. Turner. – Princeton, NJ : Princeton Univ. Press, 1991. – 318 p.
16. Giles H. Accommodation theory: Communication, context and consequences / H. Giles, N. Coupland, J. Coupland // Contexts of Accommodation. – Cambridge, UK : CUP. – 1991. – P. 1-68.

**Мартынюк Алла Петровна** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (площадь Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина); e-mail: [allamart@list.ru](mailto:allamart@list.ru)

УДК 811.111+811.134.2+811.161.1

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАГМАТИЧЕСКАЯ  
 ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРЯДОВЫХ ПОЖЕЛАНИЙ  
 В ФОЛЬКЛОРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ИСПАНИИ И РОССИИ  
 Н.М. Мекеко, М.В. Кутьева (Москва, Россия)**

**Н.М. Мекеко, М.В. Кутьева.** Лингвокультурологическая и прагматическая интерпретация обрядовых пожеланий в фольклоре Великобритании, Испании и России. В статье сравниваются обряды и традиции английского, русского и испанского фольклора в области пожелания и обращения к высшим силам с просьбой о выздоровлении, счастья, заклипании урожая. Прослеживается динамика их развития, факторы, повлиявшие на их оформление и прагматические функции в современном узусе.

**Ключевые слова:** обряд, традиция, пожелание, просьба, заклипание, фольклор.

**Н.М. Мекеко, М.В. Кутьева.** Лингвокультурологічна та прагматична інтерпретація обрядових побажань у фольклорі Великобританії, Іспанії та Росії. У статті порівнюються обряди і традиції англійського, російського та іспанського фольклору угалузі побажань та звернення до вищих сил з проханням про одужання, щастя, заклипання врожаю. Простежується динаміка їх розвитку, фактори, що вплинули на їх оформлення і епідейктичні функції в сучасному узусі.

**Ключові слова:** обряд, традиція, побажання, прохання, заклипання, фольклор.

**N.M. Mekeko, M.V. Kutieva.** Linguocultural and pragmatic interpretation of UK, Spain and Russia folklore's ritual wishes. In the article we compare rites and traditions of English, Russian and Spanish folklore in the sphere of wishes and appeals to the highest forces with the request about recovery happiness, harvest incantation. It is outlined the dynamics of their development, the factors, which influenced their formation and epideictic functions in modern usage.

**Key words:** rite, tradition, wish, request, incantation, folklore.

Компаративные исследования в области функционирования речезыкетных единиц лежат в области лингвопрагматики и отличаются чёткой ориентированностью на межкультурную коммуникацию. Актуальность нашей работы обусловлена и все возрастающим интересом лингвистов к проблемам прагмалингвистики, теории дискурса и речевого акта с учетом широкого экстарлингвистического и ситуативного контекстов, спецификой отношений между собеседниками, а также маркированной в национально-культурном плане системой ценностей и установок языковой личности.

Знание традиций и формул речевого этикета чужой лингвокультуры становится особенно востребованным в торжественной ситуации, когда каждый из участников события должен высказаться, соблюдая веками выработанные законы подобных выступлений, отличающихся известной условностью.

Праздники, как известно, могут быть общегосударственными, народными, семейными, религиозными и церковными. Большинство европейских общегосударственных праздников имеют религиозное происхождение. Не случайно английское слово "holiday" (праздник) буквально означает «святой день». В Украине и России, несмотря на проводившуюся в годы советской власти политику искоренения религиозных традиций, основные церковные праздники не только сохранились, но и стали общенародными (Рождество, Пасха, Троица). Они обязательно справляются в каждой семье. Между церковными и религиозными праздниками есть определенные различия. Первые – это торжественные богослужения со строгим каноническим ритуалом в храме, а вторые – менее «протокольные» семейные праздники со своими традициями, определёнными застольями, подарками, народными песнями, играми и т.д.)

Цель данной работы – проанализировать пожелания, которые употреблялись или употребляются в Великобритании, Испании и России во время праздничных обрядов. Нами исследована история возникновения и использования пожеланий-благословений и пожеланий-проклятий в обрядовом фольклоре трёх вышеназванных стран.

Универсальной чертой как благодушных, так и злобных пожеланий является присутствие в них обращения-просьбы ко Всевышнему (к высшим силам). В некоторых ситуациях говорящий произносит пожелание, обращенное не только к 'внешнему' адресату, но и к самому себе. Речевые акты, содержащие пожелания, изначально преследуют цель привлечь сверхъестественные духовные силы в жизнь человека.

В трех рассматриваемых здесь лингвокультурах обрядовые пожелания имеют мифолого-религиозные корни: идущие через язычество к христианству. Однако христианство в разных странах развивалось по-разному.

В процессе своего развития Христианство распалось на 3 основные ветви: православие, католицизм, протестантизм. В настоящее время в Великобритании наибольшее распространение имеет протестантизм, в Испании – католицизм (около 90%), а в России – православие. Россия вступила на путь христианства достаточно поздно – лишь в X веке.

С распространением протестантской религии в Великобритании, пожелания успеха связывались с обращением к Богу и включением того действующего лица, в отношении которого ожидалось существенно улучшить ситуацию. Христианство, однако, оказалось суперстратом по отношению к предшествовавшим ему языческие верования, поэтому просящий о выздоровлении, мог обратиться непосредственно к недугу как к одушевленному существу даже с некоторым подобием угрозы, каламбурно и оксюморонически сочетающейся с мольбой. Приведем пример такого обращения с нашим дословным переводом на русский язык:



*Ague, ague, I thee defy.                    Лихорадка, лихорадка, я тебе не поддаюсь.*  
*Three days, shiver,                            Три дня – дрожь,*  
*Three days, shake,                             Три дня – тряска,*  
*Make me well for Jesus' sake.            Восстанови меня ради Христа.*  
 [Palmer, 1991: 154]

В русской лингвокультуре по отношению к нежелательным явлениям характерны просьбы *уйти*, например: «*Как заря на небо приходит и уходит, так и ты, хвороба, уйди*» [Степанова, 1997: 107]. Фольклорные обращения легко проникают в художественные тексты, которые становятся национальным достоянием, например у А.Майкова: «*Уходи, зима седая! Уж красавицы весны колесница удалая / Мчится с горней вышины! ...*»

В России принято было адресовать мольбы деве Марии или к Иисусу Христу: «*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Господня Храмина, тебе не горевать, у раба Божия (имя) зубами не болеть отныне и до веку, вовеки, аминь*». [Забылин, 2011: 346]

Чаще в русской православной традиции заговоры с пожеланиями обращались к святым, а через них воздавалась хвала Богу. Существует чёткая «специализация» святых в зависимости от характера заболевания. Святой Вонифатий «помогает» от запоя, Артемий – от грыжи, Роман чудотворцу – от «неплодства и бесчадия». Общим же целителем в православии является Пантелеймон, изображаемый на иконах с ложечкой и лекарствами. Любопытно, что «жаждущие исцеления больные и их близкие обращались к святому на языке, который можно было "слышать и видеть", т.е. на языке слов и жестов» [Арнаутова, 1995]. Само слово *Бог* упоминается в таких призывах крайне редко, т.к. «мифологическое мышление сего тягой к конкретному и осязаемому сливает в них образ святого с образом далекого Бога» (там же). Однако всегда просящий таил надежду на то, что всевышний Бог проявит милосердие.

Для испанцев более характерно обращаться в случаях недомоганий к Архангелу Рафаилу: «*En nombre de Cristo que habita en mi corazón, apelo a ti, querido y bien amado Arcángel Rafael rodea y envuélveme con los Ángeles de la Divina cura, Arcángel Rafael que la Divina luz de la verdadera cura, sea direccionada sobre mí*» [Amor spiritual, 2013]. Перевод: «Во имя Христа, который живёт в моём сердце, я взываю к тебе, дорогой и любимый Архангел Рафаил, – окружи меня ангелами божественного излечения, Архангел Рафаил, и чтобы божественный свет истинного излечения был направлен на меня». Возможно также обращение к высшим силам без их конкретного упоминания: «*Que la salud de .... (se dice el nombre de la persona) mejore. Escucha mis palabras y escucha mi ruego, libérale de su enfermedad. Que así sea*» [там же]. Пусть его здоровье поправится. Услышь мои слова, услышь мою мольбу, освободи его от его болезни. Да будет так!»

С заклинаниями генетически связаны песни-благопожелания. Магические заговоры или приговоры стали основой для колядок. Вот, например, одна из английских версий:

*We hope that all your barley prosper fine and grow,  
So that you'll have plenty and a bit more to bestow,  
We hope your wethers grow fat and like use all your eyes  
And where they had one lamb we hope they will have two.* [Lloyd, 1975: 102].

Приведем русский аналог с упоминанием основной для русских зерновой культуры:

*A дай бог тому, кто в этом дому! / Ему рожь густа, рожь ужимиста.  
<...> Наделил бы вас господь / И житьём, и бытьём, и богатством...* [Круглов, 1990: 320].

Прямые просьбы к хозяевам о гостинцах характерны для русских колядок. Ср.: «Коляда, коляда! / Подавай пирога, / Блин да лепешку, / В заднее окошко!». Подобная прямота абсолютно чужда испанским колядкам – *villancicos*, в которых с особой нежностью воспевается само событие – рождение младенца Иисуса:

<i>El camino que lleva a Belén baja hasta el valle que la nieve cubrió. Los pastorcillos quieren ver a su Rey. Le traen regalos en su humilde zurrón, rorororom, rorororom. Ha nacido en el portal de Belén el Niño Dios.</i>	<i>Дорога, ведущая в Вифлеем, Спускается в долину, покрытую снегом, Пастухи хотят увидеть своего Царя, Несут ему подарки в своих котомках, Ро-по-пом, ро-по-пом! Родился в предместье Вифлеема Младенец Бог</i>
---	---

[El requeño tambolirero]

Вслед за Рождеством в Испании широко празднуется день Поклонения волхвов. С 6го на 7ое января к трем восточным мудрецам также можно обратиться с надеждой на исполнение желания. Вот пример одного из них: “A los Reyes Magos / les pedí un regalo: / una yerba buena / para el desencanto”. Перевод: «У волхвов / я попросила подарок: / веточку мяты, / чтоб тебя расколдовать» [Esperón, 2006]. В испанской культуре, карнавализирующей действительность, ритуальное благопожелание часто представляет собой оболочку, скрывающую в себе шуточный комплимент или иносказательное объяснение в любви, причем не без чувства юмора. Например:

<i>Bendita sea la madre que a este mundo te trajera bendito el día y la hora bendita sea la partera</i> [Menese, 2013]	<i>Да будет благословенна мать, Явившая тебя на свет, Благословен и день тот, и час, И благословенна та акушерка</i>
--	--

Пожелания-благословения, а иногда и пожелания-проклятия, звучали в песнях и гимнах, которые ритуально исполнялись на религиозных праздниках. Священники и богословы различных религий сыграли основополагающую роль в установлении и оформлении праздников в виде театрализованных мистерий (в средневековой Испании представления на религиозную тему назывались “auto”), включающих торжественные собрания, жертвоприношения, пение гимнов, молитв, освящение даров,

шествия, костюмированные представления, особенно часто и с размахом организуемых в Испании.

Протестантизм, в отличие от Христианства, отвергает молитвы за упокой душ умерших, поклонения святым и многочисленные праздники в их честь. Пение псалмов и гимнов происходит во славу народа. Поэтому английские гимны, исполняющиеся на этих праздниках, имеют следующие названия: Hymns for Children (во славу всех детей), Hymns for "Those at sea" (за тех, кто в море), Harvest hymns (во славу урожая), Christmas Hymns (рождественские гимны), Hymns for the New Year (в честь Нового года) и т. п. Приведем в качестве примера Hymn for children:

*O little child! Lie still and sleep;  
 Jesus in near, thou need not fear;  
 No one need fear whom God doth keep  
 By day and night;  
 Then lay thee down in slumber deep  
 Till morning light.  
 O little child! Be still and rest,  
 He sweetly sleeps, whom Jesus keeps,  
 And in the morning wakes so blest,  
 His child to be;  
 Love every one, but love Him best,  
 He first loved thee. [Jones, 1970: 264]*

В наши дни религиозные праздники для большинства современных людей утратили свой первоначальный смысл и приобрели значение национальных или семейных торжеств. Среди современных популярных праздников в Великобритании, сохранивших значение религиозных, хотелось бы назвать праздник урожая (Harvest) и праздник цветов (May Day)

По своему характеру день 1 мая (May Day) – это, прежде всего, праздник пышного весеннего расцвета всей растительности, и прежде всего – цветов. В это день городские жители страны поздравляют женщин и дарят им первые цветы со словами: "Spring has come". В сельской местности накануне праздника молодежь отправляется в лес «собирать май» (to go a maying) и возвращается в город под музыку с песнями, неся целые охапки зелёных веток и цветов. Такие шествия по своему характеру и смыслу напоминают обряды колядования в новогодний цикл праздников. Участники весенних поздравительных обходов поют песни, в которых поздравляют обитателей дома с приходом весны и желают всей семье всякого благополучия, чтобы Бог хранил его дом и богатство.

*Drawing to the merry month of May  
 God bless this house and harbour  
 Your riches and your store  
 For the summer springs so fresh, green and gay [Chaundler, 1959: 80].*

Троица (Пятидесятница) – праздник, который входит в число двенадцатых в русском православии. В его основе – сюжет сошествия Святого Духа на 50-й день после Пасхи. Этому событию церковь придаёт большое значение. На Руси Троица слилась с бытовавшим у славян праздником семик. Семикские обряды связаны с почитанием духов растительности. Отсюда берут начало обычаи украшать на Троицу Божий храм и дом зеленью, водить хороводы вокруг берёзок. Соединяя березовые ветки, девушки поют песни, в которых архаичные ритуалы поклонения деревьям слились с православной верой в единого Бога: «Завивайся, венок, завивайся, зеленой, окружись, оцутись, это богу венок, это богу зеленой»

В конце жатвы у всех земледельческих народов устраивался большой праздник урожая (Harvest). По сей день этот праздник сохраняет большое значение для жителей сельской местности. Жатвенный период заканчивается повсюду "урожайным ужином" (Harvest home). В нём принимают участие все, кто помогал хозяину в его сборе. Обычаи проведения праздника разнообразны и сильно варьируются от страны к стране. В Англии центральное место праздника занимает исполнение здравицы в честь хозяина, с пожеланиями семейного прибавления, процветания и богатого урожая на следующий год: “*Here's a health to our master, / The lord of the feast; / God bless his endeavours / And send him increase; / May all his crops prosper / So we reap them next year; / Here's the master's good health, boys, / Come drink off your beer!*” [Chaundler, 1959: 132]

В Шотландии, например, в центре стола в особо украшенном бочонке (barrel) ставят виски, сырьём для изготовления которого, служит ячмень. Весь праздник так и называется: "ячменный бочонок". Во время застолья исполняется баллада Р. Бёрнса "Джон Ячменное Зерно", в которой желают, чтобы до конца времён не высыхало дно в бочонке, где клоочет Джон Ячменное Зерно.

*John Barleycorn was a hero bold  
Of noble enterprise;  
For if you do but taste his blood,  
'T will make your courage rise...  
Then let us toast John Barleycorn,  
Each man a glass in hand;  
And may his great posterity.  
Ne'er fail in old Scotland. [Burns].*

В Испании почитается Святой Исидор (San Isidro) – покровитель Мадрида, столицы Испании. Праздник Св. Исидора отмечают 15 мая. Он считается покровителем земледельцев. К нему обращаются с такими просьбами: *San Isidro labrador, / Danos agua, quita el sol*. Перевод: «Святой Исидор-земледелец, дай нам воды, убери солнце». Или: “*San Isidro bendito: ruega por nuestros campos y por nuestros agricultores*”. [http://losamigosdefresno.blogspot.ru/2013/05/san-isidro-labrador]. Перевод:

«Благословенный святой Исидор, молись за наши поля и за наших земледельцев». Исидор сам занимался земледелием, был очень трудолюбив и заслужил почёт:

*¡ Oh San Isidro querido  
que fuiste un excelente barón  
protege todos los campos  
y danos tu bendición!*

*О, дорогой Святой Исидор,  
Ты был прекрасным человеком,  
Защити наши поля  
И дай нам своё благословение!*

Старый языческий праздник летнего солнцестояния (Midsummer Day) 21 июня издавна широко праздновался повсеместно в Европе. В обычаи дня летнего солнцестояния вплетено много семейно-брачных мотивов. В этот праздник гадали преимущественно о браке. Для этой цели использовали различные цветы. Гадают и на отмечаемый в Англии в октябре День Святой Веры (St. Faith's Day). Во время этих празднований девушки высказывали свои мечты увидеть образ будущего супруга:

*Oh, good St. Faith, be kind to night,  
And bring to me my heart's delight!  
Let me my future husband view,  
And be my vision chaste and true!*  
[Chaundler, 1959: 135].

*О, милостивая Святая Вера, будьте  
добра ко мне сегодня вечером  
И принеси мне восторг моего сердца!  
Яви мне моего будущего мужа,  
И пусть это видение будет  
целомудренными и правдивым!*

Испанский аналог этого праздника – San Juan (24 июня). Он также сопровождается гаданиями и разжиганием костров. Период солнцестояния открывает возможности для привлечения счастья в свою судьбу. *Es la noche en que los entierros arden, el Diabolo anda suelto y los campos son bendecidos por el Bautista. Hay que lavarse las manos con agua de manantial para mantenerse joven y el cabello para conservarlo hermoso. Esa noche las aguas están benditas por el Bautista. Es una costumbre que en la mañana, muy temprano la gente se lava el pelo y la cara con las aguas bendecidas y comienza a llamar, tres veces consecutivas: “¡San Juan!, ¡San Juan!, dame milcao (guiso de papas con manteca) que yo te daré pan”. Para aprender a tocar guitarra hay que colocarse durante esta noche bajo una higuera. С горячей свечой в руке надо сказать: "Por las fuerzas de esta noche mágica, acerco el amor verdadero hacia mí"* [http://www.cometamagico.com.ar/san\_juan\_rituales.htm]

Русский, украинский, белорусский праздник – Иванов День или День Ивана Купалы. До крещения это был просто праздник языческого бога Купалы. Вот так всё смешалось. Предполагается, что Купала – это одно из имен Дажьбога. Это день купания Перуна в Днепре, встречи Перуна и Роси, следствием чему стало рождение Дажьбога. Двоеверие длилось несколько сотен лет. В Украине, как и в других славянских государствах, девушки плетут венки и пускают их по реке, обращая к венку слова просьбы о встрече с суженым:

*В гаю зелененькім соловейко щебече,  
Соловейко щебече;*

*Там дівчина мила віночок пустила  
З барвіночку, з барвіночку.  
Плинь, плинь, віночку, гарний з барвіночку,  
За миленьким, за миленьким... [Сапіга, 1993]*

Стержневыми в духовной истории России являются православные праздники во славу Иисуса Христа, Пресвятой Богородицы и многочисленных святых. В целом общее количество как православных, так и католических праздников значительно превышает число дней в году, и поэтому практически на каждый день приходится несколько праздничных событий. В течение года русская православная церковь отмечает: 12 «двунадесятых» календарных праздников, посвященных Христу, Святой Троице и Богородице; 5 «великих» праздников; 4 поста и 359 праздников «святых угодников».

Форма проведения всех православных праздников практически идентична: она сводится к проведению торжественных богослужений, в ходе которых прославляются отмечаемые события или чествуемый персонаж, а через них воздаётся хвала Богу.

Несмотря на такое обилие церковных праздников, не все они одинаково популярны и почитаемы среди русского народа. Как и в Великобритании, самыми любимыми остаются праздники, связанные со встречей весны, началом сева, сбором урожая. Примечательно, что широко отмечаемые в России церковные праздники, по своим обрядам схожи с британскими.

Как известно, в России праздник, посвященный проводам зимы и встрече весны, называется Масленица. Для неё характерны магические действия, связанные с ожиданием будущего урожая. Поэтому во время народных гуляний весёлые скоморохи выкрикивают: *Отгуляйте свободно, Чтобы было в году плодородно!*

А поджаристый, масляный блин является символом солнца, радости и будущего счастья: *Ах, ты, Домнушка, / Красно солнышко! / Вставай с печи, / Гляди в печь – / Не пора ли / Блины печь!* [Смирнов, 1927: 19].

Эти песни исполняют дети, ходя по домам и получая за это гостинцы.

Благовещение отмечается 7 апреля, в память о сообщении архангелом Гавриилом деве Марии благой вести о грядущем рождении Сына Божьего Иисуса Христа, а в народе – это день начала весны, день пробуждения земли ото сна, пора прилёта птиц, начала сева. Поэтому русские крестьяне, ставя икону Благовещение в кадку с яровым зерном, предназначенным для посева, молились: *Мать Божия! Гавриил-Архангел! / Благоволите нас урожаем, / Благословите овсом да рожью, / Ячменем, пшеницей и всякого жита сторицей!*

Известны песни, обращенные к весне с пожеланием хорошего урожая: *“Дай, весна, добрые годы, / Годы добрые, хлеборобные! / Зароди жито густое, / Жито густое, колосистое, / Колосистое, ядренистое! / Чтобы было с чего пиво варити, / Пиво варити – ребят женити, / Ребят женити – девок отдавати!”* [Круглов, 1990: 224]

Обращаясь к природным стихиям, русские люди считали важным пообещать им что-либо взамен на исполнение просьбы: *“Дождик, дождик, пуще – / Дам тебе гущи, / Хлеба каравай – / Весь день поливай!”* [<http://www.unn.ru/folklore/fzaklich.htm>]

Одним из самых древних обычаев русского народа было весеннее время окликанья Егория, т.е. Святого Георгия. 23 апреля (6 мая), перед тем, как выгнать скотину на пастбище, ребята и подростки обычно ходили по домам и пели песню «Батюшка Егорий», желая сохранить скотину. Всем, кто хотел помешать этому, высказывали неблагоприятные пожелания. За это им подавали так называемую мзду: кто яичек, кто денег, кто гостинцев. Дети вставали примерно в два часа ночи и будили всю окрестность пением: *“Батюшка Егорий, / Макарий, батька храбрый, / Спаси нашу скотину, / Всю животинку, / В поле и за полем, / В лесе и за лесом! / Волку, медведю, / Всякому зверю – / Пень да колода, / На раменье дорога!”*

Далее следовало подаяние. Если подавали щедро, то ребята высказывали добрые пожелания: *“Дай тебе Бог / Двадцать телушек – / Всё головушек, / Десять быков – / Всё годовиков, / Всё полуторвиков!”*

Но бывали случаи, когда ребятам ничего не давали, тогда они выкрикивали пожелания негативного плана: *“Дай тебе Бог / Подольше пожить / Да побольше нажить – / Вшей да мышей, / Тараканов из ушей!”* [Круглов, 1990: 225].

Религиозные праздники, обычаи, традиции, которые для большинства англичан утратили своё первоначальное значение, послужили основой для широкого употребления пожеланий удачи, использовавшиеся в прошлом, как пожелания-благословения: *God bless you! God grant! ' God be thanked! So help me God! Wish smb. God speed!*

Наряду с этим, в английском языковом обиходе сохраняются пожелания-проклятия: *You skin full of Eyelet Holes! Plague on it! Hell's delight! May damnation take him! Пусть твоя кожа будет вся в язвах! Чума на Вас! Восторг Ада! Проклятье его возьми!*

Пожелания-проклятия широко известны в Испании благодаря историческому внедрению в пиренейскую культуру цыганских обычаев. Цыганские проклятия отличаются завуалированностью основного смысла, своеобразной иносказательностью: *“Anda con dios, bien te logres, / no te deseo mal ninguno.... / hora de salud no tengas, / mientras vivas en el mundo”* [Menese, 2013]. Перевод: «Иди с Богом, добейся добра, я не желаю тебе никакого зла, но пусть ни часа здоровья не будет у тебя, пока живешь ты на земле». Завершение фразы в смысловом отношении отрицает ее зачин. В испанских проклятиях парадоксально упоминается неуместное в них имя Бога, Иисуса Христа и Девы Марии.

В годы советской власти исходное сакральное значение песен-благопожеланий и воззваний-проклятий утратило свой первоначальный облик. Вместо него бытуют стандартизированные напутствия, которые употребляются

в повседневной речи и не ассоциируются в массовом повседневном сознании с образом Бога. Современный россиянин способен синонимично употребить имена и Бога, и черта: *Бог его знает*, *Черт его знает* и *Шут его знает*. Выражение *Бог с ним!* претерпело радикальные семантические изменения.

В качестве примеров стандартизированных напутствий приведём также устоявшиеся формулы:

*Храни тебя Бог! Дай Бог! (Не дай Бог!) Господи, помилуй!*

*Господи, помоги! Спаси и Сохрани.*

Да и само слово Спасибо – не что иное, как просьба к Богу о спасении.

Пожелания-проклятия в трех сопоставляемых языках по своей структуре схожи с пожеланиями-благословениями. Несмотря на это, их нельзя рассматривать как зеркальное отражение последних, так как пожелания-проклятия нацелены на обрыв контакта. Пожелания неудачи, как правило, звучали в просьбах об отвержении или осуждении, произносимых с чувством обиды или мести. При этом вновь в единомышленниках оратора должен оказаться сам Господь-Бог: *«Ты дай же, боже господи! / Чтоб тлен пришел на платье, / Безумье на головушку / Злодея моего! / Жену ему неумную / Пошли, детей – юродивых! / Прими, услыши, господи, / Молитвы, слезы матери, / Злодея накажи!»* [Некрасов]. Сегодня высказывания-проклятия представляют собой стандартизированные перформативы, имеющие отрицательную коннотацию:

*Будь всё проклято! Пропали всё пропадом! Гори всё ясным пламенем!*

*Чёрт подери! Чёрт бы тебя (его, вас) побрал! Ни дна тебе (ему) ни покрышки, Прах тебя (его) возьми! Чтоб тебе (Вам. Ему) пусто было!*

По-испански принято начинать проклятия так же со слова *que* (чтобы; пусть, пускай). Глаголы при этом принимают форму сослагательного наклонения – modo subjuntivo: *¡Qué te parta un rayo y así te estrelles!* / Чтоб тебя молнией ударило и разорвало; *¡Qué mal cancer te coma!* / Чтоб тебя выел рак!

Заметно русское предпочтение начинать проклятие с союзного слова *чтоб*, *чтобы*, после которого существительное-репрезентант адресата, как отмечает А.Лукашкина, может стоять в винительном, дательном или именительном падеже [Лукашкина, 2006]:

1. *Чтоб тебя!*

*Чтоб тебя приподняло да шлепнуло!*

*Чтоб тебя черти на том свете живого зажарили!*

*Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло!*

2. *Чтоб тебе пусто было!*

*Чтоб тебе ежа против шерсти родить!*

*Чтоб тебе черти все печенки повыели!*

*Чтоб ты провалился!*

3. *Чтоб ты сдох!*

*Чтоб ты жил на одну зарплату!*

*Чтоб ты подавился!*



Отсюда образуются множественные окказиональные авторские дериваты, в которых проклятие низвергается не столько на обидчика, сколько на его родителей. С народной точки зрения, зло, причинённое семье, родным – много большее зло, чем своё собственное: *«Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему черт на том свете бороду обжег!»* [Гоголь].

Следует заметить, что формы «Чтоб тебя!» и «Чтоб тебе!» сегодня уже не осознаются как усечённые. Коннотация их негативна, хотя лексический носитель проклятия или недоброжелательности отсутствует. Ряд проклятий со сказуемым в повелительном наклонении направлен не к тому, кого проклинаят, а к тому, кто должен исполнить 'наказание' осуждаемого объекта:

*Черт тебя побори!*

*Шут тебя дери!*

*Волк тебя задери!*

*Гром тебя разрази!*

*Чтоб у тебя руки отсохли!* – говорят человеку, испортившему что-либо (разбившему чашку, порвавшего книгу и т.п.)

*Чтоб у тебя язык отсох; Тупун тебе на язык!*

*Чтоб ты подавился!*

"*Подавитесь своей елкой*" – такой транспарант держала в руках украинская девочка накануне нового 2014 года. Это была её анафема властям за неэффективное руководство страной. [<http://podrobnosti.ua/video/society/2013/11/30/945409.html>].

В русском языке формулы проклятия, помимо прямой функции, несут эпидейктическую функцию клятвы, уверения в честности намерений и правдивости слов. Эту функцию они приобретают, когда адресатом проклятия выступает сам говорящий:

• *Разрази меня гром, если это неправда!*

• *Не сойти мне с этого места, если я вру!*

• *Будь я проклят, если это было не так!*

• *Чтоб я сдох, если в этом есть хоть слово лжи!*

В целом, наш материал также позволяет сделать вывод о том, что в сознании европейских народов языческие и христианские влияния предстают в микшированном виде и не подвергаются чёткому разграничению. В Великобритании, в Испании и России ситуации употребления пожеланий-благословений и пожеланий-проклятий имеют много сходств. Близка тематика, структура и семантика этих речевых актов. Исторически в первую очередь в них звучат обращенные к Богу пожелания успехов, прежде всего в хозяйственной деятельности.

Употребление рассмотренных нами клише строго регламентируется правилами поведения, принятыми в данном обществе. Народные речения, закреплённые в пожеланиях, и обиходный ежедневный дискурс онтологически

являются взаимообусловленными категориями. Пожелания представляют собой когнитивно-прагматические фрагменты этноязыкового сознания. Сопоставительное изучение реализации английских, испанских и русских единиц речевого этикета способствует правильному выбору коммуникативных стратегий и тактик, а следовательно, и адекватному взаимопониманию участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам.

### **ЛИТЕРАТУРА**

1. Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и "народная религиозность" в средние века / Ю.Е. Арнаутова // Одиссей. Человек в истории. – М. : МГУ. – 1995. – С. 151-169
2. Круглов А. В. Структурно-семантические и функциональные особенности формул вежливости в подсистемах полиэтнического английского языка : дисс. канд. филол. наук / А. В. Круглов – Киев, 1990. – 243 с.
3. Лукашкина А. Формулы благословений и проклятий в ирландском и русском языках. 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://epistema.ucoz.ru/OPERA/Lukaschkina-Prokljatja.htm>
4. Мекеко Н.М. Сопоставительный анализ функционирования единиц речевого этикета тематической группы "Пожелание" в английском и русском языках : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.20 "Сравнительно-историческое и типологическое языкознание" / Н.М. Мекеко. – М., 2001. – 20 с.
5. Сапіга В.К. Українські народні свята та звичаї / В.К. Сапіга. – К. : Т-во «Знання України». – 1993. – 112 с.
6. Смирнов М.И. Культ и крестьянское хозяйство в Переславль-Залесском уезде / М.И. Смирнов. – Переславль-Залесский, 1927. – С. 19.
7. Христианство: Словарь. Под ред. Митрохина Л.Н. – М. : Республика, 1984. – С. 198–199.

### **ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА**

1. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки [Электронный ресурс] / Н.В. Гоголь. Сорочинская ярмарка. – Режим доступа : <http://books.google.com/books?isbn=5948498727>
2. Заклички [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.unn.ru/folklore/fzaklich.htm>
3. Забылин М. Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. – М. : Книга по требованию, 2011. – 634 с.
4. Майков А. Весна [Электронный ресурс] / А. Майков. – Режим доступа : <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=14263>
5. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо? [Электронный ресурс] / Н.А. Некрасов. – Режим доступа : <http://www.ilibrary.ru/text/13/p.14/index.html>

6. Перепелицын А. Игры русалок [Электронный ресурс] / А. Перепелицын // «Весть» – газета Калужской области 18.06.2009. – Режим доступа : <http://www.vest-news.ru/article.php?id=9682>
7. Подробности – Газета. Киев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://podrobnosti.ua/video/society/2013/11/30/945409.html>
8. Степанова Н.И. Гадания сибирской целительницы / Н.И. Степанова – М. : «Рипол классик», 1997. – 144 с.
9. Amor spiritual cristalino del alma. 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://diannykate.wordpress.com/>
10. Burns R. A ballad [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.robertburns.org/works/27.shtml>
11. Chaundler Ch. A year book of Customs / Ch. Chaundler. – London : Clifford Elmer Books, 1959. – 178 p.
12. El pequeño tamborilero [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://es.wikipedia.org/wiki/El\\_peque%C3%B1o\\_tamborilero](http://es.wikipedia.org/wiki/El_peque%C3%B1o_tamborilero)
13. Esperón M.G. A los reyes magos [Электронный ресурс] / M.G. Esperón. – Режим доступа : <http://lamemoriayelsol.wordpress.com/>. Дата обращения – 27.12.2013
14. Ghine I. Hechizos, conjuros y otras fórmulas mágicas. Una guía sencilla y práctica para que tus hechizos y conjuros sean más eficaces / I. Ghine. – Madrid : Karma 7, 2009. – 96 p.
15. Jones F.A. Famous hymns and their authors / F.A. Jones. – Detroit : Hodder & Stoughton, 1970. – 338 p.
16. Lloyd A.L. Folk Song in England / A.L. Lloyd. – London : Panther Arts, 1975. – 413 p.
17. Menese J. A Francisco – 2013. [Электронный ресурс] / J. Menese. – Режим доступа : <http://depaloenpalo.wordpress.com/2013/05/07/jose-menese-a-francisco-2005/>
18. Palmer Roy. Britain's Living folklore / R. Palmer. – London : David & Charles Publishers, 1991. – 430 p. <http://www.thesqueee.co.uk/britains-living-folklore-by-roy-palmer-1991/>

**Мекеко Наталия Михайловна** – доктор педагогических наук, заведующая кафедрой иностранных языков факультета физико-математических и естественных наук Российского Университета дружбы народов, Москва, Россия; e-mail: [nmekeko@yandex.ru](mailto:nmekeko@yandex.ru)

**Кутьева Марина Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков факультета физико-математических и естественных наук Российского Университета дружбы народов, Москва, Россия; e-mail: [marku2006@yandex.ru](mailto:marku2006@yandex.ru)

УДК 811'276

**СЦЕНТАЛЬНАЯ И АУДИАЛЬНАЯ  
 СЕМИОТИКА  
 ОХОТНИЧЬЕЙ КОММУНИКАЦИИ  
 А.В. Олянич (Волгоград, Россия)**

**А.В. Олянич. Сцентальная и аудиальная семиотика охотничьей коммуникации.** В статье рассматриваются проблемы семиозиса охоты как участка действительности, связанного с разными типами информации, выступающей катализатором человеческих потребностей в выживании, рекреации и коммуникации. В фокусе анализа – сцентальные и аудиальные знаки охоты, репрезентированные в охотничьем дискурсе как вербально, так и сугубо семиотически. Запах и звук в пространстве охотничьей коммуникации исследуются также как феномены институциональности и профессионального / бытового общения.

**Ключевые слова:** аудиальность, дискурс, знак, информация, коммуникация, охота, потребность, семиотика, семиозис, сцентальность.

**А.В. Олянич. Сцентальна і аудіальна семіотика мисливської комунікації.** У статті розглядаються проблеми семіозису полювання як ділянки дійсності, пов'язаної з різними типами інформації, що виступає катализатором людських потреб у виживанні, рекреації та комунікації. У фокусі аналізу – сцентальні й аудіальні знаки полювання, репрезентовані в мисливському дискурсі як вербально, так і суто семіотично. Запах і звук у просторі мисливської комунікації досліджуються також як феномени інституційності та професійного / побутового спілкування.

**Ключові слова:** аудіальний, дискурс, знак, інформація, комунікація, полювання, потреба, семіотика, семиозис, сцентальність.

**A. Olyanich. Semiotics of scent and sound in hunt communication.** This article discusses the semiosis of hunting as an area of activities associated with different types of information, as a catalyst in human needs for survival, recreation and communication. The analysis focuses on sound and scent signs of hunt represent in hunting discourse both verbally and semiotically. Smell and sound in the space of hunt communication are investigated as institutional phenomena of professional / consumer communication.

**Keywords:** communication, discourse, hunting, information, need, semiotics, semiosis, sign smell, sound.

В теории взаимодействия фундаментальных форм информации американской исследовательницы Марсии Дж. Бейтс (Лос-Анджелес, США), теории, вдохновленной работами известного семиолога Сузанты Гунатилаки [Goonatilake 1991], информация является *особой моделью (паттерном) организации вещества и энергии* («*Information is the pattern of organization of matter and energy*» [Bates, 2006]. Таким образом, подчеркивается, что вся информация оказывается естественной, вложенной в живые существа самой природой, которая впоследствии, с зарождением и развитием жизни приобретает особые формы<sup>1</sup>. Эти формы специальным образом связаны между

собой, причудливо и вместе с тем логично переплетаются, демонстрируя определенную взаимозависимость.

Так, естественная информация, выступающая изначально в виде врожденной, констатирующей присутствие на земле живых существ, детализируется и становится кодированной, затем получает физическую манифестацию как в виде состояния (*embodied*), так и в виде действия (*enacted*), чтобы затем, пройдя этапы накопления опыта (*experienced*) и его когнитивного освоения (*knowledge*), перейти в статус генотипической (*genetic*), оказавшись «записанной» в менталитете и прочих состояниях живых существ, при этом имея шанс быть в дальнейшем отслеженной (*traced*). При многообразных взаимодействиях живых существ с материальным миром фундаментальные формы информации, передающие экзистенциальность собственно живого организма (*endosomatic information*), вызывают к жизни так называемую экзосоматическую информацию (*exosomatic*), позволяющую живому существу как производить подстройку собственного бытия к условиям своего обитания, так и использовать ее в целях выживания и реализации соответствующих потребностей.

Концепция взаимодействия фундаментальных форм информации мне представляется вполне релевантной для лингвосемиотического описания некоторых базовых (естественных) феноменов или качеств живых существ, предопределяющих их потребности и способы выживания. Такая естественная информация, как эндосоматического, так и экзосоматического свойства, в семиозисе живой природы в значительной степени зависит от экспликации ольфакторного или scentального компонента, т.е. от запаха, представляющего собой особые компоненты веществ-феромонов,<sup>ii</sup> оставляемых живыми существами для семиотического информирования о своем присутствии в материальном мире. Если погрузиться в мир потребностей витального порядка, то явственней всего представляется успешность анализа такого семиотического феномена, как запах в охотничьей коммуникации.

Отмечу также, что коммуникация охотников носит поливекторный характер. С одной стороны, охотники слышат запах зверя, звери слышат запахи охотников и жертв их собственной охоты; с другой – охотники идентифицируют объекты охоты, определяя их местонахождение по оставляемым последними знакам своего присутствия в природной среде. С третьей же стороны, во время охоты протекает общение с партнерами по охотничьей деятельности, которыми являются другие охотники, а также «друзья человека» – собаки (легавые, борзые, гончие) и хищные птицы (ястребы, соколы, орлы-тетеревятники), натасканные для специализированных видов охоты.

Таким образом, помимо scentального, в охотничьей коммуникации релевантен также и звукосемиотический компонент, который видится мне как комплекс когнитивно освоенных охотником аудиальных знаков, продуцируемых объектами преследования. По этим знакам охотник

идентифицирует дичь, распознавая издаваемые ею звуки и локализуя ее местонахождение.

Итак, запах и звук – неотъемлемые части общения объектов и субъектов охоты. Предлагаемая статья концентрирует внимание читателя на их анализе, предполагающем, что эти две субстанции имеют семиотическую природу, бытуют в ней и рефлектируются языком и дискурсом. Этот анализ начну с сценального компонента охотничьей интеракции.

### **I. Охота и запах**

Между охотником и природным локусом веками складывался своеобразный знаковый диалог, итогом которого явилась мощная когнитивная система взаимоотношений человека и природы в целом. Недаром в любом языке мира закрепились метафоры об охотниках и птицеловах как о полумистических фигурах, «читающих» следы зверей, «понимающих» язык животных и птиц; мифология обожествила такое слияние с природой, презентировав образ богини охоты Дианы (Артемиды) как всемогущей властительницы леса, знающей и понимающей «язык» его обитателей. Природа «говорит» с охотником знаками разного свойства и предназначения, а сам охотник, декодируя эти знаки, выстраивает свое коммуникативное поведение (в том числе и поведение с себе подобными) в соответствии с полученной семиотической информацией.

Знаки природы вовлекаются в алгоритм охоты и становятся частью охотничьей коммуникации, своеобразным охотничьим языком и дискурсом. Запах – один из важнейших элементов такого «охотничьего диалога», выступающий, главным образом, в *презентационной функции*, исполняемой обоюдосторонне – феномен *воздействия* как субъектов, так и объектов охоты. В цепочке реализации этой функции запах несет в себе как когнитивную информацию (идентификация живого существа в локусе природы), так и информацию репрезентативную, как правило, имеющую два качества – *дистракционное* (отталкивающее) и *аттракционное* (привлекающее). Таким образом, запах в семиотическом и лингвoseмиотическом смысле (если мы говорим о «языке» природы) может быть представлен как особый тип презентем – *сценальный*<sup>iii</sup>.

Сценальное воздействие – это *воздействие параязыковое*, неконтактное, направленное на изменение сознания без применения языковых средств. Это воздействие на органы чувств, на рецепторы объекта воздействия, последствием которого является изменение поведения воздействуемого. Запах является особой формой самопрезентации: показательным примером сценального воздействия на сознание и подсознание может послужить история Жана Батиста Гренуя, гениального парфюмера, жившего во Франции в XVIII веке, легенда о котором талантливо изложена швейцарским писателем Патриком Зюскиндом в романе «Парфюмер» – легенда, имеющая под собой реальные основания.

Сторонящийся людей, малограмотный и необразованный, не умеющий связать и двух слов, этот человек был королем запаха, составлявшим духи, которые потрясли воображение современников. Молва приписывала ему убийство молодых девственниц, кровь и тело которых он использовал для создания духов, способных повлиять на массовое сознание. В романе живо изложена сцена несостоявшейся казни разоблаченного Гренуя, который накануне нанес на себя запах созданных им духов, и этот запах заставил публику поверить в его невиновность, и более того – превратить официальное действие казни в сексуальную вакханалию.

Сцентальные презентемы, как правило, выступают в качестве индикатора состояний и предупреждения о свойствах и поведении среды. Запах газа в квартире – знак беды и сигнал о протечке (следует принять меры); запах горелого, исходящий из кухни – сигнал о спасении подгорающего продукта; гнилостный запах из холодильника – указание на портящийся продукт. Однако когда речь идет о воздейственной функции сцентальной презентемы, то, прежде всего, следует вспомнить воздейственную (импактную) функцию парфюма. В этой связи обычно говорят о значениях ароматов, которые приписывались последним создателями разнообразных пособий об этикете и куртуазном поведении (см. подробнее в: [Ароматы и запахи в культуре 2003]). Рассуждают даже о целом языке запахов [Odeurs et parfums, 1996] и связи естественных языков мира с языком запахов (например, французского языка и французского аффективного отношения к запаху, который указывает на оценку качеств личности: дурно пахнущий человек считается говорящим ложь и нечестным, а если от мужчины совсем не пахнет, значит, он утратил мужскую силу – Odeurs du monde, *écriture de la nuit*, 1998).

Запах этнокультурен: он может представлять целый народ, этнос, страну, город или континент [Geographie des Odeurs, 1998]. Так, жителей Одессы за их любовь к чесноку (вспомним Михаила Жванецкого: «Мы можем гордиться уже тем, что кладем чеснок даже в компот») и постоянный чесночный запах, исходящий от одежды и изо рта, в ряде украинских городов именуют «чесночниками»; Марсель пропах копченой селедкой, а Гонконг знаменит стойким соевым ароматом.

Сцентальность как презентационное свойство дает возможность невербального разрешения коммуникативных конфликтов: в одном из африканских племен существует прямое указание вождя своему послу обмазываться жидкостью, приготовленной на основе вытяжки железа желтой ящерицы, которая очень притягательно пахнет и, согласно поверью, заставляет противную сторону согласиться на все выдвигаемые условия [Личность. Культура. Этнос 2001]. Так или иначе, к человеку, от которого хорошо пахнет, социальное отношение всегда бывает позитивным, и, наоборот, дурно пахнущий не может быть коммуникативно успешным.

Запах стал метафорой социальных отношений: широко распространены такие оценки, как «это дело дурно пахнет», «здесь самый воздух пахнет

кровью». В политической коммуникации с запахом (как правило, дурным) ассоциируются качество политики и деяния политиканов [Шаховский, 2000]. Таким образом, в сцентологии как науке о запахах последние подразделяются на семиотически позитивные и негативные. Вслед за этой типологией будем различать *сцентальные позитивные презентемы* и *сцентальные негативные презентемы*.

а) *Сцентальные позитивные презентемы* – классические аттракторы, заставляющие воздействуемого обратить внимание на воздействующего, привлекающие его к персоне воздействующего и к его действиям (состояниям), а стало быть, помогающие импактору достичь своих целей. В положительном ключе говорят о «запахе Родины», «запахе матери», «запахе детства» (Ср.: «И дым отечества нам сладок и приятен»). У запаха также есть густальная составляющая («Вкусно пахнет»), привлекающая и заставляющая воздействуемого поступать и действовать сообразно тому, что этот запах ему подсознательно предписывает.

б) *Сцентальные негативные презентемы* выполняют роль дистракторов, могут использоваться в качестве средства защиты от посягательств на контакт или даже на жизнь, вызывают агрессивные состояния в воздействуемом. Чтобы отпугнуть врага, австралийские аборигены натираются жидкостью из железы скунса, чей резкий неприятный запах может вызывать потерю сознания [Ароматы и запахи в культуре 2003].

Применительно к охотничьей коммуникации сцентальные презентемы исполняют следующие функции.

#### 1. Функция идентификации объекта охоты.

Животный мир пахнет, причем разные виды пахнут по-особому. Настоящий охотник прекрасно разбирается в запахах оленя и лося. Ему хорошо известен запах глухаря, который получает такие дескрипции в русском охотничьем дискурсе, как «очень сильный», «интенсивный», «приванивает брусничкой и елкой» [Янушкевич www]. Среди номинаций интенсивности запаха дичи в русскоязычной охоте имеется термин «*по горячему*» – гон собак по следу зверя, который только что здесь прошел, т.е. запах животного особенно четко определяется ищейкой. В дискурсе британских охотников на лис зафиксирован терминологический ЛСВ<sub>11</sub> лексемы *drag (n) = (Fox hunting) The scent or trail of a fox*<sup>iv</sup>.

Запах как объект идентификации связан со способностями субъектов охоты его идентифицировать, отсюда в охотничьей коммуникации используются лексемы «чутье» («*природное чутье*», «*звериное чутье*, «*охотничье чутье*, «*собачье чутье*»), «*почуять*», «*учуять*», «*[тонкий] нюх*», «*унюхать*». Разная степень точности определения объекта преследования, которому этот запах принадлежит, характеризует опытность как самого охотника, так и его помощника – собаки, так и матерость преследуемого зверя, мастерски уходящего от погони вследствие годами вырабатываемого умения идентифицировать запах опасности (запах чужого). Умение идентификации



объекта охоты по запаху в русскоязычной охотничьей коммуникации номинировано словосочетаниями «*взять след*», «*идти по следу*», и, наоборот, ошибка в идентификации отражается, например, в номинации «*скол*» – потеря гончими собаками следа, да и собственно в вербалии «*потерять след*».

У англичан в охотничьем дискурсе аналог выражений «*взять след, идти по следу*» сентально-семантически более эксплицирован, поскольку денотат *wind* более ассоциируем с запахом как субстанцией воздуха (ветра) – *to wind (v.) a. To detect the smell of; catch a scent of. b. To pursue by following a scent of an animal; to get wind of an animal*, чем русский «*след*», скорее ассоциируемый с материальной субстанцией. Впрочем, и в русской охотничьей лингвокультуре присутствуют выражения типа «*держат нос по ветру*», «*охотиться с подветренной стороны*» (чтобы зверь не почуял присутствия охотника), также номинирующие сентальную ситуацию преследования и идентификации дичи.

Экзосоматическая информация, закодированная в запахах живой природы, детализирована в структурах сентальных презентем, при этом для охотящихся она имеет эмоционально аттрактивный характер (и это вербализуется в русскоязычных охотничьих предложениях типа «*зверя дух влечет, манит, зовет к себе*»), для объектов охоты – эмоционально дистрактивный. Следующие наблюдения охотника за поведением зайцев не менее эмоционально фиксируют дистрактивность запаха человека и его деятельности, разрушающей жизнь живой природы (эмотивы подчеркнуты):

*«Не любят зайцы запах охоты. Если найдете у кого свежие стреляные гильзы, то разложите или повесьте их на заборе, кустах и деревьях. Ужасный для зайца пороховой дух удержит его на расстоянии от вашего участка как минимум на 3 месяца. Не переносят зайцы и запаха крови. Поэтому можно пропитать паклю или тряпку кровью забитой курицы, кролика, коровы и разложить или подвесить на деревья. Можно также натереть этими тряпками ветви и нижнюю часть стволов молодых деревьев – даже самая сладкая кора с такой приправой зайцам в рот не полезет. На зверька наводит ужас собачий дух. Если у вас есть собака и вы приедете вместе с ней на участок, она наверняка пометит свою территорию – этого на какое-то время хватит. Правда, если наметет снега сантиметров на 15, то пугающий зайца запах исчезнет»* [Буданцева www].

Дистрактивность как свойство запаха используется и самими объектами охоты для отпугивания потенциального врага: это делают некоторые животные семейства куньих, например, хорек, что прочно вошло в русский язык как ярлык для дурно пахнущего человека («*хорек вонючий*»).

## 2. Функция дезинформирования объекта охоты.

Субъекты охоты очень часто применяют во время поиска и нахождения дичи тактики маскировки, т.е. сокрытия своего запаха (*scent control tactics*) и фальшивого запаха (приманивание, *attraction*). Так, в охотничьих чатах американской части Интернета всерьез обсуждается вопрос о том, следует ли

охотникам есть мясо перед тем, как отправляться на отстрел оленя: существует мнение, что поевший мяса стрелок источает запах, отпугивающий животных<sup>у</sup>. В семиозис охотничьей коммуникации вовлекаются такие номинации, как *scent lock* («замок для запаха» – средство-одороблокатор, якобы волшебным образом лишшающее охотника какого-либо человеческого запаха) или *scent lock suit* («противозапаховый костюм»).

Тактика маскировки «под своих» посредством ольфакторной или scentальной презентемы характерна не только для людей, но и для собак, чему был свидетелем автор этой статьи, и чему нашел схожее свидетельство в охотничьих сетевых записках:

*«Как известно, у далеких предков собак был один способ охоты стаяй из засады. При этом важно либо совсем не источать запаха, либо иметь такой, что не испугает жертву. Например, пахнуть пометом животных. Вот это обстоятельство и всплыло однажды из генной памяти моего кобеля Батья, и он стал им даже злоупотреблять. Охотились мы с ним вдвоем, и он нашу пару считал стаяй, меня держал за вожака. При встрече свежих лосиных следов Батый выразительно глядел на меня. «Вот объект охоты. Надо организовывать засаду!» – так и читалось в его глазах.*

*Но я, не обращая внимания, шел дальше. Это обескураживало Батья, и он принимал решение разведать обстановку. Бежал по следам, находил лосей и бесстрашно их облаивал. Он, конечно, рисковал здорово. Сохатый мог запросто ударить его копытом так, что мало бы не показалось. Но все ему сходило «с рук». Через несколько минут облаивания он считал задачу выполненной и бросался в погоню за мной. Но на пути, как правило, попадала кучка помета. Батый вспоминал, что он без маскировочного запаха и тут же начинал кататься по каждой кучке навоза.*

*Через некоторое время его шерсть становилась темно-зеленой, а смердела так, что мухи теряли сознание. Хотя вид у Батья был очень довольный: он, видимо, считал, что приобрел большие преимущества на охоте! Я к тому времени, дожидаясь собаку, разводил костер, ставил котелок с водой для чая. Вскоре прибежал этот разведчик, который мнил себя Стелсом, неопознаваемым для «носов» диких зверей. Однако, зная, что мне такой аромат не нравится, к костру он не подходил. Держался неподалеку, вне досягаемости от моего обоняния» [Генин www].*

В подобной «сознательной» scentальной маскировке известный натуралист и писатель Виталий Бианки подозревал и диких свиноматок, которые вываливались в грязи для того, чтобы отбить свой натуральный дух и избежать таким образом нападения более сильного хищника.

### 3. Институциональная функция запаха.

Scentальная институциональность охоты как «запах власти» скорее метафорико-ассоциативна, чем реально номинативна. Она существует в виде двух знаков опасности – «запах крови» и «запах пороха», которые прочно связываются с репрессивной функцией власти, охотящейся на объекты своего

интереса [Олянич 2006]. Запах крови как негативный дистрактор, связанный с властью, апробируется в художественном дискурсе в контексте охоты: так, Мишель Турнье в своем романе о Третьем рейхе «Лесной Царь» (2004) ярко отобразил эпизоды охоты фельдмаршала Геринга в прусских лесах, который просто сходил с ума от запаха крови убитых животных, упиваясь властью над ними. Разнообразно описываемый в гастрономическом дискурсе обычай готовить мясо «с кровью» восходит к глоттоническим или густальным привычкам германских и англосаксонских вождей, требовавших это блюдо именно из-за сладкого запаха крови, возбуждавшего приятные воспоминания от только что пережитого чувства победы во время проведенной удачной охоты на оленей или вепрей.

Ассоциативная цепочка «добыча (охота) → запах → власть» как семиотическое основание для формирования сцентального образа репрессивности власти апробируется в поэтическом дискурсе:

*Добыча – Власть, как сладок её запах.  
Над нами власть, на нас идёт охота,  
А мы уже не держимся на лапах,  
Волчат бы убережь — одна забота.  
Ещё пока расставлены флажки.  
И травля продолжается успешно.  
Но будет время раздавать долги,  
И время всех рассудит, неизбежно!  
Страна моя! Да до каких же пор  
"Отцы Народов" над тобой глумиться будут?  
Им вынесут когда-то приговор.  
Кто прав, кто виноват - их Бог рассудит!  
А что же нам? Неужто лишь гадать,  
Что выкинет очередной "Правитель"?  
И что, "посеяв", после будет "жать"?  
И кем он будет, новый наш "Родитель"? [Королев www]*

Как справедливо отмечает А. Левинсон, российский литературный критик, журналист и по совместительству семиотик-социолог, долгое время изучавший закономерности ольфакторной семиотики, «...хоть порох нынче бездымный, но автоматическое оружие в таком изобилии вошло в нашу повседневность, что не только вид его и звуки выстрелов, но и *семиотика порохового запаха* присутствует в ней и в обслуживающих ее текстах» (Левинсон www). Пороховой запах, распространяющийся всякий раз в топосе леса, когда идет отстрел дичи, является институциональным семиотическим индикатором: человек как институт (при этом совершенно неважно, является он властной персоной, представителем института охотоведения, институциональным агентом или он простой обыватель, вышедший в лес «побаловаться

с ружьишком»), «благоухая» порохом, демонстрирует окружающему его миру, кто здесь хозяин и повелитель.

Привлекательность власти ассоциируется также с актуализованными в охотничьем дискурсе концептами «манность» и «приманка», денотирующими власть желанного запаха (например, пищи или сексуального аттрактора) над инстинктами животных: так, используя манящие запахи, «охотился» уже упомянутый выше Гренуй, герой романа Патрика Зюскинда «Парфюмер» за расположением к нему сограждан, дабы властвовать над ними<sup>vi</sup>.

## II. Охота и звук

Звукосемиотический компонент охоты представляет собой комплекс когнитивно освоенных охотником аудиальных знаков, продуцируемых объектами преследования. По этим знакам охотник идентифицирует дичь, распознавая издаваемые ею звуки и локализуя ее местонахождение. Звуковой семиозис охоты представлен чрезвычайно разнообразной и этнокультурно обусловленной ономотопией: так, в российском охотничьем дискурсе закрепились такие опознавательные аудиальные знаки животных и птиц, как *тэканье*, *скирканье* и *точение* глухаря, *чуфыканье* и *бормотание* тетеревов, *блеяние* бекаса, *ваваканье* самца-перепела, *хорханье* вальдшнепа, которое он издает во время полета. Английский или американский охотник узнает о присутствии оленя или кабана по аудиознаку *grunt*, идентификация охотником дикой свиноматки – звук *oink-oink*, волка – *howl*, диких гусей – *honk-honk*, при этом отличия фонематической основы звукоподражания англоязычного и русского охотников предопределено тем набором звуков, которые семиотически закрепились в аудиальном этнофонде им родной культуры.

Этнокультурная специфика звукоподражания в охотничьей коммуникации проявляется в различающейся идентификации аудиознаков одних и тех же животных охотниками разных этнокультур. Если для русского охотничьего уха самцы оленей *трубят*, а самки и телята *хрюкают*, то американские охотники означивают голос этих животных (elks) в своем дискурсе совсем по-другому. Вот как известный в США натуралист и охотник Джим Зумба характеризует идентификацию этих животных в американском семиотическом пространстве охоты:

*«An elk cow's call is commonly called a chirp or mew because it sounds like a bird or kitten. Indeed, people unfamiliar with elk cow sounds may mistake them for a bird in the woods. Calves make similar sounds. Some hunters believe the calf's voice is higher pitched, but I haven't observed much of a consistent difference between a cow and calf. While cows and calves are credited with making chirping sounds, mature bulls do this as well»* («Зов самки оленя обычно именуют чириканьем или мяуканьем, поскольку он похож на звуки, издаваемые птицей или котенком. В самом деле, люди, незнакомые с природой зова самки оленя, могут принять его за крик лесной птицы. Телята издают похожие звуки.

*Некоторые охотники полагают, что голос у теленка тонкий и высокий; мне же не удалось обнаружить явных различий между его голосом и голосом оленихи. Хотя обычно говорят о таких звуках как издаваемых только самкой и теленком, матерые олени-самцы могут звучать точно также»*) [Zoomba www].

Аудиальный семиотический компонент охотничьей коммуникации включает также в себя использование звука, издаваемого определенным объектом охоты, для его приманивания. В русском семиотическом пространстве для этих целей идут в ход особые инструменты – манки, имитирующие голоса птиц или крики зверей. Как правило, имитируются звуки, сексуально привлекающие животных. Манки обычно настраиваются на голоса женских особей и выманивают самцов дичи в охотничьи засады. Процесс выманивания дичи при помощи манки в русском охотничьем дискурсе вербализован глаголом *вабить* (приманивать дичь) и профессиональной номинацией-специализацией *вабельщик* (охотник, использующий манок для привады дичи) по номинации *вабик* (дудочка-манок, издающий звуки, подражающие голосу самки) [Сабанеев 2005].

Интересно, что если в дискурсе русской охоты основа номинации процесса приманивания дичи целиком звукоподражательная (моносемантический глагол *вабить* от «ва-а-а!» как имитации только фауногенного звука), англоязычный охотничий социум использует для номинации процесса приманивания дичи глагол широкозначный – to call при отсутствии каких-либо синонимических вариантов. Это, опять-таки симптом этнокультурной специфики первородных занятий человечества.

Аудиальный семиотический компонент охотничьей коммуникации обнаруживается также в процессе идентификации успешности / неуспешности хода охоты и анализа ситуации охоты. Русский псовый охотник внимательно вслушивается в то, как звучит голос гончей, помогающей ему на охоте, и по его качеству (тембральным и тоновым характеристикам) определяет ее настроение: удачен или неудачен ее гон, достигнут зверь или нет, здорова она физически, или ранена в борьбе с загнанным зверем. По тону голоса гончей опытный охотник в состоянии определить пол каждой собаки в своре: голоса гончих выжловок, т.е. сук, натасканных на преследование крупного зверя, всегда тонкие; голоса выжлецов (кобелей той же охотничьей специализации) – грубые и глухие.

Голос гончей в русском охотничьем дискурсе характеризуется разнообразными дескрипциями – *невучий, яркий, заунывный, залиvistый, фигурный* (варьирующий разные ноты), *доносчивый, ординарный, «с гнусью», напряженный – ненапряженный* и т.п. Ряд таких дескрипций представляют собой семиотические идентификаторы ситуации охоты, результата действий собаки, ее эмоционального состояния: *заунывный голос* – гончая потеряла след, не догнала добычу, *залиvistый* – добыча схвачена, собака зовет хозяина, *с гнусью* – отвлеклась на мелкую дичь, не являющуюся объектом охоты.

Кроме того, аудиальный семиотический компонент представлен в охотничьем дискурсе в виде разнообразных междометий-команд или междометий-сигналов, означающих определенное охотничье событие. Такие междометия существуют во многих охотничьих этносах: так, в британской охоте на лис междометия выступают индикаторами поведения загоняемой лисы, что ясно из самих дефиниций:

*Tally-Ho Away!* = A call to indicate that the fox has left covert. Alternatively "Gone Away!"

*Tally-Ho Back!* = A call to indicate that the fox has returned to the covert.

*Tally-Ho Over!* = A call to indicate that the fox has crossed a road, track, or open space in a covert. Alternatively "Over Over Over".

"AIEEEE!" = a cry emitted upon discovering a large fox drop of scat.

[Williams 2003].

В русской охотничьей коммуникации «Ара-ра-ра!» – кричат борзым, если они рвут затравленного зверя; «Ату (или ото-то-то!)» – восклицают охотники-борзятники при травле зайца. Явно междометную природу имеют такие команды охотников, как «Отрышь!» – Нельзя! – приказание гончим отойти от чего-либо, оставить что-либо; «Пиль! – Возьми!» – приказ легавой прекратить стойку, броситься к дичи или взять что-либо; «Тубо! – Нельзя! – Не тронь!» – приказание легавой собаке не трогать дичь.

Наконец, аудиальный семиотический компонент в охотничьей коммуникации является составной частью ритуальных действий самих охотников как участников события «охота».

Во-первых, в организационной фазе охоты аудиальная коммуникация (голосом, сигналы в охотничий рог, свисток, применение в качестве трубы ружейного ствола, обусловленное число выстрелов в воздух) применяется обычно до начала и после окончания загона, иначе эти звуки могут преждевременно спугнуть зверя, который уйдет от линии стрелков. Исключение составляют роговые сигналы старшего загонщика: *позыв*, т.е. сигнал на охотничьему рогу любого загонщика – знак полного подчинения руководителю или организатору охоты. Особую дисциплинированность проявляют собаки, что отражается в особой номинации качества гончих быстро являться к охотнику на звук рога – *позывистости*.

Во-вторых, на охоте в ее поисковой фазе не принято общаться вербально, только визуальными мимическими знаками. Исключение составляет только процесс вабления (приманивания) и первоначальная команда собакам («Ах-ах-ах...», «ай-ай-ай...»), «на-на-на...» как наманивание находящихся в ползае гончих на след только что пробежавшего зверя).

На коллективных охотах с гончими сигналы в рог егеря или капитана смолкают лишь на время, пока слышен лай собак, гоняющих зверя. В остальное же время протяжные звуки рога ориентируют охотников и гончих. В зависимости от погоды и рельефа местности сигналы, подаваемые голосом, слышны на 500-1000 м, звук охотничьего рога улавливается на расстоянии

до 2 км. Все значения сигналов должны быть заранее изучены каждым участником предстоящей коллективной охоты и уточнены капитаном команды или егерем непосредственно перед ее началом.

Простой охотничий рог имеет всего два тона: низкое и высокое "до". Из сочетания этих тонов и большей или меньшей продолжительности каждого из них и состоят сигналы русских охотников. Все классические сигналы начинаются с низкой ноты. Чтобы получить требуемую продолжительность звука, проще всего вести счет, отбивая такт ногой.

Ниже приведены основные роговые сигналы, применяемые на охоте с гончими и на коллективных охотах на лося и другого зверя [Маликов 2005: 38]. Сигналы записаны в таблице буквами и цифрами, где «до. н» означает густой и низкий, а «до. в» – тонкий высокий звук.

Цифры обозначают число ударов ногой, в течение которых издается звук до перехода его в другой. Значок «~» означает, что звучание низкой ноты переходит в высокую или обратно без перерыва, значок «^» означает, что нота тянется продолжительное время («пока хватит сил»), постепенно сходя на нет.

Сигналы должны быть хорошо усвоены до начала охоты всеми ее участниками. Гончие прекрасно отличают тональность рога своего хозяина от рога посторонних охотников (см. анонимную статью «Сигналы на охоте» на форуме [www.hunter.ru](http://www.hunter.ru)).

Сигналы	Обозначение сигнала	Подача сигнала
"Пускать гончих" или "Загонщики пошли"	до.н(1)~до.в(2)	Отрывисто
"Волк" или "Зверь поднят"	до.н(2)~до.в(1), пауза, до.н(2)~до.в(1), пауза, до.н(4)~до.в(3)^	Отчетливо в первой части и протяжно в третьей
"Лисица"	до.н(2)~до.в(1), пауза, до.н(4)~до.в(2)^	Первая фраза звучит отчетливо, вторая протяжно
"Зверь поднят"	до.н(4)~до.в(4)^	Протяжно, счет медленный
Вызов гончих	до.н(2)~до.в(2), до.н(1), до.н(1), до.н(1), до.н(1), до.н(1), до.н(2), до.н(1), до.н(2), до.н(1), до.н(1), до.н(2)~ до.н(2)^	Отчетливо каждый звук. В первой части ровно, последние два тона медленно
"Сбор" (охота окончена)	до.н(2)~до.в(2)^	Протяжно при медленном счете

В семиозисе охотничьей коммуникации своеобразно преломляется институциональная презентационность: система знаков, вовлекаемых в лингвосемиотическое пространство институциональной охотничьей коммуникации, включает институциональные аудиальные знаки.

Звукосемиотический компонент охотничьей коммуникации посредством роговых сигналов во времена монархической власти становился институциональным в том случае, когда в (презентационных) ситуациях охоты властных персон специальные сигналы рога сообщали об участии в гоне

властной персоны (например, сюзерена или именитого хозяина лесных угодий). Сегодня эта традиция утрачена; тем не менее, институциональность звукосемиотического компонента современной охотничьей коммуникации проявляется в том, что старший загонщик проявляет власть и уводит особым роговым сигналом команду охотников из зоны охоты по экстраординарным причинам.

Институциональность в звукосемиотике королевской охоты Англии XVI столетия реализовывалась не только в аудиознаках присутствия на охоте короля и свиты, но и в командах главного егеря (*master of the game*), подаваемых венценосным охотникам для совершения ими того или иного действия, требуемого в процессе гона дичи. В нижеприведенном отрывке из описания охоты Генриха VIII Джоном Чарльзом Коксом к таким знакам отнесены сигналы рога, 1) приказывающие спустить собак с поводка, 2) обозначающие вид дичи, поднятой собаками, а также 3) указывающие направление ее гона:

*«Early in the morning, upon the day appointed for the sport, the master of the game, with the officers deputed by him, was to see that the greyhounds were properly placed, and the person nominated to blow the horn, whose office was to watch what kind of game was turned out, and, by the manner of winding his horn, signify the same to the company, that they might be prepared for its reception upon its quitting the cover. Proper persons were then to be appointed, at different parts of the enclosure, to keep the populace at due distance. When the royal family and the nobility were conducted to the places appointed for their reception, the master of the game, or his lieutenant, sounded three long mootes, or blasts with the horn, for the uncoupling of the hart hounds»* [Williams 2003:6].

Институциональность королевской охоты проявлялась даже в том, что ее своеобразным звукосемиотическим компонентом являлась тишина леса, за поддержанием которой строго следили йомены, дабы дичь до приезда властной персоны не была вспугнута случайными звуками:

*«The yeomen of the king's bow, and the grooms of his tutored greyhounds, had in charge to secure the king's standing, and prevent any noise being made to disturb the game before the arrival of his majesty»* [ Williams 2003:6].

**Подводя итоги**, отметим следующее.

Сцентально-семиотический компонент охотничьей коммуникации представляет собой важный феномен потребностно-информационного пространства семиозиса охоты как неотъемлемой части человеческого бытия. Запах коммуникативен, поскольку при его помощи «говорят» участники охотничьего дискурса, на нем «ведут разговор» природа и человек, да и сам запах способен «вести диалог» и передавать информацию.

«Язык» охотничьего запаха презентационен, так как сцентальный «диалог» охотника и его потенциальной жертвы представляет собой комбинацию презентационных стратегий и тактик; он подчас агонален и, безусловно, решает разнообразные задачи воздействия.



Важной характеристикой запаха на охоте следует также признать его институциональность, которая проистекает как раз из воздейственной природы намерений Homo venationis – человека охотящегося, использующего коммуникативные возможности семиотического феномена сценальности в потребностных целях.

Роль же звукосемиотики в охотничьей коммуникации велика настолько, что подчас (на определенных этапах процесса преследования зверя) она полностью заменяет сугубо вербальную коммуникацию на охоте. На этапе поиска трофея в режиме относительно полной тишины природного топоса она уступает только визуальной коммуникации, когда необходимы только зрительные способы связи (поднятая шапка, вытянутая рука и т.п.), применяемые на открытой местности, лесных дорогах, просеках в светлое время суток.

С наступлением темноты зрительная связь осуществляется с помощью карманного фонарика и выстреливаемых в воздух различного цвета охотничьих патронов-ракет. Начертательные способы включают знаки и надписи, оставляемые на видных местах на снегу или песке, вешки с записками. Охотники Прибалтики и сибиряки практикуют лаконичный «язык отломанных веток», с помощью которых видно, куда пошел зверь, где нужно остерегаться возможных выстрелов и т.п.

Сугубо вербальная коммуникация охотников начинается с взаимных советов и консультаций собратьев «по пуху и перу» по поводу вооружения, снаряжения и методов охоты, шумных споров с семьей по поводу сборов и очередной отлучки из дома ради любимого времяпрепровождения, а заканчивается после охоты, на привале, представляя собой тот самый полноценный охотничий дискурс, который конституирован «текстами на привале» и широко известен нарочитой гиперболизацией-презентацией охотничьих достижений.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Ароматы и запахи в культуре. – Сост. О.Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. Кн. 1. 608с., кн. 2. 664с.
2. Буданцева Е. Сбереечь от напастей [Электронный ресурс] / Е. Буданцева. – Режим доступа : <http://www.samara.ru/paper/41/4981/89334/>
3. Генин Г. Так Батый маскировал свой запах пометом [Электронный ресурс] / Г. Генин. – Режим доступа : <http://www.peterlife.ru/>
4. Королев Л. Долги / Л. Королев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www.trofim.ru](http://www.trofim.ru)
5. Кутепов Н. Царская охота с X по XVII век (исторический очерк) / Н. Кутепов. – М.: ЭКСМО, 2005. – 412 с.
6. Левинсон А. Об эстетике насилия: армия и общество в СССР / России за последние 10 лет / А. Левинсон // Сетевой журнал «Неприкосновенный запас», 1999. – № 2 (4).

7. Левинсон А. Пять писем о запахе [Электронный ресурс] / А. Левинсон. – НЛО, 2000. – № 43. – Режим доступа : [www. magazines.russ.ru /nlo/2000/43/mains.html](http://www.magazines.russ.ru/nlo/2000/43/mains.html)
8. Личность. Культура. Этнос: Современная психологическая антропология. – М. : Смысл, 2001. – 555 с.
9. Маликов В.Н. Охотничьи собаки: практическая энциклопедия / В.Н. Маликов. – М. : АСТ-Сталкер, 2005. – 302 с.
10. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура. Курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М. : Academia, 2004. – 432 с.
11. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса : монография / А.В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
12. Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация : монография / А.В. Олянич. – Волгоград : Изд-во ВГСХА «Нива», 2006. – 220 с.
13. Сабанеев Л.П. Русская охота: охотничьи звери и птицы, охотничий календарь, способы охоты, рассказы бывалых охотников / Л.П. Сабанеев. – [Современная версия]. – М. : Эксмо, 2005. – 795 с.
14. Шаховский В.И. Запахи русского политического дискурса / В.И. Шаховский // Политический дискурс в России. – М. : Диалог-МГУ, 2000. – С. 108–111.
15. Williams J. Hunting, Hawking and the Early Tudor Gentleman / J. Williams // *History Today*, 00182753, London: Aug. 2003, Vol. 53, Issue 8.
16. Zoomba J. Elk Hunting [Электронный ресурс] / J. Zoomba. – Режим доступа : [www.usahunting.org](http://www.usahunting.org)
17. Янушкевич О. Охота на глухаря [Электронный ресурс] / О. Янушкевич. – Режим доступа : <http://www.hunter.ru/hunting/articles/gluhar.htm>
18. Bates Marcia J. Fundamental Forms of Information / Bates Marcia J. // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 57(8) (2006): 1033-1045.
19. *Geographie des Odeurs* // Sours la dir. de R. Dulau et J.-R. Pitte. – P. : L'Harmattan, 1998. – 247 p.
20. Goonatilake S. The Evolution of Information: Lineages in Gene, Culture and Artefact / S.Goonatilake. – London : Pinter, 1991. – 203 p.
21. *Odeurs du monde, ecriture de la nuit* / Textes ed. par D. Rey-Hulman et M. Voccaro. – P.-Montreal : L'Harmattan, 1998. – 480 p.
22. *Odeurs et parfums*. – Actes du 121-e Congres national des societes historiques et scientifiques, section ethnologie et antropologie francaises. Nice, 1996. – Paris : CTHS, 1999.

#### Примечания

<sup>1</sup> М.Дж. Бейтс приводит следующие термины, дефинирующие эти формы:

**Embedded information:** The pattern of organization of the enduring effects of the presence of animals on the earth.

**Embodied information:** The corporeal expression or manifestation of information previously in encoded form.

**Encoded information:** Natural information that has symbolic, linguistic, and/or signal-based patterns of organization.

**Enacted information:** The pattern of organization of actions of an animal in, and interacting with, its environment, utilizing capabilities and experience from its neural stores. **Experienced information:** The pattern of organization of subjective experience, the feeling of being in life, of an animal. **Exosomatic information:** Information stored in durable form external to the body.

(Idea drawn from Goonatilake, 1991). **Expressed information:** The pattern of organization of communicatory scents, calls, gestures, and ultimately, human spoken language used to communicate among members of a species and between species. **Genetic information:** Information contained in the genotype. **Knowledge:** Information given meaning and integrated with other contents of understanding. **Natural information:** All information is natural information, in that it exists in the material world of matter and energy. Represented information (below) is an important sub-set of natural information. **Neural-cultural information:** Information that has been created by, processed in, or disseminated from animal nervous systems, especially human nervous systems. **Recorded information:** Communicatory or memorial information preserved in a durable medium. **Represented information:** Natural information that is encoded or embodied. **Trace information:** The pattern of organization of the residue that is incidental to living processes or which remains after living processes are finished with it. [Bates 2005].

<sup>ii</sup> Pheromone, any chemical produced by an animal that affects the behavior of other animals. Pheromones are found throughout the living world. The complex but primitive single-celled amoeba *Dictyostelium*, for example, uses a pheromone to attract others of its kind for reproduction. Insects regularly use pheromones for the same purpose. Social insects— insects that live together in groups— usually have many pheromonal messages. Ants, for example, usually have a pheromone for marking trails to food, another for starting attacks on enemies, a third that signals the need to flee, and others that identify their larvae in the darkness of the nest.

Pheromones are also common in vertebrates. Mammals regularly mark their territorial boundaries with pheromones from specialized glands. These odors can be detected at great distances and can alter behavior dramatically. Vertebrates also have additional odors that identify animals individually. Neighboring mammals of many species recognize one another by the odors that each leaves along mutual boundaries or at traditional scenting posts, and intruders are detected almost immediately. Even mates and offspring often recognize one another by odor.

<sup>iii</sup> Под презентемой предлагается понимать мельчайшую информационную единицу воздействия, представляющую собой сложный лингвосомиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него. Процесс коммуникации может быть представлен в виде разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности презентем как сугубо семиотически (визуально), так и дискурсивно (преимущественно вербально). Специфика презентемы как комплексного знака состоит в его триадном характере: с одной стороны, это лингвистический знак или совокупность лингвистических знаков; с другой же стороны – это коммуникативная единица, реализующая в речи (дискурсе) заложенную в нее информацию, когнитивно освоенную коммуникантом, ее передающим; третья сторона этого лингвосомиотического и коммуникативно-информационного образования – интенция воздействующего коммуниканта. Цельность презентемы как предельного и воспроизводимого в дискурсе сложного комплекса знаков разного качества определяется как раз наличием этой, онтологически важной для его существования, природы [Олянич 2004].

<sup>iv</sup> Здесь и далее приводятся дефиниции лексем, извлеченные из *The Concise Oxford Dictionary of the English Language*. – OUP, 1998.

<sup>v</sup> «David Bakken: - I was talking with a very experienced bow hunter who worked at an archery pro shop, and asked him about scent control. He said one thing he does is abstain from red meat during (and a bit before) hunting season, because he claimed that it increased one's body odor (to a deer's nose, not necessarily a human one, of course). Do you know if this has any merit or is an old wive's (or old wive's husbands') tail?

The Elitist: There may well be some truth to it. The individual scent signature and the “generic” scent of a species is the product of decomposition of secretions from the sebaceous glands and some large sweat glands in the skin. These glands produce an oily product that breaks down into fatty acids of varying chain length and become rancid. <...> Now as to the question about meat: one function of the sweat glands is to cool the body by evaporation; and another is to use the watery secretion they produce to dissolve ammonia and get rid of it. It's a minor excretory pathway for the products of protein metabolism. When amino groups get split off they are converted to ammonia (some of them) and excreted in sweat. That's one of the components of “locker room odor” along with the decomposing sebaceous gland secretions. Meat is a high-protein food, and therefore you will have more amino groups to get rid of. It's likely that the content of ammonia in sweat will increase as a result, and the deer will be able to detect you more easily. I don't do much bow hunting (season starts tomorrow, though) but I have killed a fair number of deer at close range; many of them well under 25 yards. I've had them come a lot closer than that every season (when I couldn't shoot them, of course) and it's not the least bit unusual where I hunt to have a deer come waltzing up within 5 to 10 yards of me. I've had them close enough to touch with the barrel of my squirrel gun. If the wind is right and you don't move you could smell like a gymnasium and they wouldn't care. If the wind is wrong it doesn't matter whether you are a total vegetarian who dips himself in baking soda every day, they are going to get a fix on you. I believe that a lot of this scent stuff is much more for the hunter's “peace of mind” than anything else. Keep in mind that pre-Columbian Indians, many of whom never bathed in their entire lives, were pretty successful deer hunters; and that out where I go in rural Virginia, I've run into more than one Good Ole Boy whose bathing habits were less than stellar, and they get their deer more often than not. Reading the wind and understanding the deer's capabilities are far more important than whether you wear a scent-lock suit or use “Odor-Away.” NOTHING can COMPLETELY eliminate your personal odor and while there is no reason not to be as fastidious as possible, some of the gadgetry and products out there border on the irrational. The “scent lock suit” is a prime example: maybe they work and maybe they don't, but personally I think some clever marketer figured out a way to sell a whole bunch of Gulf War surplus chemical protection clothing he'd bought at a fire-sale price. It's not like no one ever killed a deer before these things were available» [www.americanhunting.com].

<sup>vi</sup> Показательно в этом отношении мнение Алексея Левинсона: «У меня было немало респондентов, которые припоминали роман «Парфюмер», стоило завести разговор об обонянии. Бог весть, что можно считать адекватным читательским восприятием, но собранные мной впечатления о читательских впечатлениях говорят: один ход автору удался. Энергетику зоны ближнего ольфакторного контакта (в данном случае - сексуального) он воображительно распространил на гораздо более широкую зону городского сообщества. Запахи, которыми

повелительно управляется взаимодействие в диаде, его герой сумел употребить для командования множеством людей в масштабах городского пространства. Последнее, что немаловажно, выступает прообразом социального пространства вообще. Нормативное регулирование из инструмента в зоне первичных отношений перенесено авторской волей на уровень коллективный, а далее и социетальный. А там оно не может быть ничем иным, кроме как властью. Притом властью абсолютной» [Левинсон www].

***Олянич Андрей Владимирович*** – доктор филологических наук, профессор, член-корр. РАН, действительный член Нью-йоркской академии наук, заведующий кафедрой иностранных языков Волгоградского государственного аграрного университета; e-mail: aolyanitch@mail.ru

УДК 803.0-561.71: 801.542.2:800.3

## СЛОЖНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ В ПАРАТАКТИЧЕСКОЙ УПАКОВКЕ А.Н. Приходько (Днепропетровск, Украина)

**А.Н. Приходько. Сложный речевой акт в паратактической упаковке.** В статье развивается идея сложного речевого акта в его корреляции со сложным предложением. Доказывается, что такой речевой акт может конституироваться как путем простого сочленения двух и более элементарных предложений, так и быть упакованным в форму сложного. Объектом работы как раз является сложный речевой акт, состоящий из двух иллокуций, "помещенных" в одну синтаксическую единицу – паратакис. Различая их комплексный и композитный типы, автор подробно описывает номенклатуру основных нисходящих разновидностей каждого из них, их прагмасемантическую специфику, выделяет их интегральные и дифференциальные свойства.

**Ключевые слова:** вербальная упаковка, иллокуция, комплексный речевой акт, композитный речевой акт, паратакис, перлокутивный эффект.

**Приходько А.М. Складний мовленнєвий акт в паратактичній упаковці.** У статті розвивається ідея складного мовленнєвого акту в його кореляції зі складним реченням. Доводиться, що такий мовленнєвий акт може конституюватися як шляхом простого поєднання двох і більше елементарних речень, так і бути упакованим у форму складного. Об'єктом роботи якраз і є складний мовленнєвий акт, що утворюється двома іллокуціями, "поміщеними" в одну синтаксичну одиницю – паратакис. Розрізняючи серед складних мовленнєвих актів комплексний і композитний типи, автор детально описує номенклатуру основних різновидів кожного з них, їхню прагмасемантичну специфіку, виокремлює їхні інтегральні та диференційні властивості.

**Ключові слова:** вербальна упаковка, іллокуція, комплексний мовленнєвий акт, композитний мовленнєвий акт, паратакис, перлокутивний ефект.

**Prykhodko A.M. The composite speech act in paratactik package.** The article is devoted to developing the idea of a composite speech act in its correlation with a composite sentence. It is proved that such speech act can be formed by combining 2 or more simple sentences as well as be packed in the form of a composite one. The object of the work is exactly a composite speech act which is formed with the help of 2 illocutions "placed" into a syntactic unit – parataxis. Discriminating among complicated speech acts complex and compound types, the author describes the nomenclature of the main varieties of each of them, their pragmasemantic peculiarity, distinguishes their integral and differential features.

**Key words:** complex speech act, compound speech act, illocution, parataxis, perlocutionary effect, verbal package.

**1. Введение.** Изучение сложного предложения под углом зрения прагматики предполагает не только выделение его основных коммуникативных типов, но и анализ взаимосвязи между формально-грамматическим, семантико-синтаксическим и коммуникативно-прагматическим уровнями его репрезентации, выявление средств, которые обуславливают и модифицируют

его функционирование в речи [Meibauer 2001; Mey 1993]. По своей структуре речевые акты (РА) могут быть простыми (элементарными), сложными, сверхсложными, образовывать дискурсивные блоки и даже быть "небуквальными" [Сусов 2009: 159].

Объектом нашего внимания являются сложные речевые акты – речевые единицы, синтаксическая аранжировка которых не изоморфна выражаемому прагматическим значениям. Нельзя утверждать, что подобные речевые образования прошли мимо внимания лингвистов. В свое время ученые писали об объединении дискретных интенций в одной сложноструктурированной единице [Rosengren 1989: 180], о "речевых блоках" [Веденькова 1989], о "речевых макроактах" [Сергиевская 1995: 8] и т.д. Несколько позднее о сложных речевых единицах стала говорить И.М. Кобозева, определяя их как единицы, которые, будучи оформленными одной синтаксической структурой, объединяют в себе путем прагматической контаминации два и более простых РА и выступают как "двуактовые", "двуиллокутивные" высказывания [Кобозева 2000: 95].

Часто такого рода контаминация встречается в сфере тех сложносочиненных предложений (ССП), организация которых характеризуется несоответствием между структурой и функцией [Culicover 2000: 2] – парадоксальной подчиненностью на семантико-синтаксическом уровне законам координации, а на коммуникативно-прагматическом – законам субординации. Прагмасемантическое устройство такого СПП зиждется на разных иллокуциях, каждая из которых имеет свое конкретное назначение – сообщение (КОНСТ), обещание (КОМИС), побуждение (ДИР), вопрос (КВЕС). В частности, в ССП (1) прагматическое значение создается путем комбинации ДИР и КОМИС, в (2) – КОНСТ и КВЕС, а в (3) – двух КОНСТ: (1) *Nimm die Finger aus der Marmelade / Вынь пальцы из варенья* {ДИР}, *oder es setzt was! / а то получишь у меня!* {КОМИС}; (2) *Ich habe dir eine Stulle gemacht / Я сделал тебе бутерброд* {КОНСТ}. *Oder hast du keinen Hunger? / Или ты не голоден?* {КВЕС}; (3) *Die Heizungsröhren sind geplatzt / Полопались трубы* {КОНСТ}, *denn es hat Frost gegeben / был мороз* {КОНСТ}.

Как показывает материал, между позицией простого РА в структуре паратаксиста и его иерархическим статусом нет прямых корреляций: позиционно первый РА может быть как главным, так и подчиненным. И соответственно наоборот. При этом главной ( $\rightarrow$ ) считается та иллокуция, на которую ожидается перлокутивная (вербальная и/или невербальная) реакция адресата, а подчиненной ( $\leftarrow$ ) – та, где такая реакция наименее ожидаема. Естественно, что оба РА могут находиться в отношениях взаимной поддержки, быть равноправными ( $\leftrightarrow$ ). Обозначив позиционно первый речевой акт как РА<sub>1</sub>, а позиционно второй – как РА<sub>2</sub>, можно вывести алгоритм превращения простых РА в сложные, опирающийся на три следующих модели:

- 1) РА<sub>1</sub>  $\rightarrow$  РА<sub>2</sub> : РА<sub>1</sub> – главный, РА<sub>2</sub> – подчиненный (1)
- 2) РА<sub>1</sub>  $\leftarrow$  РА<sub>2</sub> : РА<sub>1</sub> – подчиненный, РА<sub>2</sub> – главный (2)

3)  $PA_1 \leftrightarrow PA_2$  :  $PA_1$  и  $PA_2$  – равноправные (3).

Сложные РА, упакованные в форму паратаксиста, имеют определенный комбинаторный потенциал. Если за исходную точку взять уже упомянутые иллокуции (они же базовые для прагмалингвистики) и соотнести каждую из них с той позицией, которую они занимают в структуре ССП, можно получить матрицу комбинаторных возможностей сложных РА с набором из 16 вариантов (табл. 1). Из этого потенциала паратактическим способом могут реализоваться только восемь бинарных комбинаций, т.е. ровно 50% теоретически возможных случаев. При этом исключительную активность проявляет ДИР, который в качестве  $PA_1$  способен сочетаться со всеми иллокуциями в рамках всех трех обозначенных выше моделей. Валентно активным является и КВЕС, отдающий предпочтение позиции  $PA_2$ , но при этом отличающийся высокой подчиняющей способностью по отношению к остальным иллокуциям. Средней активностью характеризуется в данной системе КОНСТ и совсем низкой КОМИС, имеющий пассивную прагматическую валентность лишь к ДИР. И наконец, о равноправном статусе двух простых РА, соединяемых в один сложный: им отличаются только одноименные иллокуции. Понятно, что в сложные акторечевые отношения потенциально могут вступить только четыре из них.

Таблица 1

$PA_1 \backslash PA_2$	КОНСТ	ДИР	КВЕС	КОМИС
КОНСТ	↔		←	
ДИР	→	↔	←	→
КВЕС			↔	
КОМИС			←	

**2. Типы и виды сложных речевых актов.** Среди сложных РА принято различать комплексные (КпРА) и композитные (КзРА) [Карабан 1989: 13]. Части КпРА находятся в субординативной прагмасемантической связи, соотносясь между собой как подчиняющий (главный) и подчиняемый (подчиненный), а КзРА – в координативной прагмасемантической связи с равноправным статусом иллокуций. Сравнение обоих типов сложных РА показывает, что они обнаруживают как интегральные, так и дифференциальные свойства.

К интегральным относятся: 1) поддержка программы эффективной реализации перлокутивной цели за счет синтеза двух разных речевых шагов; 2) неперформативность (говорящий специально не оглашает свою интенцию),

но открытость речевого действия (говорящий не скрывает свою интенцию); 3) привязанность к речевому контексту (сложный РА является элементом речевого взаимодействия) или непривязанность (РА является реакцией на невербальные действия); 4) возможность оформления синтаксических связей между этими частями союзным, бессоюзным и парцелированным способами.

Дистинктивные признаки КпРА и КзРА наведены в табл. 2.

Таблица 2

<b>Комплексные речевые акты (КпРА)</b>	<b>Композитные речевые акты (КзРА)</b>
<ul style="list-style-type: none"> <li>● прямая или обратная обусловленность главной иллокуции (пре- или постпозиция главного РА по отношению к подчиненному)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>● индифферентность РА<sub>1</sub> и РА<sub>2</sub> к своей синтаксической позиции</li> </ul>
<ul style="list-style-type: none"> <li>● несоответствие между структурой и функциями (подчиненность на семантико-синтаксическом уровне законам координации, а на прагматическом – законам субординации)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>● соответствие между структурой и функциями (подчиненность на семантико-синтаксическом и прагматическом уровнях законам координации)</li> </ul>
<ul style="list-style-type: none"> <li>● необратимость отношений между двумя иллокуциями (запрет на перестановку частей сложного предложения-носителя)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>● обратимость отношений между двумя иллокуциями (нет запрета на перестановку частей предложения-носителя)</li> </ul>

Нетрудно заметить (табл. 1), что коммуникативная парадигма паратактически упакованных сложных РА изначально асимметрична. В ней заложена  $\frac{2}{3}$ -доминанта иерархических отношений, т.е. КпРА (12 потенциальных моделей, реализуются 5) и всего лишь  $\frac{1}{3}$  моделей с равноправными отношениями иллокуций – КзРА (4 и 3, соответственно). При этом в алгоритме конституирования КпРА с его семьёю лакунами четыре принадлежат констативу, две – квеситиву и одна комиссиву. Такая диспозиция имеет отношение к проблеме прагматической сочетаемости иллокуций. Так, несложно представить ситуацию, в которой "сосуществовали" бы КВЕС и КОНСТ (*Ты полил цветы? Они могут засохнуть*), КОНСТ и ДИР (*Цветы сохнут. Полей их!*), КОНСТ и КОМИС (*Цветы сохнут. Я полью*), но, во-первых, такие РА не являются сложными, а суть цепочка простых, и, во-вторых, они оформляются не паратаксистом, а двумя простыми предложениями.

2.1. **Комплексные речевые акты** образуют интегрированный блок иерархически организованных неоднородных коммуникативно-прагматических типов высказывания, сочлененных общей речевой интенцией. Находясь в субординативной прагмасемантической связи, части КпРА соотносятся между собой как главный и подчиненный РА. Коррелируя на синтаксическом уровне с двумя структурными частями ССП, а на семантическом – с двумя пропозициями, КпРА указывает на дискретное использование составляющих, где каждая иллокуция придерживается строго очерченных рамок своего



инвариантного речевого смысла. Таким образом, КпРА выступают как разноиллокутивные высказывания, главная прагмаустановка которых состоит в прескриптивно-суггестивной интенции говорящего, общую тональность которой можно назвать **регулятивной** [Приходько 2002: 86].

Иллокутивный репертуар регулятивов задается доминированием в составе КпРА акторечевых функций побудительного типа – директивной и квеситивной. Он состоит из пяти базовых моделей – директивно-констативной, директивно-комиссивной, квеситивно-констативной, квеситивно-директивной, квеситивно-комиссивной (табл. 1). Вследствие контаминации разных иллокутивных сил КпРА-регулятив – в сравнении с простым директивом – выражает более нюансированные, диффузные прагматические значения.

2.1.1. **Директивно-констативные регулятивы** (РА<sub>1</sub> ДИР → РА<sub>2</sub> КОНСТ) могут выступать в дискурсе в виде аргументированного совета, основной прагмаустановкой которого является предотвращение чего-то нежелательного или даже опасного, поджидающего адресата в случае невыполнения превентивного побуждения: (4) *Mach das Fenster zu / Закрой окно, sonst holst du dir eine Erkältung / а то простынешь; Machen Sie doch in diesem Semester Ihre Zwischenprüfung / Сдайте в этом семестре экзамен, oder Sie verlieren ein Semester а то потеряете семестр!* /D. Schwanitz/; ср. рус. (5) *Не задерживай попу, а то он нам, чего доброго, девочку на пол опрокинет* /М. Зощенко/ и укр. (6) *Платоне, розваж Лїду, а то вона тут засумувала* /А. Корнійчук/.

2.1.2. **Директивно-комиссивные регулятивы** (РА<sub>1</sub> ДИР → РА<sub>2</sub> КОМИС) специализируются на выражении мотивированных призывов и аргументированных приказов. Первые используются там, где появляется потребность в приобщении адресата к определенным невербальным действиям в профитивном режиме побуждения: (7) *Vertrauen Sie auf Technik Loewe Aconda / Доверьтесь технике фирмы Loewe Aconda, und Sie entdecken ungeahnte Möglichkeiten / и вам откроются невиданные возможности!* /Реклама/; (8) *Перестаньте давать взятки, плевать в подъездах и разгуливать с пивом в руках, и вы будете в Евросоюзе!* /Из листовки/. Намекая на выигрыш, такие КпРА отличаются высокой эмотивностью и закрытостью для последующих речевых действий. Аргументированные приказы возникают на основе контракции двух перформативных схем: “Требую, чтобы...” и “Обещаю, что...”, на пересечении которых образуется главный тип таких приказов – ультимативный. Среди них можно различать ультимативные угрозы ((9) *Tun Sie Ihre Pflicht / Выполняйте сой долг, oder Sie werden entlassen / или вас уволят* /Н. Moers/) и ультимативные предупреждения ((10) *Noch ein Wort von dir / Еще слово, und du bist tot и ты мертвец!* /D. Noll/), рус. (11) *Стой – стрелять буду!*; укр. (12) *Замовкни, вріжуй!*; англ. (13) *Eat your dinner or I'll spank you*. В ультимативных КпРА имеет место игнорирование кодекса кооперации и максим вежливости, поэтому их иногда считают элементом деспотического дискурса, в котором во главу угла ставится троллинг – общение с нарушением

этики взаимодействия путем нагнетания конфликтов, выражающееся в форме агрессивного поведения.

Паратактически оформленные КпРА могут использоваться не только в деспотических, но и в демократических дискурсах. Последние характеризуются диалогичностью и интерактивностью, уважением к социальным и культурным запросам тех, к кому обращено слово [Meggle 1997: 217]. Именно в таких дискурсах функционируют два последующих типа КпРА.

2.1.3. **Квеситивно-констативные регулятивы** (РА<sub>1</sub> КОНСТ ← РА<sub>2</sub> КВЕС) используются в тех эротетических ситуациях, где возникает потребность в перепроверке, переоценке, эвалюации истины, которая требует отсылки к общей базе знаний коммуникантов: (14) *Da ist ein Campingplatz / А здесь кемпинг. Oder suchen Sie ein Hotelzimmer / Или Вы ищете отель?* /J. Berndorf/. Интродуктивная тактика получения “обновленного” знания реализуется на базе неотъемлемой когнитивно-логической составляющей КпМА – условно-следственной импликации. На ее фоне констатив вводит тему и маркирует границу между достоверным и недостоверным знанием, а квеситив непосредственно осуществляет запрос на получение актуальной информации.

2.1.4. **Квеситивно-директивные регулятивы** (РА<sub>1</sub> ДИР ← РА<sub>2</sub> КВЕС) фигурируют там, где возникает потребность в интенциональной переориентации говорящего непосредственно в момент осуществления им речевого действия, что возможно при условии высокой кооперативной готовности говорящего. Эти обстоятельства не предусматривают влияния на эпистемический мир (мир знаний) адресата и не требуют оценки и, соответственно, указания на целесообразность исполнения. Они могут варьироваться как отложенный приказ ((15) *Steck nun die Sachen in den Rucksack / Засунь вещи в рюкзак, oder wie hast du dir das gedacht / или как ты себе это мыслил?* /I. Noll/), отложенное предложение ((16) *Laß uns tanzen / Давай потанцуем. Oder willst du erst mal essen / Или ты хочешь сначала перекусить?* /E.M. Remarque/), прикрытое предложение ((17) *Bitte, schicken Sie mir Ihre Rechnung / Присылайте счет – oder darf ich in Naturalien bezahlen или можно оплатить натурой?* /H. Martin/). Такие модификации имеют прагмапсихологическую основу – запоздалое внимание говорящего к интересам адресата, что фактически приводит к отмене первичной интенции.

2.1.5. **Квеситивно-комиссивные регулятивы** (РА<sub>1</sub> КОМИС ← РА<sub>2</sub> КВЕС) также характеризуются запоздалым вниманием говорящего к интересам адресата. Их интенциональная база состоит во взвешивании обещания, что, в свою очередь, требует знаний о мере заинтересованности собеседника в получении вознаграждения: (18) *Die Eintrittskarten beschaffe ich selbst / билеты я приобрету сам. Oder hast du keine Lust mehr / Или ты уже расхотела?* /B. Kellermann/; (19) *Ich schenke dir ein Handy / Я подарю тебе мобилку. Oder haste schon wieder was eingebrockt / Или ты что-то опять*

*натворил?* /S. Schumacher/. Такие обещания обставляются рядом условий, при которых они могут быть выполнены, не выполнены или заменены каким-то другим обещанием.

Средоточие в одном речевом действии разных иллокутивных сил свидетельствует об усилении интегративных усилий разных речевых актов. Иллокутивный потенциал регулятивного КпМА дает говорящему возможность выбрать наиболее оптимальные стратегии и тактики принуждения объекта влияния к свершению поступков, начертанных субъектом влияния.

**2.2. Композитные речевые акты** образуют интегрированный блок однородных коммуникативно-прагматических типов высказывания с единой речевой интенцией. Будучи оформленными одной синтаксической структурой, КзРА становятся собою двуактовые бинарные номинации с равноправно используемыми иллокуциями. С помощью паратаксиса могут быть реализованы три из четырех теоретически возможных комбинации элементарных РА (табл. 1). Эти иллокутивные схемы воплощаются, соответственно, в трех типах КзМА, выступающих как двойные констативы, двойные квеситивы и двойные директивы. Их главное дискурсивное предназначение – служить средством эпистемического (имеющего отношение к знанию) или даже персуазивного влияния субъектов речи на объекты речи.

**2.2.1. Композитные констативы** (РА<sub>1</sub> КОНСТ ↔ РА<sub>2</sub> КОНСТ) опираются в своем функционировании на такой набор когнитивных схем, которые соотносятся с параметром "качество знания" (выводное, достоверное, недостоверное, незнание) и оказывают влияние на выбор того или иного ССП (сочинительные, противительные, разделительные и пр.). Ср.: (20a) *Ich habe ein paar Brötchen gekauft / Я купил булочек, aber nicht gegessen, но не ел;* (20b) *Ich habe ein paar Brötchen gekauft / Я купил булочек, denn ich habe Hunger ибо голоден;* (20c) *Entweder kaufe ich ein paar Brötchen / Или я куплю булочек, oder ich verhungere / или умру с голода.*

**2.2.2. Композитные квеситивы** (РА<sub>1</sub> КВЕС ↔ РА<sub>2</sub> КВЕС) используются на фоне эпистемической энтропии (недооформированности) говорящего, которая может варьироваться в виде разных когнитивных схем, но в рамках единой речевой стратегии – интродукции вопроса. Она (стратегия) осуществляется путем отсылки к общей эпистемической презумпции участников интеракции: (21a) *Hast du die Blumen begossen / Ты полил цветы oder hast du wieder vergessen / или опять забыл?;* (20d) *Hast du Brötchen gekauft / Ты купил булочек? Oder hast du keinen Hunger / Или ты не голоден?* Прагматика использования композитных квеситивов состоит в верификации истины, что реализуется разными тактико-методическими приемами (одна, две, никакой версии). При наличии одной версии позиционно первый РА-квеситив изофункционален констативу, так как выражает не собственно вопрос, а акцентирует его пропозициональное содержание, а сам вопрос содержится в позиционно втором РА, который и направлен на получение нового знания. Выдвижение двух и больше версий предусматривает истинность одной из них и ложность других. Такие КзМА

встречаются преимущественно там, где идентификация истины на фоне нескольких версий сопровождается потребностью в моральной поддержке или в разумном совете: (23) *Nähern wir uns wohl der Erkenntnis / Мы приближаемся к истине? Oder gehen wir vielleicht im Kreise / Или, может, мы ходим по кругу? /H. Hesse/*. Отсутствие какой-либо версии имеет место тогда, когда речь идет о тех невербальных намерениях собеседника, которые сложно прогнозировать: (24) *Aber was willst du denn tun / Ну что же ты хочешь? Oder willst du gar nichts tun / Или ты вообще ничего не хочешь? /A. Ayren/*.

2.2.3. **Композитные директивы** (РА<sub>1</sub> ДИР ↔ РА<sub>2</sub> ДИР) коррелируют с личными или институциональными интересами говорящего, а также с социоролевым статусом коммуникантов. Их функционирование в речи связано с необходимостью заполнения периферийных лакун в системе трансфера знания. Именно поэтому в таких КЗРА репрезентация знания как бы отодвигается на задний план, а на передний выходит побудительный импульс ((25) *Schlafen Sie / Почните und ruhen Sie sich erst mal richtig aus / И хорошенько отдохните! /E. Neutsch/*), вследствие чего композитные директивы имеют довольно размытую иллюкутивную базу, очерченную диффузией приказа, совета, просьбы, требования и пр.: (20e) *Kauf dir ein paar Brötchen / Купи булочек und hör auf zu flennen / и перестань клянчить!;* (21b) *Begieß die Blumen / Полей цветы und mache dir ein paar Brötchen / и сделай себе бутерброды!* Более-менее однозначно можно говорить о двух их иллюкутивных разновидностях: указании, которое осуществляет отсылку к существующим конвенциям ((25) *Beehren Sie uns bald wieder / Сделайте нам еще честь, und bringen Sie Ihre Arbeitskollegen mit u bringe mit c собой коллег! /S. Zweig/*), особенно в случаях их нарушения ((26) *Mann, reden Sie endlich vernünftig / Говорите разумно, oder halten Sie Ihre Klappe или заткнитесь /К.-Р. Wolf/*) и инструкции ((27) *Halten Sie die MOD-Taste gedrückt / удерживайте клавишу MOD und betätigen Sie die Suchwort-Taste и нажимайте клавишу поиска*).

Использование паратаксиса для упаковки КЗРА обусловлено факторами эпистемически-интерпретативного порядка – восприятием и отображением жизненного мира человека. Их перлокутивный потенциал определяется “трансферной” интенцией говорящего – передачей или получением информации. Этой цели подчинена тактико-стратегическая программа, и тактико-операционные средства ее выполнения. Речевая программа реализуется в рамках инициальной или респонсивной функций, а пути ее воплощения – в интра- или экстравертивном режимах общения.

3. **Заключение.** Использование сложных речевых актов в дискурсе связано с феноменом речевого синергизма, прагмапсихологическая сущность которого состоит в том, что перлокутивный эффект сложного РА превышает суммарный перлокутивный эффект, который осуществляет каждый отдельно взятый его компонент – простой РА. По своей функции в составе сложного РА его составляющие делятся на иллюкутивно сильные и иллюкутивно слабые. К первым относятся квеситивы, которые в интерактивном процессе всегда

выступают главным РА, а также директивы, которые в таком качестве выступают преимущественным образом. К иллюкутивно слабым относятся констативы и комиссивы. Такая в некотором роде условная ранжировка речевых актов отражает тот факт, что в коммуникативном процессе большую силу влияния на собеседника имеют РА с интенцией побуждения и меньшую – РА с интенцией передачи знания.

Сложные иллюкутивные схемы – комплексные и композитные – являются отражением обогащающего влияния таксисной семантики на дискурсивно-функциональные характеристики речевого акта. Паратаксис в функции комплексного речевого акта – это яркий пример единиц, в которых иерархия грамматических отношений не всегда изоморфна иерархии прагматических отношений, а синкретизм речевого смысла детерминирован прагмасемантической дискретностью их компонентов – простых речевых актов, на пересечении которых они образуются.

Прагмасемантическая специфика паратаксиса напрямую соотнесена с особенностями его функционирования в речи, где он выступает средством аранжировки сложных речевых актов – композитных и комплексных. При этом координативный характер грамматических отношений в паратактически оформленных композитных РА является изоморфным координативному характеру отношений между их иллюкуциями. Иерархия грамматических и семантических отношений в комплексных РА неизоморфна иерархии прагматических отношений, а синкретизм речевого смысла детерминирован прагмасемантической дискретностью их компонентов – простых речевых актов, из которых они состоят. Если главная прагмаустановка комплексных РА состоит в совершении регулятивно-суггестивного "давления" субъектов речи на объекты речи, то главная прагмаустановка композитных РА – в эпистемически-персуазивном влиянии говорящего на адресата. Отсюда и разность целей: КпРА в дискурсе преследует превентивную, прохибитивную, профитивную, аннулятивную цели, а КзМА – передача знания.

Изучение обозначенной проблемы представляется перспективным, по меньшей мере, в двух направлениях. Во-первых, определенный интерес представляет собой структурная типология речевых актов, в которой малоизученными являются и другие сложные их типы, в т.ч. и сверхсложные, и дискурсивные. Во-вторых, малоизученной является проблема корреляции гипотаксиса и сложного речевого акта, в т.ч. и различных его разновидностей – периода, супертаксиса, архитаксиса и пр.

## **ЛИТЕРАТУРА**

1. Веденькова М.С. Опыт прагматического анализа директивно-констативных высказываний / М.С. Веденькова // Прагматика и типология коммуникативных единиц языка. – Днепропетровск : ДГУ, 1989. – С. 25–29.

2. Карабан В.И. Сложные речевые единицы. Прагматика английских асиндетических полипредикативных образований / В.И. Карабан. – К. : Вища школа, 1989. – 132 с.
3. Кобозева И.М. Сложное предложение как форма сложного речевого акта / И.М. Кобозева, Ким Гон Сук // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. – М. : Рус. учебн. центр, 2000. – С. 95–105.
4. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові / А.М. Приходько. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 292 с.
5. Сергиевская Л.А. Сложные предложения с императивной семантикой в современном русском языке : автореф. дис. докт. филол. наук : спец. 10.02.01 / Л.А. Сергиевская. – М., 1995. – 38 с.
6. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.
7. Culicover P.W. Semantic subordination despite syntactic coordination / P.W. Culicover, R. Jackendoff // Linguistics, 2000. – Vol. 28, Is. 2. – P. 1–16.
8. Meggle G. Informatives and-or Direktives? (A New Start in Speech Act Classification) / G. Meggle, M. Ulkan // Pragmatik: Implikaturen und Sprechakte / Hrsg. E. Rolf. – Opladen : Westdeutscher Vrlg., 1997. – S. 214–225.
9. Meibauer J. Pragmatik: eine Einführung / J. Meibauer. – Tübingen : Stauffenburg, 2001. – 208 S.
10. Mey J.L. Pragmatics. An Introduction / J.L. Mey. – Oxford : Blackwell, 1993. – 421 p.
11. Rosengren I. Begründungen und Folgerungen als kommunikative Handlungen / I. Rosengren // Studia grammatica. – Bd. 25: Satz, Text, sprachliche Handlung. – Berlin : Akademie, 1987. – S. 179–197.

**Приходько Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: aprykhod@rambler.ru

УДК 811.133.1`1

## СУБЪЕКТИВНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

Л.П. Рыжова (Москва, Россия)

**Л.П. Рыжова. Субъективность как ключевое понятие французской лингвистической прагматики.** В статье рассматривается категория субъективности с точки зрения ее становления во французской лингвистике. Показано, что доминирующее во французской лингвистической прагматике понятие субъективности является результатом постепенного накопления сведений о роли человека в развитии и функционировании языка, их теоретического осмысления от субъективности в языке к интерсубъективности в коммуникации.

**Ключевые слова:** интерсубъективность, субъект дискурса, субъективность, французская прагматика.

**Л.П. Рыжова. Суб'єктивність як ключове поняття французької лінгвістичної прагматики.** У статті розглядається категорія суб'єктивності з точки зору її становлення у французькій лінгвістиці. Показано, що домінуюче у французькій лінгвістичній прагматичній поняття суб'єктивності є результатом поступового накоплення інформації про роль людини у розвитку та функціонуванні мови, її теоретичного осмислення від суб'єктивності в мові до інтерсуб'єктивності в комунікації.

**Ключові слова:** інтерсуб'єктивність, суб'єкт дискурсу, суб'єктивність, французька прагматика.

**L.P. Ryzhova. The subjectivity as the key concept of French linguistic pragmatics.** This article focuses a category of subjectivity in terms of its formation in French linguistics. Shown that dominant in the French linguistic pragmatics the concept of subjectivity is the result of the gradual accumulation of information about the human role in the development and functioning of language, their theoretical comprehension of subjectivity in the language of the intersubjectivity in communication.

**Key words:** French pragmatics, intersubjectivity, the subject of discourse, subjectivity.

Лингвистическая прагматика сформировалась в мировой лингвистике во второй половине XX столетия как коммуникативно-деятельностная парадигма вследствие накопления результатов исследований в области синтаксиса и семантики предложения, высказывания и текста, становления лингвистики текста и теории диалога. Важную роль сыграло также установление более тесного взаимодействия лингвистики с философией, психологией, социологией, этнографией речи и коммуникации, этнометодологией, теорией коммуникации, теорией деятельности и т.п. Она представляет собой в значительной степени неоднородную область исследований и располагает как широким спектром методов, приемов и средств анализа языкового материала,

так и достаточно богатым собственным понятийно-терминологическим аппаратом и характеризуется исключительной многоаспектностью и разнонаправленностью исследований. Сложившийся национально-нейтральный взгляд на прагматическое изучение языкового материала связывается, прежде всего, с англоязычной традицией, при этом достижения ученых других стран, в частности, Франции, Швейцарии, Бельгии, России либо лишь упоминаются (чаще всего написанные на английском языке), либо не учитываются вообще [см.: CONCISE ENCYCLOPEDIA OF PRAGMATICS, 1998].

Методологически становление французской прагматики осуществлялось в общем русле современного прагматического движения. Глубокое знание наиболее важных трудов, прежде всего, англоязычных авторов по проблемам прагматики и германских ученых по лингвистике текста, в 70-е годы проникших во Францию, и творческое переосмысление их теоретических положений и результатов в русле национальных философско-гуманитарных традиций составляет основу общей направленности в развитии французской прагматики. Все наиболее значимые моменты, рассматриваемые в мировой прагматике, нашли благодатную среду во французской лингвистике, оказались для нее понятными и «работающими». Таким образом, в развитии французской прагматики имеет место интеграция и творческое переосмысление зарубежных прагматических теорий и сохраняется верность национальным исторически сложившимся традициям в осмыслении языкового существования [Рыжова 2004; 2007].

Своеобразие французской лингвистической прагматики обусловлено теми традициями, которые сложились в течение, по крайней мере, полутора столетий в ходе развития французской гуманитарной науки, в том числе и лингвистики, и которые характеризуются поиском универсальных законов и закономерностей развития и существования различных языков мира, акцентированием внимания на рациональных, интеллектуальных качествах языка, на его связях с логическим мышлением, на интеллектуально-мыслительных аспектах речевой коммуникации. Междисциплинарный характер её становления во взаимодействии с социологией, психологией, этнографией речи и этнометодологией, теорией коммуникации и др. и в сочетании с сугубо лингвистической направленностью исследований в этой области обусловил постепенное накопление адекватных знаний усилиями всего научного сообщества – психологов, социологов, философов, лингвистов. Изучение большого корпуса текстов, написанных лингвистами, философами, социологами, психологами во второй половине XIX – первой половине XX веков, позволил установить, что представленные в них научные теории сыграли определенную роль в становлении и развитии прагматического мышления франкоязычных исследователей и подтвердить положение о том, что становление научной парадигмы происходит постепенно. Это тем более важно, что вопрос об истинных источниках, корнях и началах прагматической науки в целом не имеет еще ясного и исчерпывающего ответа.



Уже во второй половине XIX – начале XX веков ученые обратили внимание на тот факт, что субъективность в языке проявляется прежде всего как способность говорящего субъекта присваивать себе язык в процессе его использования. Язык является социальной функцией, то есть не существует у отдельного человека и может рассматриваться только как «продукт сотрудничества, наиболее усеченная форма которого обязательно включает еще два фактора, того, кто говорит, и того, кто слушает, отправителя и получателя» (Paris 1906: 286). В этой связи уместно вспомнить и определение языка, данное Д. Тьебо еще в 1802 году: «Язык (*lelangage*) был бы невозможен, если бы не было того, кто говорит, или того, кто предполагается, что он говорит; абсурдно представлять, что кто-то говорит, но он не говорит ни с кем; наконец, невозможно говорить и говорить ни о чем. Это, следовательно, природа вещей и необходимость, которая придает языку в некотором роде характер (*sic*) театральной сцены, где мы видим в качестве действующих как бы три персонажа[...], абсолютная потребность в которых ощущается, как только кто-то хочет говорить; их различие, следовательно, необходимо принять и признавать при анализе дискурса» [Thiébaud 1802: 206–207].

Из этого отрывка явно следует, что для адекватного функционирования языка необходимо как минимум два участника коммуникативного процесса – говорящий и слушающий, то, о чем они говорят и для чего они говорят, а также место, где происходит их взаимодействие. Причем эти параметры и характеристики раскрываются в самом языке и передаются языковыми средствами, среди которых, согласно исследованиям Д. Тьебо, важную роль играют местоимения как индикаторы *субъективности в языке*. Изучение субъективных факторов в языке остается актуальным и для исследований в области лингвистической прагматики.

Анализ научных трудов франкоязычных ученых дает право констатировать, что примерно с 80-х годов XIX столетия исследователи, так или иначе, уделяли внимание проблемам функционирования языка, пытались осознать роль человека в его развитии. М. Бреаль подчеркивает необходимость осознания важной роли лингвистики как науки для человека и человечества: «Лингвистика рассказывает человеку о нем самом: она ему показывает, как он выстроил, как он усовершенствовал, преодолевая природные катаклизмы, вопреки неизбежно медленному ходу истории и даже несмотря на временные отступления, самый необходимый инструмент цивилизации» [Bréal 2005: 27–28]. Именно поэтому язык представляет собой продукт сотрудничества между людьми: «каждый из нас вносит свой вклад в развитие человеческой речи» [там же: 27]. Человек является посредником между системой и актом речи, и язык – необходимый инструмент коммуникации между людьми. При этом коммуникация рассматривается не как простой обмен информацией, но как средство деятельности: «Речь не создается для описания, для рассказа, для незаинтересованного рассмотрения. Выразить желание, отдать приказ, обозначить обладание

человеком или вещью – вот эти использования языка являются первичными» [там же: 169]. Язык для М. Бреаль – это «произведение, начатое и продолженное для реализации практической цели» [там же: 27], которая, «...с точки зрения языковой деятельности, заключается в том, чтобы быть понятым» [там же: 30].

И как следствие, результатом включения говорящего человека в лингвистический анализ стало осознание М. Бреалем важности изучения «субъективных элементов», свидетельствующих о присутствии говорящего человека в его речи. Именно эта субъективная сторона языка описывается в главе XXV «Очерков по семантике», которая так и называется «Субъективный элемент» [там же: 164-169]. Предметом теоретического осмысления становятся наречия, прилагательные, некоторые члены предложения (*sans doute, peut-être, probablement, sûrement* др.), которые отражают размышления говорящего или выражают оценку, сомнение или неуверенность. Среди маркеров «субъективной стороны» языка М. Бреаль выделяет категорию наклонения в спряжении глаголов, рассматривая индикатив как возможность перевода выраженного (= описанного) приказа в императив, в субжонктив или в оптатив. По его мнению, в языке важнейшая роль принадлежит *местоимениям* как одной из самых древних частей речи, среди которых наиболее значимыми являются личные местоимения. Как отмечает С. Дельсаль [Delesalle 1987: 311], М. Бреаль, в отличие от существующих в то время школьных грамматик и как Э. Бенвенист пятьдесят лет спустя, объединяет первое и второе лицо, отделяя их от третьего. Первое и второе лицо являются элементами субъективными и лежат в основе акта речи: говорящий человек далек от того, чтобы рассматривать окружающий мир как незаинтересованный наблюдатель. Напротив, то участие, которое он выявляет для себя самого в языке, совершенно непропорционально. Из трех глагольных лиц, имеется одно – первое, которое он сохраняет только для себя. Тем самым он противопоставляет свою индивидуальность остальному миру. Второе лицо объединяется с первым, потому что оно не имеет другого основания существовать, как только будучи связанным с первым. Местоимения *Я* и *Ты*, которые, меняя уста, переходят одно в другое, неизбежно свидетельствуют о том, что человек никогда не остается ни просто наблюдателем, ни просто описывающим. Третье лицо, по М. Бреалю, представляет собой объективную часть языка [Bréal 2005: 169].

Таким образом, программные исследования М. Бреаль ведут к пониманию особой роли «субъективных элементов» (дискурсивных слов, временных форм, глагольного наклонения и личных местоимений) в организации общения. Они способствуют «присвоению языка индивидами» и являются параметром, который невозможно вывести из лингвистического описания.

О субъективных элементах речевой деятельности в диалоге, где обмен речью идет между *Я* и *Ты*, утверждающих по очереди свою субъективность,

говорит *Е.-Б. Лёруа*, французский психофизиолог. Синтезируя два подхода к анализу языка – лингвистический и психофизиологический – он четко разграничивает объект лингвистики и объект психологии: «в целом, лингвисты изучают структуру языка, психологи изучают речевую деятельность», стремятся «понять то, что происходит в сознании, когда используется язык, либо наблюдая его, либо его передавая» [Leroу 1905: 2-3]. Исходя из первого, язык рассматривается как система знаков, исходя из второго – как действие или индивидуальное поведение. Через субъективные элементы, расставляющие вехи в производстве дискурса, и через получение речи слушающим преобразуется объективный характер языка как символической системы или системы образов, когда говорящий присваивает себе язык, который ему дан как внешний и объективный социальный факт [там же: 96]. Объективный характер языка как символической системы или системы образов преобразуется не только с помощью элементов, расставляющих вехи в производстве дискурса, но еще и через получение речи слушающим. При этом он считает, что смысл выявляется и уточняется на основе общих факторов, таких, как знание о лице, которое говорит, или о теме разговора в его целостности. В связи с этим процессы речевого взаимодействия людей – коммуникативные процессы – не могут описываться как процессы кодирования и декодирования, как просто обмен информацией. Производитель предложения – говорящий – изменяет язык (конвенцию), включая в него показатель своей субъективности [Leroу 1905: 87–98].

Следует отметить, что такое понимание языка в большей или меньшей степени эксплицитно проявлялось в теоретическом осмыслении его функционирования, и использовалось, как правило, для выявления механизмов изменения значения языкового знака, для объяснения причин и закономерностей языковых изменений, для выявления и объяснения механизмов установления взаимосвязи и взаимозависимости между языком, мышлением и сознанием.

Категории субъективности важная роль отводится в исследованиях *Ш. Балли*. Ее рассмотрение под углом зрения прагматической методологии выявляет, прежде всего, указание на постоянное наличие субъективности в разговорной речи, на невозможность отчуждения речи, или языка в коммуникации, от говорящего, субъекта речи, а также на необходимость «различать в речи позиции говорящего и слушающего: первый более активен, второй – более восприимчив; первый хочет выразить свою мысль и навязать ее другому, тот же пытается ее понять» [Балли 2003: 130]. Как отмечает Ш. Балли, «контакт с другими лицами придает речи двойственный характер: иногда говорящий концентрирует свои усилия на том воздействии, какое он желает произвести, и разум собеседника предстаёт как некая крепость, которую надо взять штурмом; иногда представления собеседника определяют характер выражений, выбираемых говорящим; говорящий не намеревается наносить удары, а думает скорее о тех, которые он может получить. В первом случае

напор, порыв, нападение, во втором – сдержанность и осторожное отступление» [там же: 35].

Ш. Балли обращает также внимание на *присутствие других лиц*, не участвующих в разговоре, или на *мысль о них*, и отмечает, что это оказывает влияние на организацию речи и определяют понимание речи другого.

Все «эти характеристики носят социальный характер» [там же: 31]. Пониманию способствует сама среда, *ситуация, обстоятельства*, в которых протекает большинство разговоров в реальной жизни. Это, прежде всего, та внеязыковая реальность, в которой осуществляется речь, то общее или некое особое окружение, с которым каждый раз связаны произносимые слова; в крайнем случае, *ситуация* создается самой речью по мере того, как она развертывается, то есть представляет собой *контекст*.

Ш. Балли рассматривает предложение как «наиболее простую возможную форму выражения мысли. Мыслить – значит реагировать на представление, констатируя его наличие, оценивая его или желая. Иными словами, мыслить – значит вынести суждение, есть ли вещь или ее нет, либо определить, желательна она или нежелательна, либо, наконец, выразить пожелание, чтобы она была или не была. Либо *думают*, что идет дождь, либо этого *не думают*, или в этом *сомневаются; радуются* тому, что идет дождь, или об этом *сожалеют; желают*, чтобы шел дождь, или этого *не желают*. В первом случае выражается суждение о факте, во втором – суждение о ценности факта, в третьем – проявление воли. Первая операция относится к рассудку, вторая – к чувству, третья – к воле, которая находит свое завершение в действии – завершение, являющееся одной из функций речевой деятельности, хотя оно и выходит за рамки последней» [Балли 2001: 43-44].

Следовательно, мысль нельзя свести к простому представлению, включающему всякое активное участие со стороны мыслящего субъекта. Действие, которое осуществляет говорящий своим актом высказывания относительно слушающего, собственно говоря «речевой акт», Ш. Балли описывает через понятия *аффективности (субъективности) и модальности*. И для понимания действия, которое осуществляет говорящий своим актом высказывания относительно слушающего, необходимы определенные *аналитические или упорядочивающие интеллектуальные усилия* [там же: 36–37]. Эта идея, высказанная Ш. Балли в начале XX века, имеет прямой выход в когнитивную прагматику, в значительной степени сближаясь по содержанию с *принципом релевантности*, сформулированным Д. Спербером и Д. Уилсон более 70 лет спустя, и положивших в основу своей концепции такие понятия, как *когнитивное и контекстуальное усилие* [Sperber, Wilson 1986].

Невозможность речи без непосредственного участия субъекта, его намерения, без привлечения его внимания утверждает и *А. Сеше*. Как Ш. Балли и ранее М. Бреаль, он исходит из диалогической ситуации и деятельности, сопряженных с актом высказывания. Он исследует *разговорный язык*, являющийся «самой главной формой, которая получила

наибольшее развитие и которая лучше всего известна» [Сеше 2003: 67]. Именно в речи проявляется языковая креативность, благодаря которой язык и развивается. Неверно рассматривать язык (*lelangage*) как идеальную единицу, развивающуюся независимо от людей и преследующую свои собственные цели. Язык не существует независимо от тех, кто думает и кто говорит. Он погружается своими корнями в глубины коллективного сознания, которое предписывает свои законы каждому. Но «человек может создать или употреблять лишь такую грамматику, которая соответствует постоянным тенденциям его психической деятельности» [там же: 128]. Поэтому «каждый говорящий субъект располагает собственной грамматикой; она состоит из того, что индивиду удалось усвоить из грамматики других, и из того оригинального, что он сам привнес в нее» [там же: 128]. То, что он вносит в организацию своего языка, «естественным образом соответствуют индивидуальным ментальным тенденциям» [там же: 128–129]. «Язык конкретного человека в конкретный момент объясняется [...] как результирующая психического импульса, интеллектуального акта и волевого акта, проявляющаяся через естественные установки и приобретенные языковые установки одновременно» [там же: 129]. Следовательно, «...движущие силы, живущие в человеке, создают язык и руководят всеми его изменениями. Обратное неверно. Лингвистика связана исключительно с причинно-следственными отношениями между этими силами и их продуктом – речью» [там же: 207]. Выяснение же источников и причин возникновения этих сил А. Сеше относит к области «антропологии, этнографии или истории. Они уже не принадлежат лингвистике» [там же: 207].

Поэтому «объектом грамматической проблематики является теперь не говорящий субъект, воздействующий на лингвистику, но сам язык как языковой организм, или, если так больше нравится, это говорящий человек, когда он испытывает влияние законов своего языка» [Sechehaye1908: 24]. И этот аспект четко прослеживается в прагматико-семантических исследованиях О. Дюкро.

Говоря об идейных предшественниках современного прагмалингвистического направления во французском языкознании, нельзя не обратить внимания на работы французского философа *М. Мерло-Понти*, который, занимаясь проблемами философии языка, осуществляет пересмотр традиционной проблематики языкознания на основе *феноменологии*. Его феноменологическое основание философии языка вытекает из диалектического противопоставления субъективной и объективной точек зрения, речи и языка, синхронии и диахронии, феноменологии языка и объективной науки о языке. Соединя субъективную точку зрения с точкой зрения говорящего субъекта, а объективную точку зрения – с точкой зрения лингвиста, рассматривая синхронию как поперечный разрез диахронии, исследователь получает возможность извлекать научное знание не только из эмпирического

мира вещей, но и из актов сознания как приоритетного свойства самого существования человека, его бытия в объективном внешнем мире.

М. Мерло-Понти неоднократно отмечал, что субъект существует лишь как человек говорящий и мыслящий вербально (*cogitoverbale*), как источник всей интенциональной деятельности сознания. С точки зрения феноменологии, весь человеческий мир – это мир сознания, это универсум, в котором разворачивается вся человеческая деятельность. Речь является одним из средств бытия человека. Она не переводит на язык слов уже готовую мысль, а *завершает* ее, речь и мысль как бы объятые друг другом и не допускают между собой никаких внешних отношений. В процессе речи создаются субъективные значения, так как в их основе лежат отношения субъекта к полю его существования, где определяющую роль играет «сигнификативная интенция» (*l'intention significative*) [Merleau-Ponty 1955: 111] как нечто интуитивное и бессознательное. Она возникает в результате своеобразного «нацеливания» тела (*leCorps*) на окружающие его объекты и «вдохновляет речь подобно тому, как мир вдохновляет мое тело» самим своим присутствием, «пробуждая мои интенции, но не раскрываясь до их появления». Это «детерминированная пустота особого рода», она «обретает свое тело и познает себя в поиске эквивалента себе в системе существующих в языке, на котором я говорю, значений и в культуре, которую я унаследовал» [там же: 112–113].

В концепции М. Мерло-Понти подчеркивается, что субъективная точка зрения охватывает объективную, что феноменологическая точка зрения – это и есть точка зрения говорящего. Говорящий «выражается не для других, но прежде всего для того, чтобы понять самому», поэтому для говорящего «выразить значит осознать» [там же: 111]. Такой подход к языку как средству самовыражения выдвигает на первый план проблему «язык и индивид», которая в феноменологии М. Мерло-Понти рассматривается в связи с центральной проблемой *тела* (*lecorps*) и *его существования* (*sonexistence*).

Тем не менее, чтобы «осознать», то есть чтобы выявился смысл сказанного, говорящий субъект должен сотрудничать со слушающим. Другими словами, индивидуальность говорящего, его субъективность необходимо предполагает *интерсубъективность*: «в акте говорения, в тоне, в стиле субъект отстаивает свою автономию, так как ничто не является в большей мере его собственностью, но в тот же миг он безоговорочно обращен к лингвистическому коллективу и зависит от языка» [там же: 74]. Признание этого факта заставляет французского философа обратиться к проблеме понимания: «Желание говорить – это то же самое, что желание быть понятым» [там же: 74].

Таким образом, придавая большое значение процессу взаимодействия говорящего и слушающего в раскрытии смысла речи и признавая двусторонний характер общения, М. Мерло-Понти продолжил разработку традиционно французской проблемы «субъективности в языке» и «интерсубъективности в языке», дав феноменологическое обоснование определению системы

значений через употребление. В концепции М. Мерло-Понти просматривается обоснование для определения системы значений через употребление, которое во многом восходит к концепции М. Бреаля с одной стороны, и предвосхищает исследовательскую позицию О. Дюкро, с другой.

Даже из краткого экскурса в историю французского языкознания следует, что уже в XIX веке французская гуманитарная мысль была обращена на изучение социальных и психологических характеристик языка, закладывая основы для становления и развития коммуникативно-функционального, прагматического подхода к изучению языкового материала и языковой действительности. Выявление роли говорящего субъекта в функционировании и развитии языка позволяет установить во французском языкознании второй половины XIX – первой половины XX века наличие определенной традиции в изучении субъективности как фундаментального свойства языка. Языковая реальность предстает как неотъемлемая часть существования человека, обуславливая единство значения языкового знака и отражая его комплексный характер с точки зрения формы, содержания и функционирования. И, следовательно, человек *мыслящий – говорящий – слушающий – понимающий* включается в коммуникативный процесс как индивид и как член общества, становясь источником важнейших прагматических характеристик языка.

Не являясь лидером в становлении прагматического направления, французское языкознание занимает в нем, тем не менее, свою собственную концептуально-методологическую «нишу». Французская прагматика продолжает традиции лингвистической теории высказывания (*linguistique énonciative; théorie de l'énonciation*), получившей наиболее целостное представление в трудах Э. Бенвениста. Ее методологической основой является не сосюрсовское различие между языком и речью, а различие между высказыванием, понимаемым как акт, как процесс говорения – *énonciation*, и высказыванием, понимаемым как то, что сказано, как результат процесса говорения – *énoncé*.

Когда в статье «*L'appareil formel de l'énonciation*», опубликованной в марте 1970 г. в журнале «Langage», Э. Бенвенист заговорил «об этом явлении, настолько банальном, что оно смешивается с языком (*langue*), а именно об “акте высказывания” (*énonciation*)» [Vignaux 1988: 63], это имело для развития французского языкознания далеко идущие последствия. Определив акт высказывания как «приведение языковой системы в действие через индивидуальный акт употребления» [Benveniste 1974: 80], Э. Бенвенист обращает внимание на своеобразный статус этого акта как акта производства высказывания говорящим, «который использует язык (*langue*) по своему усмотрению. Отношения, устанавливающиеся между говорящим и языком, определяют языковые черты высказывания. Высказывание следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык (*langue*) в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляются отношения между говорящим и языком» [там же: 80; Бенвенист 1974: 312].

Главной проблемой становится изучение процесса формирования «я», или «субъективности» как способности говорящего представить себя в качестве «субъекта», то есть как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть «ego», кто говорит «ego» [Benveniste 1966: 259–260; Бенвенист 1974: 293–294]. Основы этой способности заложены в языке: «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, – понятию “Ego”– “мое я”» [Benveniste 1974: 293].

В работах Э. Бенвениста проблема субъективности в языке начала разрабатываться уже в середине XX века. Так, в статье, опубликованной в 1946 году [Benveniste 1966: 225–236] рассматривается структура отношений лица в глаголе и указывается, что отношения между третьим и двумя первыми лицами асимметричны. «В первых двух лицах одновременно выражается лицо и то, что говорится об этом лице. “Я” обозначает того, кто говорит, и одновременно подразумевает высказывание о “я”: говоря “я”, нельзя не говорить о себе. Во втором лице “ты” по необходимости обозначается через “я” и не мыслится вне ситуации, предложенной от “я”; в то же время “я” высказывает нечто как предикат к “ты”. В третьем лице предикат также выражен, но вне сферы “я – ты”; эта форма, таким образом, исключена из отношения, характеризующего “я” и “ты”» [Бенвенист 1974: 262]. Из этого следует, что лицо свойственно только позициям «я» и «ты». Третье лицо является уже в силу своей структуры неличной формой глагольной флексии, то есть они противопоставлены как члены одной корреляции – *корреляции личности* [там же: 263–264]. Но паре я/ты свойственна специфическая корреляция – *корреляция субъективности*. При этом он утверждает, что «я» является *внутренним* по отношению к высказыванию и *внешним* по отношению к «ты», но *внешним* таким образом, который не устраняет диалога между двумя лицами. Кроме того я всегда *трансцендентно* по отношению к «ты». Э. Бенвенист подчеркивает уникальность лиц «я» и «ты» и их взаимобратимость: тот, кого я определяю как «ты», сам мыслит себя в терминах «я» и, обращаясь в «я», превращает мое «я» в «ты». «Ты» определяется Э. Бенвенистом как *лицо не субъективное* («лицо не-я») по отношению к *лицу субъективному*, которое представлено в «я», и эти оба «лица» противопоставляются форме «не-лица» (= «он») [там же: 264–266].

Исследуя далее сущность «субъективности в языке», Э. Бенвенист добавляет, что «осознание себя возможно только в противопоставлении. Я использую я, только обращаясь к кому-то, кто предстанет в моем обращении как *ты*. Подобное диалогическое условие и определяет *лицо*, ибо оно предполагает такой обратимый процесс, когда я становлюсь *ты* в речи кого-то, кто, в свою очередь, обозначает себя как я. [...] Именно в реальности диалектического единства, объединяющего оба термина и определяющего их во взаимном отношении, и кроется языковое основание субъективности» [там же: 294]. Таким образом, нет субъективности без



*интерсубъективности*. Язык рассматривается как *интерсубъективная* совокупность знаков, использование которых подчиняется общим для всех правилам, регулирующим взаимодействие говорящих.

Язык «глубоко отмечен выражением субъективности» [там же: 295]. Языковыми формами, обозначающими «лицо», являются прежде всего личные местоимения «я» и «ты», которые отличаются от всех других обозначений, оформляемых языком, следующим: *они не соотносятся ни с понятием, ни с индивидом* [там же: 295–296]. *Я* может быть определено только в терминах «производства речи» («locution»). *Я* – это человек, который производит данный речевой акт, содержащий *я*; или, другими словами, *я* – это индивид, который производит данный речевой акт, содержащий акт производства языковой формы *я*. Оно действительно только в том единовременном акте, в котором оно производится. Поэтому каждое *я* имеет свою собственную референцию и соответствует каждый раз единственному индивиду, взятому именно в его единственности. Следовательно, *я* не может быть идентифицировано иначе как посредством речевого акта, который его содержит [там же: 286–287]. Рассуждая подобным образом, Э. Бенвенист приводит симметричное определение для *ты*: это индивид, к которому обращаются в данном речевом акте, содержащем акт производства языковой формы *ты*; *ты* означает слушающего в момент индивидуального высказывания, содержащего местоимение «ты» [там же: 286–287]. Таким образом, у местоимений двойная природа: «... они не составляют единого класса, а образуют различные роды и виды в зависимости от того модуса существования языка, знаками которого они являются» [там же: 285].

Помимо личных местоимений, существующих в языке, в становлении субъективности в дискурсе участвуют и другие формы: Бенвенист упоминает временные формы и другие указатели дейксиса («здесь», «сейчас», «завтра», и т.п.), а также так называемые «модусные» глаголы (*croire, supposer, présumer* т.п.), которые, будучи употребленными в первом лице, выражают отношение, которое говорящий принимает относительно своего высказывания: «Погода изменится» – это высказывание «объективное» (или «безличное»), в то время как «Я думаю, что погода изменится» является субъективным актом высказывания (*une énonciation subjective*).

Категория субъективности в языке, представленная Э. Бенвенистом в 60-е годы XX века в рамках теории высказывания (*théorie de l'énonciation*), получает новое развитие в 70 – 80-е годы во французском языкознании, в том числе в рамках интегрированной прагматики (О. Дюкро, Ж.-К. Анскомбр, Ф. Реканати, К. Кербрат-Ореккьони и многие другие).

К. Кербрат-Ореккьони расширяет перечень маркеров субъективности (*subjectiv émes*), выделяя, помимо дейктических единиц (личные местоимения, термины родства, временные формы глаголов, демонстративы, прилагательные, наречия, указывающие на пространственную или временную локализацию), термины, выражающие эмоции и оценку, подробно описывает средства

аксиологической и неаксиологической оценочности, модальности, средства, связанные с выбором наименования, с отбором и иерархизацией информации и т.п., то есть все те средства, которые служат для включения в высказывание-продукт (*énoncé*) субъекта процесса высказывания (*énonciation*). Подчеркивая неоднозначность понятий субъективности/объективности, в книге делается вывод о том, что «субъективность пронизывает все», все дискурсы отмечены субъективностью, но в разной степени различаются по форме [Kerbrat-Orecchioni 1980].

Одна из центральных ролей в лингвистических исследованиях отводится категории субъекта. Как отмечает К. Ажеж, «в последней четверти XX в. постепенно стало очевидным, что интерес к языку есть в то же время интерес к самому человеку, ибо важной характеристикой человека является то, как он использует язык. [...] Говорящий субъект должен постоянно находиться в центре их (лингвистов – ЛПР) внимания, но именно как субъект высказывания, а не как некая абстрактная субъективность, наделенная к тому же способностью говорить» [Ажеж 2003: 225]. И далее он как бы обобщает опыт своих предшественников, утверждая: «... в ситуации диалога человек вступает к себе подобным в некое отношение, и в этом акте совместно принимают участие все компоненты его психологии и его общественной природы, какие только могут найти выражение в данной ситуации. Термин “субъект высказывания” следует понимать в смысле “говорящий + слушающий”, а не в смысле “говорящий – слушающий” как если бы речь шла о двух взаимозаменяемых сущностях. [...] Психо-социальный субъект высказывания есть идеальный субъект, это не мифическое пространство пермутации между говорящим и слушающим, наделенными одинаковыми достоинствами и способностями» [там же: 225].

Одним из основателей французской прагматики является **О. Дюкро**, автор *Введения к французскому переводу Теории речевых актов* Дж. Р. Серля. Историки современной французской лингвистики представляют его как проводника идей англосаксонской и американской прагматики во Франции [Dosse 1992; Fuchs, LeGoffic 1992]. Философ по образованию, он проявляет интерес к проблемам англо-американской философии языка и в начале научной карьеры находится под влиянием идей Строссона, Остина и Серля [Ducrot 1984: 7–8]. Воспитанный на традициях французской гуманитарной науки, О. Дюкро постепенно отходит от многих положений англосаксонской прагматики, считая, что «их понятийный аппарат без значительных изменений неприложим к конкретному и тщательному анализу языков. [...] Преобразование этих концептов в языковые универсалии, как это пытались сделать некоторые приверженцы генеративной грамматики, является типичным случаем этноцентризма» [Ducrot 1986: 6]. Он создает собственную лингвистическую концепцию *интегрированной прагматики* на основе имманентно присущих языку черт, свойств, отношений. Опираясь на положения Э. Бенвениста о сущности языка (*langue*) как *интерсубъективной* совокупности знаков,

О. Дюкро утверждает, что язык содержит «весь набор межчеловеческих отношений, весь список ролей, которые говорящий может сам выбрать для себя и приписать другому. [...] Язык разнообразит межчеловеческие отношения, предоставляя для этого средства и накладывая определенные институциональные рамки в виде правил на формы взаимодействия индивидов. Язык является не только условием, но становится способом социальной жизни» [Ducrot 1972: 4]. Говорящий обладает властью: он навязывает своему партнеру по коммуникации вопрос, приказ, тему, пресуппозиции и т.п., при этом все мысли, которые говорящий может выразить, слушающий способен понять. И если объектом прагматики считаются действия человека в целом, то термином *прагматика* в этой совокупности исследований можно обозначить только те из них, которые относятся к действиям, осуществленным посредством языка, указывающего условия и радиус действия. И этот акт зафиксирован в языке: устанавливая категорию мобильных знаков и формальный аппарат процесса высказывания, язык (*langage*) позволяет каждому объявлять себя субъектом [Ducrot 1980: 7–56; 1984; Anscombre, Ducrot: 1983].

О. Дюкро подвергает сомнению корректность традиционной теории высказывания относительно постулата целостности субъекта высказывания: «одно высказывание – один субъект». Субъект, характеризуясь свойством целостности, является одновременно и автором высказывания и ответственным за то, что в нем говорится. Он совершает необходимую для высказывания психофизиологическую деятельность, является автором и источником иллюкутивных актов, осуществляемых в процессе их произнесения, то есть субъект тот, кто приказывает, просит, утверждает и т.п. В традиционном языкознании говорящему субъекту приписывается свойство – быть обозначенным в высказывании через маркеры 1-ого лица [Ducrot 1984: 189–190].

Адаптируя к лингвистике положения З. Фрейда о конфронтации в структуре личности двух психических сущностей и М.М. Бахтина о дискурсе как вербальном взаимодействии, о диалогизме и полифоническом характере слова, О. Дюкро утверждает *полифонический характер дискурса*, то есть множественность точек зрения, выраженных в одном высказывании. О. Дюкро различает *говорящего* (*locuteur*) и *высказывающегося* (*énonciateur*), отделяя их от эмпирического *говорящего субъекта* (*sujetparlant*), который является производителем дискурса, его физической опорой. Говорящий – это одушевленный субъект, который в значении высказывания представлен как ответственный за его реализацию, это к нему относится местоимение *Я* и другие маркеры 1-ого лица. Как референт личного местоимения *Я*, он принимает на себя ответственность за некоторые (не за все) из языковых актов, занимая место, приписываемое ему прагматической структурой высказывания. Среди ролей, актуализирующих говорящего, О. Дюкро различает *говорящего как такого L* (*locuteur en tant que l*) и *говорящего как некоторого социального субъекта λ* (*locuteur en tant qu'être du monde*). Это

лингвистические субъекты дискурса, анонимные персонажи, «имена ролей», ищущих свое действующее лицо. *L* является ответственным за акт высказывания и рассматривается только как высказывающийся, обладающий этим свойством. Представляет собой человека вообще, свойство которого – быть источником высказывания. Методологический статус этих ролей отличается от статуса говорящего субъекта, поскольку этот последний выявляется из «внешнего» представления речи, чуждого представлению, данному в *énoncé* [Ducrot 1984: 200].

Таким образом, О. Дюкро различает в субъекте, который производит речевой акт, эмпирическую сущность, внешнюю по отношению к любому акту речи, дискурсивную сущность (говорящего), ответственную за высказывание-продукт, и сущность чистого высказывания-процесса (высказывающегося), которая определяет точку зрения высказывания-продукта. Дискурс рассматривается как ансамбль голосов, как наложение высказываний, осуществляющих различные речевые акты «тех, кто высказывается». Любое предложение может быть описано как диалог, грамматическая структура которого схематически представляет сценарий диалога, число высказывающихся и основные направления исполняемой ими роли.

Идею о неоднородности субъекта развивает **П. Шародо** в рамках лингвистики текста и теории дискурса, отталкиваясь от теории полифонии О. Дюкро о говорящем субъекте как носителе многочисленных голосов в высказывании. По его мнению, роль субъекта дискурса, с одной стороны, предопределена условиями различного порядка, с другой – он свободен в выборе в ходе реализации речи. Одновременно он ограничен условиями коммуникативной ситуации, которые принуждают его к определенному дискурсивному поведению, и свободен для проявления индивидуальности. В этой связи становится актуальным изучение субъекта дискурса как явления, необходимого для уточнения статуса, места и положения говорящего субъекта (*locuteur*) с точки зрения его языковой деятельности. При этом его компетенция является теперь не только языковой, но одновременно *коммуникационной, дискурсивной и языковой*.

В этой связи для понимания сложного механизма порождения дискурса П. Шародо предлагает провести различие, во-первых, между субъектом коммуницирующим и субъектом интерпретирующим, которые являются внешними относительно того, что говорится (ситуационный уровень), и, во-вторых, между субъектом высказывающимся и субъектом-получателем, которые характеризуют то, что говорится, изнутри (дискурсивный уровень) [Charaudeau 1988]. В этом проявляется оппозиция *внутренний/внешний* говорящий в дискурсе. Таким образом, любой говорящий субъект, способен иметь два типа идентичности: социальной идентичности и дискурсивной идентичности. Социальная идентичность определяет говорящего субъекта как того, кто берет слово, кто имеет некоторый социальный статус – как коммуникант – и кто обладает коммуникативными намерениями. Дискурсивная

идентичность определяет говорящий субъект как человека, владеющего языком, который выражает себя через осуществление процесса высказывания [Charaudeau 2002: 556]

Вместе с тем, intersубъективный характер общения вынуждает субъекта играть поочередно две разные базовые роли: роль субъекта, который производит речевое действие и его представляет, предполагая, какой может быть реакция его собеседника, и роль субъекта, который получает и должен интерпретировать речевое действие в зависимости от того, что он думает о субъекте, который произвел это речевое действие. Каждая из этих ролей вынуждает субъекта дискурса вносить определенный вклад в осуществление различных операций: кодирование для первого и декодирование для второго, при этом оба производят операции инференции, которые не являются для них идентичными [там же: 554–555]. Следовательно, оппозиция *производство / получение* отсылает к ролям, которые принимают партнеры по вербальному обмену во время его протекания. Последовательно и поочередно они выполняют роль того, кто производит речевое действие, адресуя его другому, и того, кто получает речевое действие и пытается интерпретировать его [там же: 556]. Исходя из такого понимания роли «человека в языке и учитывая многочисленные и часто пересекающиеся употребления номинаций, выявляющих коммуникативные функции «человека в языке», П. Шародо классифицирует роли говорящего субъекта следующим образом [там же: 557]:

Субъект	Позиция производства дискурса	Позиция получения дискурса
Внешний относительно дискурса	отправитель ( <i>émetteur</i> )  говорящий ( <i>locuteur</i> ),  автор ( <i>auteur</i> )	Получатель ( <i>récepteur</i> )  [ собеседник ( <i>interlocuteur</i> ) слушающий ( <i>allocutaire</i> )  [ слушатель ( <i>auditeur</i> ) читатель ( <i>lecteur</i> )
Внутренний относительно дискурса	высказывающийся ( <i>énonciateur</i> )  рассказчик ( <i>narrateur</i> ) идеальный автор ( <i>auteurmodèle</i> )	[ адресат ( <i>destinataire</i> ) слушающий ( <i>allocutaire</i> ) со-высказывающийся ( <i>co-énonciateur</i> )  Адресат ( <i>narrataire</i> ) идеальный читатель ( <i>lecteurmodèle</i> )

Многообразие коммуникативных ролей говорящего субъекта, выделенных П. Шародо, показывает, что «определенные виды нашего поведения – направленные на познание, на социальный обмен, или же свидетельствующие об аффективности – все одинаково связаны (логически несамопротиворечивы), стабильны и индивидуализированы» [Tuțescu 1975: 19]. Языковая реальность предстает как неотъемлемая часть существования человека, и, следовательно, человек *мыслящий – говорящий – слушающий – понимающий* включается в коммуникативный процесс как индивид и как член общества, являясь одной из важнейших характеристик языка. Тем самым обосновывается выявление и описание *субъективности* как фундаментального свойства языка, в основе которого лежит эпистемологический принцип антропоцентризма.

Рассмотрение категории субъективности с точки зрения ее становления во французской лингвистике показало, что доминирующее во французской лингвистической прагматике понятие субъективности является результатом постепенного – по крайней мере с середины XIX века – накопления сведений о роли человека в развитии и функционировании языка и их теоретического осмысления на основе исторически сложившихся традиций усилиями всего научного сообщества, что обуславливает преемственность французской лингвистики.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / К. Ажеж. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; изд. 2-е, стереотипное – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 416 с.
3. Балли Ш. Язык и жизнь / Ш. Балли. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 232 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс 1974. – 360 с.
5. Рыжова Л.П. Истоки прагматической парадигмы во французском языкознании / Л.П. Рыжова. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 2004. – 191 с.
6. Рыжова Л.П. Французская прагматика / Л.П. Рыжова. – М. : КомКнига, 2007. – 240 с.
7. Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. Психология языка / А. Сеше. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 264 с.
8. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 1 / E. Benveniste. – Paris : Gallimard, 1966. – 356 p.
9. Benveniste E. L'appareil formel l'énonciation / E. Benveniste // Langage, 1970. – № 17. – P. 12–18.
10. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, 2 / E. Benveniste. – Paris : Gallimard, 1974. – 288 p.
11. Bréal M. Essai de sémantique. Science des significations / M. Bréal. – Limoges : Lambert Lucas, 2005. – 216 p. (изд. 2-е. – 1897. – 349 p.).

12. Charaudeau P. Une théorie des sujets du langage / P. Charaudeau // Modèles linguistiques. – Lille, 1988. – T. X. – Fasc. 2. – P. 67–78.
13. Charaudeau P. Sujet du discours / P. Charaudeau, D. Maingueneau // Dictionnaire d'analyse du discours. – Paris : Seuil, 2002. – P. 555–557.
14. Charaudeau P. Sujet parlant / P. Charaudeau, D. Maingueneau // Dictionnaire d'analyse du discours. – Paris : Seuil, 2002. – P. 554–555.
15. Concise Encyclopedia of Pragmatics. – Amsterdam – Lausanne – New York – Oxford – Shannon – Singapore – Tokyo : ELSEVIER, 1998.
16. Delesalle S. Vie des mots et science des significations: Arsène Darmesteter et Michel Bréal / S. Delesalle // DRLAV, 1987. – № 36–37. – P. 265–314.
17. Dosse F. Histoire du structuralisme / F. Dosse. – Paris: La Découverte, 1992. – T. II. – 542 p.
18. Ducrot O. Analyse de textes et linguistique de l'énonciation / O. Ducrot et al. // Les mots du discours. – Paris : Minuit, 1980a. – P. 7–56.
19. Ducrot O. Le Dire et le dit / O. Ducrot. – Paris, 1984. – 240 p.
20. Ducrot O. Titres et travaux / O. Ducrot. – Paris : Don à la MSH, 1986a. – 32 p.
21. Fuchs C. Les linguistiques contemporaines: Repères théoriques / C. Fuchs, P. Le Goffic. – Paris : Hachette, 1992. – 158 p.
22. Kerbrat-Orecchioni C. L'énonciation. De la subjectivité dans le langage / C. Kerbrat-Orecchioni. – Paris : Armand Colin, 1980. – 270 p.
23. Leroy E.-B. Le langage. Essai sur la psychologie normale et pathologique de cette fonction / E.-B. Leroy. – Paris, 1905. – 348 p.
24. Merleau-Ponty M. Eloge de la philosophie. Leçon inaugurale faite au Collège de France le jeudi 15 janvier 1953 / M. Merleau-Ponty. – Paris : Gallimard, 1953. – 96 p.
25. Paris G. Compte rendu de Darmesteter. – 1887 / G. Paris // Mélanges linguistiques 1905 –1909. – Fasc. II: Langue française. – Paris, 1906. – P. 281–314.
26. Sperber D. Relevance. Communication and cognition / D. Sperber, D. Wilson. – Oxford : Basil Blackwell, 1986. – 208 p.
27. Thiébaud D. Grammaire philosophique, ou la métaphysique, la logique et la grammaire, réunies en un seul corps de doctrine: en 2 vol. / D. Thiébaud. – Paris : Courcier. – 1802. – Vol. 1. – 348 p.
28. Tuțescu M. 1975 Précis de sémantique française / M. Tuțescu. – București : Editura didactică și pedagogică; Paris : Klincksieck, 1975. – 258 p.
29. Vignaux G. Le discours, acteur du monde: Énonciation, argumentation et cognition / G. Vignaux. – Paris : Ophrys, 1988. – 243 p.

**Рыжова Людмила Павловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета; e-mail: lpryjova@rambler.ru

Когниция, коммуникация, дискурс. –  
2014. – № 8. – С. 120–129.  
<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>  
DOI: 10.26565/2218-2926-2014-08-09

**Развитие науки невозможно без сохранения традиций. Располагая письмами профессора Ивана Павловича Сусова, составители этой публикации посчитали своим долгом познакомить читателей журнала с мыслями выдающегося Ученого и Человека, выраженными им в последние годы жизни в частной переписке, сохранив стиль автора, как дань нашего бесконечного уважения и преданности.**

**И.П. Сусов**

**МЫСЛИ О ЛИНГВИСТИКЕ**  
**(из неопубликованного)**  
**Часть 1<sup>1</sup>**

Сейчас в лингвистике ведутся споры о сущностях и о понятиях/терминах. Каждая нормальная теория – дедуктивно организованная система, где есть понятия исходные, (по математикам<sup>2</sup>) неопределяемые (через другие понятия) и понятия производные (определяемые через другие в рамках ЭТОЙ же системы).

Лучше и полезнее знать теории как системы (логические исчисления). Споры о названиях сущностей (терминах), в принципе, бесполезны. Например, споры о дискурсе. За одним именем часто здесь стоят РАЗНЫЕ СУЩНОСТИ и с ними разные теоретические системы. Это не всегда учёные понимают и зря ломают перья в спорах.

Одинаково звучащий термин в разных теориях? Допустим, соберём в кучу всех мужчин по имени Иван. Представляете картину? Теории – это системы понятий, но не кучи. И как будто одно и то же по названию (!) понятие – это ЭЛЕМЕНТ разных систем. Одноимённый, но не та же позиция в очередной системе!

Язык в структурном плане – система сущностей. Каждая сущность имеет своё собственное место в данной системе. Берём фрагмент какой-нибудь языковой системы. Он может быть моделирован в разных теоретических / концептуальных системах. И один и тот же элемент языковой системы отобразится в разных по интенционалу (и по экстенционалу?) понятиях в разных концептуальных системах.

Лингвистические школы разрабатывают свои МЕТАязыки. Перевод с одного Метаязыка на другой возможен, но не дословный, а описательный. Нужен учёт принципов системологии (общей теории систем) и теории моделирования.



Итак, есть сущности (языковая система) и понятия (концептуальная система). Мы воспитываемся в Харьковском университете и Санкт-Петербургском университете в рамках разных концептуальных систем и через них смотрим на языковую систему. Отсюда наши разные подходы к одним и тем сущностям.

Немного о системах. Во многих языках есть артикуляторная Сущность [a]. Но близкие, но не очень, фонемы типа /a/ – разные не только артикуляторно, но и системно, фологически не одно и то же. У русских, немцев, французов, татар фонемы /a/ разные, с неодинаковыми наборами дифференциальных признаков и разными местами в разных фонологических системах.

Невозможно знать ВСЁ без призмы одной или ряда теорий, понять сущность сущностей, минуя искривляющие картину выпукло-вогнутые линзы зеркал-понятий. Без Разума (концептуальных систем как его принадлежностей и даже без линз обыденных, ненаучных воззрений) до сущностей не добраться.

Как пройти к выяснению сути сущностей? И она, и весь наш опыт говорит: Через Эксперименты, через попытки Эмпирической верификации имеющихся теорий или и/или так называемого Здравого смысла.

Сущность (*entity*), по Фёдору Ивановичу Соссюру<sup>3</sup> (так шутили в наши аспирантские годы), – это единица. Она как бы сама по себе. Язык – система сущностей, единиц. Соответствует ли ей в голове понятие / концепт?

Теория – система понятий, концептуальная система. Её единица – понятие. Но объектом понятия не является же одна, отдельно взятая фонема или морфема! Теория (в серьёзном смысле) – это модель, то есть мыслительное построение для отображения объекта (скажем, языка). Модель может быть более абстрактной и более конкретной. Но всякая модель отображает / репрезентирует объект только в терминах абстрактных признаков, а не единиц. Она система-интенционал. И отображается в ней каркас объекта. Таков принцип структурализма.

Фонема и понятие? Фоны (однократные речевые события) отображаются в индивидуальных представлениях, поступающих на вход рецептора слуха. В мозгу и разуме и происходит идентификация данного звука путём соотнесения с той или иной фонемой как классом фонов (экстенционалом) и как типом (набором признаков, интенционалом). Но пока не говорят о ПОНЯТИИ фонемы /a/ в современном стандартном русском языке.

Внутри себя, фонема – множество фонов и аллофонов как классов фонов с позиционными и комбинаторными особенностями. Вне себя, фонема – единица сегментного сектора фонологической системы языка. Эта система и моделируется (как класс и как тип). Отображаются в модели / теории наиболее общие основания разбиения на гласные, согласные и что-либо промежуточное (укр. /y/), основания дальнейших разбиений. Понятие *фонема* –

элемент системы фонем. Понятия и концептуальные системы, теории – не в языке, а в голове.

Научные понятия – итоги сознательного конструирования (конструкты). А о донаучных понятиях – см. работы А. Потебни, Л. Выготского, Ж. Пиаже<sup>4</sup>.

Речевой акт как однократное событие (Ф. де Соссюр, дескриптивисты<sup>5</sup> со своим (*utterance*)). Речевой акт как множество индивидуальных речевых актов (единица-класс) и как множество классообразующих признаков (единица-тип). Индивидуальный речевой акт оставляет впечатление на входе в мозг.

Речевой акт как класс и как тип – это уже понятие (бытовое или научное). Речевой акт вне себя – единица системы речевых актов. Внутри себя – тот или иной алловариант (таксоны Дж.Р. Сёрла – типы речевых актов<sup>6</sup>).

Вне себя, речевой акт противостоит не-речевому акту, например, дискурсу (упорядоченному линейно и вертикально множеству речевых актов), в другом измерении – предложению.

Речевой акт как единица-событие (экземпляр, по Ю.С. Маслову<sup>7</sup>). Один из членов множества, то есть единицы-класса и единицы-типа. Только однократный, конкретный речевой акт обладает определённой интенцией, имеет определённое словесное окружение и определённый контекст ситуации общения, своё вертикальное строение (риторическую структуру, по У. Манну<sup>8</sup>). Только он эксплицитен или имплицитен! Абстрактный речевой акт лишь объединяет (по принципу подобия или семейного сходства) всё множество индивидуальных речевых актов или некоторое подмножество в рамках всего множества речевых актов.

У абстрактного речевого акта – типизованная интенция, типизованное словесное окружение и типизованное ситуативное окружение, типизованные свойства имплицитности и эксплицитности и т.д.

Объект теории речевых актов – абстрактный речевой акт. Индивидуальные примеры иллюстрируют индивидуальные речевые акты, подводимые под абстрактный речевой акт (понятие / концепт).

Я скорее за допущение РАЗНОимённости. Пониманию у умного лектора и автора не мешает. ОДНОимённость и вредна. Это рекомендую и своим.

Моя градация прагматических значений (очередное включает в себя предыдущее):

1. интенциональное >
2. персуативное >
3. фигуральное / не прямое >
4. имплицитное (= имплицатура).

Меня устаривают формулы-коньки стандартной теории: По Дж.Л. Остину<sup>9</sup>, Иллокуция + ПЕРлокуция, по Дж.Р. Сёрлу<sup>10</sup>, Иллокуция + Пропозициональное содержание + Перлокуция. Устаривают слова Установка (говорящим слушающего на разговор о таком-то положении дел) и Цель

(сообщение говорящего а) о виде передаваемой информации – просьба, совет и т.п., б) о персуативной направленности данной информации).

Нравится принцип Автороцентризма / Эгоцентризма, мною он проводится. Значение естественное узуально, значение говорящего окказионально (почти Г. Пауль<sup>11</sup>, до Соссюра ещё).

К уравниванию Прагматическое = Интенциональное = Значение говорящего я добавляю Значение-событие (однократный акт, Соссюр), Значение-употребление (*token*, а не *type*). В данном месте, в данном положении дел, в данной единой, согласованной участниками практической цели (совместно ожидаемом конечном результате). П. Грайса<sup>12</sup> тоже можно, не отвергая, переформулировать.

Высказывание – не только объект, но и действие. Но во французском языке это разные слова<sup>13</sup>.

Всё в равновесии и согласии. Различны лишь слова. Что же я тогда ищу? Заполнения пропусков. Это позволит точнее рассматривать разные риторические фигуры и не выбрасывать за окно (из прагматики) метафоры, гиперболы, параболы, иронию, намёки, шутки, остроты и т.д. Вот и конституирую (как теоретик) промежуточные ступени.

Есть мысли и о предложении. Это ведь зародыш речевого акта. Предложение – единство формы (означающего) и содержания (означаемого). В билатералистской концепции – знак. Всё речеактовое развёртывается в плане его содержания, то есть на базе предложения. Предложение – многоуровневый знак. Его конститuentы – знаки с такими означаемыми, как понятия / концепты. Базовое в содержании предложения – суждение / пропозиция (моя реляционная структура). На самом верху актуализационная структура (= прагматический уровень). Есть ещё вопросы о соотношении рационального (логического) и психологического (переживания, эмоции, оценки и пр.).

Лингвистика – Знание об устройстве вербального орудия, Прагматика – Знанием об использовании этого орудия. Лингвистика занимается единицами (фонемами, морфемами и т.д.). Она различает: в дескриптивистике единицы как *types* и как *tokens* (фонемы и фоны, морфемы и фоны); единицы-классы и единицы-экземпляры (Ю.С. Маслов<sup>14</sup>) или единицы/типы / единицы-классы (см. мой учебник<sup>15</sup>) и единицы-события. Итак, два уровня: эмический и этический.

Единица-класс – бесконечное множество событий (однократных реализаций эмической единицы). Фоны в классе реализации определённой фонемы неисчислимы. То же и морфы в классе реализаций данной морфемы.

Понемногу для себя через три десятка лет ревидирую свою теорию семантической структуры предложения. В 70-х гг. у нас слово «пропозиция» официально не пропускалось в лингвистике, мы не должны (!) были знать о релятивной логике и следовать, в основном, аристотелевской атрибутивной

концепции суждения (тема тех лет у нас: предложение и суждение – субъектно-предикатная структура, состоящая из понятий).

Не у нас просто говорили о пропозиции как значении предложения. У нас многоместную структуру «предикат + аргументы» в основу описания значения предложения тогда как раз и положили Кацнельсон, Сусов, Богданов<sup>16</sup>.

Но Сусов построил трёхуровневую модель значения предложения: от осмысления внеязыковой ситуации как ансамбля признака и образующих его окружение предметных величин 1) к реляционным структурам (нечто типа пропозициональных структур с предикатами разных рангов). На реляционные структуры я наложил 2) предикационную структуру (субъект как начало семантико-грамматической перспективы предложения + предикат с ядром и объектными членами), т.е. на новую логику наложил старую. Над предикационной структурой я надстроил 3) уровень актуализаторов (модальность, темпоральность и т.д).

Процесс порождения проходит путь от предложения абстрактного к предложению актуальному (высказыванию). В дальнейшем у нас и за рубежом развивались исследования только пропозиционального уровня семантической структуры предложения. Ещё для Соссюра, Брёндаля, Ельмслева, Гардинера, да и Москальской какого-то периода, предложение считалось единицей речи, а не единицей языка. Историю подходов надо учитывать.

Моя докторская диссертация 1973 года рассматривает многоуровневую семантику предложения с препозитивным фундаментом. Лучше всех в 70-е гг. мою теорию поняли Кацнельсон, Богданов, Ревзин, Арутюнова. Теперь она явление истории, модернизации не выдержит. Да это и не нужно. Надо построить новую.

Смысл предложения не стоит считать концептом. Концепт элементарен. А семантическая / смысловая структура предложения многоуровневая и многокомпонентна. Концепту здесь негде прилепиться (разве что при описании реляционной структуры).

Семантическая структура – означаемое предложения, она – вторая сторона предложения. А означаемое – в разуме, ментально. Мы это тогда исследовали, а сегодняшние концептологи переклеивают бирки. Синтаксический концепт? А что это на фоне многомерной, глобальной теории Сусова? Когнитивной она была и тогда (без новых нарядов).

В разуме / уме нет перегородок между ментальными сущностями и процессами по типу лексика, синтаксис, морфология, фонология, прагматика, языки жестов и взглядов! Это уровнем ниже! А.А. Романов и С.А. Сухих в унисон, хотя и независимо друг от друга, смеются: «Синтаксический концепт? Иван Павлович, но у Вас в докторской диссертации и монографии 1973 года это называлось СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРОЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ!». Переклеены ярлыки, нового даже на один бутерброд не хватит!

На языкознание я смотрю как историк этой науки. В прогнозах ошибаюсь редко. Разобрался с концептами, а теперь с грустью смотрю на них.

Русская когнитивная лингвистика растворилась в концептологии. В итоге она больна по всей стране концептовитом (от старого профессора и до зелёной аспирантки!). В семантике значение именуют по-новому – концептом. Семантическое поле прозвали теперь концептосферой. Магия терминов.

На самом деле, это хорошо забытое старое. Настоящая лексическая структурная полевая семантика, несколько психологизированная и социологизированная. Думаю, что в лингвистике концептуальный бум на исходе.

Мы занимаемся в меру необходимости мыслительными (по-русски, ментальными, когитивными (без Н) процессами и сущностями (значениями, понятиями или концептами, пропозициями и т.п. ).

С одной стороны, мы отталкиваемся от толкования слов в вербальной и вообще любой знаковой репрезентации. Это как раз наша родная когнитология с её спекулятивными, экспериментально неverified, чисто кабинетными построениями.

С другой стороны, всякие когитивные сущности порождаются мозгом (нейрофизиологическими механизмами) в итоге восприятия и переработки данных мира опыта.

Когнитивистика (различаем *cogito* и *cognito*<sup>18</sup>) пришла к нам на плечах компьютера – аналога мозга. Я не представляю себе, как можно сегодня без компьютера моделировать порождение концептов, понятийное смешение, понятийные / концептуальные поля и т.п. и т.д. Без экспериментальной проверки концептологических гипотез. Вместо арифмометра считать на пальцах или по зарубкам на деревьях? Компьютер – главный инструмент когнитивиста. Без обращения к экспериментам концептология не есть когнитивная дисциплина. Только семиотическая.

В когнитивистике должны занять своё место философия познания, нейрофизиология, психология познания, искусственный интеллект. В искусственном интеллекте тон, в основном, задают лингвисты (теоретики и экспериментаторы). Их рабочий инструмент – компьютер. Ведь когнитивизм и когнитивистика пришли к нам на плечах компьютера – искусственного аналога мозга. Когнитивист исследует 1) восприятие и переработку мозгом данных опыта и порождение мозгом мыслительных сущностей (например, концептов), их связей друг с другом и 2) способы знаковой репрезентации содержания мыслей. Без этапа 2) концептология / концептика / концептивистика не вправе претендовать на звание когнитивной.

А этого как раз нет в нашей России. Есть зато в США (концептуальный анализ Р. Шенка, Дж. Лакоффа, Ж. Фоконье, М. Тёрнера<sup>19</sup> и др.). Для практики

такой путь бесконечно важен. А наши концептоманы сейчас всё больше уходят в культурологию и по существу не опираются на серьёзную когнитивную базу.

У меня за плечами изучение кибернетики, математической лингвистики, искусственного интеллекта, всего ряда версий порождающих грамматик. Это мне помогает. В план подготовки когнитивиста должны входить названные выше дисциплины.

Есть два вида знаний – базовые и производные. Первые – продукт познания эмпирического, опытного, чувственного: от реальности, данных и фактов. Методы, в основном, индуктивные.

Мы познаём мир, получая впечатления, через зрение, слух, осязание, вкус, обоняние, ощущения положения в пространстве. От наблюдений к обобщениям, классификациям.

Знания производные – рассудочные, выводные. Источники – имеющиеся знания, теории. Основные методы – дедуктивные, точнее, гипотетико-дедуктивные (моделирование, челочные процедуры и т.п.).

А вот встречаются факты, которые лучше объясняются вот так... Возможно и иное толкование...

Язык – это существующий вне исследователя объект. Он не дан прямо, а через призму того или иного учёного. Физики говорят об ошибках прибора. Ищем, почему и как разные призмы / приборы искажают восприятие объекта. Это философия неопозитивизма, так называемый физический идеализм, ставящий под сомнение адекватность каких-то выводов. Родилось это в философии с рождением физики элементарных частиц. Так хоронили физику Ньютона.

У нас идеологи возмущались релятивизмом. В мягкой форме, релятивизм есть и в познании языка. Отсюда множество теорий. Смотришь слева – одно. Справа другое. Фортунатов не похож на Потеню и т.д. Истина и у одного, и у другого честного исследователя.

В жизни: А это как посмотреть. Не цитации чужих мнений, а поиски своего объяснения. Наука – чудесная профессия. Концепция учёного – его личная призма. Помутнела – твори новую. Больше сомнений в исследовании своего объекта. Не всегда верь другому. Говорят ведь, факты – воздух учёного. Запутался в объяснениях – назад, к фактам.

### Примечания

- <sup>1</sup> Статья составлена Л.Р. Безуглой по материалам личной переписки с И.П. Сузовым. В дальнейшем – примечания редактора-составителя.
- <sup>2</sup> Об этом см., например: Никольская И.Л. Факультативный курс по математике. 7–9 / И.Л. Никольская. – М. : Просвещение, 1991. – С. 356–363. – 383 с.
- <sup>3</sup> См.: Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.
- <sup>4</sup> См.: Потеню А.А. Мысль и язык // Потеню А.А. Слово и миф. – М. : Правда, 1989. –

- С. 17–200; Выготский Л.С. Исследование образования понятий: методика двойной стимуляции / Л.С. Выготский, Л.С. Сахаров // Хрестоматия по общей психологии. Выпуск III. Субъект познания / Ответственный редактор В.В. Петухов, редакторы-составители Ю.Б. Дормашев, С.А. Капустин. – М., 1998. – С. 194–203; Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. – СПб. : Питер, 2004. – 160 с.
- <sup>5</sup> Дескриптивизм (американский структурализм) – направление американской лингвистики 1920–1950-х годов. Основоположителем дескриптивизма и его главным теоретиком считается Л. Блумфилд.
- <sup>6</sup> См.: Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Серль Дж. ; [пер. с англ. В.З. Демьянкова] // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17 [Теория речевых актов]. – С. 170–194.
- <sup>7</sup> См.: Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М. : Высшая школа, 1987. – 272 с. (Язык и речь, §10).
- <sup>8</sup> См.: Mann W. Rhetorical structure theory and text analysis / Mann William, Matthiessen Christian, and Thompson Sandra A. // Discourse Description. – Amsterdam : Benjamins, 1992. – P. 39–78.
- <sup>9</sup> См.: Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин ; пер. с англ. А.А. Медниковой // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17 : [Теория речевых актов]. – С. 22–130.
- <sup>10</sup> См.: Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? / Дж.Р. Сёрл // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Сёрл ; пер. с англ. И.М. Кобозевой. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – С. 56–74.
- <sup>11</sup> См.: Пауль Г. Принципы истории языка / Германн Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 500 с.
- <sup>12</sup> Имеется в виду теория имплицатур Г.П. Грайса: Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16 [Лингвистическая прагматика]. – С. 217–250.
- <sup>13</sup> Различие высказывания-процесса и высказывания-продукта эксплицируется во французском языке разными лексемами: *énonciation* – *énoncé*.
- <sup>14</sup> См. примечание 6.
- <sup>15</sup> Имеется в виду учебник «Лингвистическая прагматика»: Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова книга, 2009. – 272 с.
- <sup>16</sup> См.: Кацнельсон С.Д. Заметки о падежной теории Ч. Филлмора / С.Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1988. – № 1. – С. 110–117; Сусов И.П. Семантическая структура предложения / Сусов И.П. – Тула : Изд-во Тульского пед. ин-та им. Л.Н. Толстого, 1973. – 142 с.; Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 280 с.
- <sup>17</sup> См.: Сусов И.П. Семантическая структура предложения. – Тула : Изд-во Тульского пед. ин-та им. Л. Н. Толстого, 1973. – 142 с.
- <sup>18</sup> Лат. *cogito* – ‘мыслю’, *cognito* – ‘познаю’.
- <sup>19</sup> См.: Шенк Р. Обработка концептуальной информации / Р. Шенк ; пер. с англ. – М. : Энергия, 1991. – 360 с.; Lacoff G. More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lacoff, M. Turner. – Chicago, L. : Univ. of Chicago Press, 1989. – 230 p., Fauconnier G. Metaphor, Metonymy, and binding / G. Fauconnier, M. Turner // Metaphor and metonymy in comparison and contrast / ed. by René Dirven; Ralf Pörings. – Berlin, New York : de Gruyter, 2003. – P. 477–478.

И.П. Сусов

**МЫСЛИ О ЛИНГВИСТИКЕ**  
**(из неопубликованного)**  
**Часть 2<sup>1</sup>**

У меня нет застывшей концепции. Я всё время в движении. Против авторитарности и особенно против догматизма. Петербургская лингвистическая школа. Моя линия: Бодуэн – Щерба – Зиндер – Сусов. Близок к Кацнельсону. Через эту призму я и читаю Соссюра, Ельмслева, Хомского, Бенвениста, Мельчука, Апресяна, Арутюнову, Почепцова, Вежбицкую, ну и Кубрякову с А.А. Леонтьевым. Для меня Щерба дороже А.А. Леонтьева. Через Кацнельсона читаю лингвистику 19 века. Включая Потебню. Себя всё время ревизую (за это мне нравится Хомский). Преклоняюсь перед своим великим учителем Л.Р. Зиндером. Он по малейшему моему или других слову либо нас убеждал именно в своей правоте (не авторитарно!), либо перед студентами же принимал их взгляд и придавал лекции новый поворот. Он терпеть не мог выступлений по бумажке (текст – это омертвевшая мысль, а истинная лекция – мысль ЖИВАЯ). Вот и я так читал лекции, без бумажек. Бывало, что и пересматривал свои идеи под напором контрагументов и новых фактов, приводимых слушателями или из проблеска другой идеи в моей голове.

...Я воспитывался в кругу продолжателей Л.В. Щербы, у Льва Рафаиловича Зиндера, а здесь не в чести было провинциальное поклонение культу живых и очень человеческих, великих мыслью и нередко очень смешных в обыденных делах. В нашей аспирантской среде разговоры о наших великих чаще были шутливыми и даже ироничными. Виктор Максимович Жирмунский, эта ГЛЫБА в германистике, тюркологии, немецком романтизме, мог выглядеть по-человечному в шутках наших о его молодой жене Н.А. Сегал (Жирмунской) или по поводу его недовольства нашей научной сменой, которая в Германии 50-х – 60-х годов не сидела рядом с ним в библиотках над пыльными томами, а увлекалась немецкими блондиночками (Зиндер: «Виктор Максимович своё отгулял там в молодости»; Жирмунский в Германию был послан на стажировку для приготовления к профессорскому званию ещё в 1912 г.). И рукопожатие Виктора Максимовича при посещении его лекций по диалектологии, стилистике и общему языкознанию я принимал с не меньшим трепетом. Мы в лекторе видели и его человеческие черты. А анекдотическое повествование о том, как капитан Л.Р. Зиндер, майор С.Л. Кацнельсон, майор А.В. Фёдоров, сдавали в Военном институте иностранных языков экзамен по немецкому языку начальнику кафедры полковнику О.И. Москальской, рыжеволосой грозной красавице, не прятавшей свои роскошные волосы под папахой, с мелочами, кто кому и как подсказывал, – всё это не умаляло нашего к ним почтения.



А знаете ли Вы, как студенты и аспиранты МГПИИЯ шутили об И.Р. Гальперине? У И.Р. Гальперина близким в далёкой молодости другом был В. Маяковский. И многие годы И.Р. на лекциях цитировал эпиграмму Маяковского: Илья Романыч Гальперин – гроза супружеских перин! Но аспиранткам и студенткам палец в рот не клади! Они и заявили И.Р. Гальперину новом варианте эпиграммы: Илья Романович Гальперин – не гроза, а старый мерин! Илья Романович тоже смеялся. Вот такое можно было бы присоединить к лекциям! Наши слушатели во сто раз больше возлюбили бы лингвистику – не сухую, зашоренную, а живую человеческую науку.

Что делал я у себя, придя на кафедру общего языкознания Калининского университета в 1976 г.? Заставил работать на имидж кафедры всех, особенно аспирантов. Мы выступали везде в коллективе и в итоге через несколько лет стали одним из влиятельных научных центров в Союзе. Вместе с нами в СССР рождалась лингвистическая прагматика. Моё имя делал не только я, а все мы. Но я не прогибался перед властью имущими ни у себя, ни в нашей любимой лингвистике. Вёл себя как равный с равными. И дипломатические отношения строил на этой основе.

Я понимаю Ваши трудности <в организации науки – *ред*>. Только не поддавайтесь панике, не будьте мнительны. Есть рядом пассивные? А как же и где же иначе? Не занимайте позицию только обороны. Самая лучшая оборона – это наступление! Не забывайте и о ещё несозревших Ваших учениках. Это Ваш недоиспользованный резерв силы.

Конечно, мы теперь разные страны, к моему великому сожалению, и Киевская Русь не то что забывает об общих корнях с Московской Русью, но и само-то слово Русь избегает лишней раз произносить. Но это политика, её можно оставить в стороне. Положимся на умные головы.

Мимоходом мы заговорили о парадигме в лингвистике. Вы не заметили скептических высказываний С.Д. Кацнельсона и публикаций Сусова, где я говорил о взаимопереплетении парадигм – «традиционной», генетической, структурно-системной, генеративной, деятельностной? Развивается лингвистика, создается торт Наполеон. Очередной верхний слой впитывает многое из ниже лежащего и обуславливает в нём определённые модификации. Допустим, мы берём (можно даже голыми руками, без ложечек!) структурный (в европейском понимании) и генеративный слои как двуединство. Формируется (в продолжение европейских традиций) новый, функциональный слой. Мы учили в вузе темы «Язык и мышление» и «Язык и общение» (имена могут быть разные!). Функциональная макропарадигма имеет две ипостаси: коммуникативную (с прагмалингвистикой как ингредиентом) и когнитивную.

Вы <в Харькове – *ред*> работаете в сфере функционального языкознания, где сегодня имеет место ФУЗИЯ коммуникативного и когнитивного. Вы <.. > видите

в нем частичку фузионной коммуникативно-когнитивной лингвистики, которая может стать слоганом Харьковской школы функциональной лингвистики.

Можно поставить знак равенства:

Парадигма Деятельностная = Функциональная = Коммуникативно-когнитивная.  
 Мотто языкознания Генетического – РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА (процесс),  
 языкознания Структурного – ИНВАРИАНТНОСТЬ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА,  
 языкознания Функционального / Коммуникативно-когнитивного –  
 ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОВОРЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА.

...Есть ДВЕ ПРАГМАТИКИ. Вы говорите о прагматике когнитивной (интенциональной) и «обычной» (акциональной). Зарождалась прагматика сперва как акциональная (Д. Дьюи, Ч. Пирс, У. Моррис, Дж. Остин, Дж. Сёрл – не без сильного влияния великого Л. Витгенштейна), а второе начало, ИМПЛИКАТИВНОЕ / ИМПЛИКАЦИОННОЕ (так лучше, точнее – *said* > *imlicated*), присутствовавшее у Остина и Сёрла изначально), заняло почётное место в прагматике благодаря П. Грайсу.

Эта двойственность меня мучила давно, даже в не изданной по воле коммерсантов Лингвистической прагматике.<sup>2</sup> Склонен отдать приоритет деятельностному началу: имплицитирование – это тоже действие.

А вот атрибут «когнитивная» я не стал, говоря по-мужицки, «присобачивать». Пусть будут два ВЕКТОРА – акциональный и импликационный, соответственно, две ипостаси ЕДИНОЙ прагматики (в зависимости от акцента).

Я говорю об имплицитивном или импликационном, чтобы подчеркнуть компонент «действие», тогда как за словом «имплицитивный» прячется результативное, застывшее.

Импликационное и акциональное не рядомположены. Прагматика ВСЯ акциональна. Но верхний слой (надстроечный) импликационен, здесь волей ДЕМИУРГА дискурса (есть у меня об этом статья) создаётся в качестве продукта деятельности имплицитное (например, метафорические, иронические и т.д.). Базовый слой не импликационен, здесь творятся буквальные / неимплицитные / эксплицитные высказывания. Имплицитур выше эксплицитур.

Я изложил своё. Я из тех, кто может прогибаться под тяжеловесами, но полностью не прогибается и не ломается! Призываю и Вас быть такими же.

Потом продолжим наш разговор. Сейчас рекламная пауза...

#### Примечания

<sup>1</sup> Статья составлена И.С. Шевченко по материалам личной переписки с И.П. Сусовым. <...> – примечания редактора-составителя.

<sup>2</sup> Речь идет об учебнике И.П. Сусова, присланном им в электронном виде И.С. Шевченко после тщетных попыток его издания в Москве. Книга была подготовлена к публикации в Харькове и издана в Украине: «Лингвистическая прагматика»: Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова книга, 2009. – 272 с. Иван Павлович успел получить тираж к последнему дню своего рождения.

УДК 811.111-112:81'371

## **КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА СКРОМНОСТИ**

**(на материале англоязычного дискурса)**

**В.А. Турченко (Харьков, Украина)**

**В.А. Турченко. Когнитивно-коммуникативные свойства СКРОМНОСТИ (на материале англоязычного дискурса).** В статье предлагается методика анализа этического лингвокультурного концепта – регулятива коммуникативного поведения, каким является СКРОМНОСТЬ, в неразрывном единстве когнитивного и коммуникативного подходов. С ее помощью последовательно установлены лексические средства его объективации в английском языке и метафорическая актуализация в дискурсе; охарактеризован понятийный, ценностный, образный составляющие концепта и его признаки как члена понятийной категории ДОБРОДЕТЕЛЬ; структурировано семантическое пространство номинации концепта; схематизирована фреймовая структура концепта СКРОМНОСТЬ; описана реализация СКРОМНОСТИ в стратегиях и тактиках вежливости викторианского дискурса.

**Ключевые слова:** концепт коммуникативного поведения, когнитивно-коммуникативный подход, методика, скромность, фреймовая структура, стратегия вежливости.

**В.О. Турченко. Когнітивно-комунікативні властивості СКРОМНОСТІ (на матеріалі англомовного дискурсу).** У статті пропонується методика аналізу етичного лінгвокультурного концепту-регулятива комунікативної поведінки, яким є СКРОМНІСТЬ, у нерозривній єдності когнітивного та комунікативного підходів. З її допомогою послідовно встановлено лексичні засоби його об'єктивції в англійській мові та метафорична актуалізація в дискурсі; схарактеризовано поняттєвий, ціннісний, образний складники концепту і його ознаки як члена понятийної категорії ДОБРОЧЕСНІСТЬ; структуровано семантичний простір номінації концепту; схематизовано фреймову структуру концепту СКРОМНІСТЬ; описано реалізацію СКРОМНОСТІ в стратегіях і тактиках ввічливості вікторіанського дискурсу.

**Ключові слова:** концепт комунікативної поведінки, когнітивно-комунікативний підхід, методика, скромність, фреймова структура, стратегія ввічливості.

**V.A. Turchenko. Cognitive and communicative properties of MODESTY (based on the English-language discourse).** The paper proposes a method of analysis of ethical linguocultural concept – a regulator of communicative behavior MODEST as an inseparable unity of the cognitive and communicative approaches. The method provides a base for coherent stages of analysis enabling to state lexical means of nominating the concept in English and its metaphorical actualization in discourse; to characterize conceptual, evaluative, image components of the concept and its properties as a member of the conceptual category VIRTUE; to structure the semantic space of the concept nominations; to schematize a frame structure of MODESTY; to describe the implementation of MODESTY in politeness strategies and tactics of Victorian discourse.

**Key words:** concept of communicative behavior, cognitive-communicative approach, methodology, modesty, frame structure, politeness strategy.

**Вводные замечания.** Современная когнитивно-дискурсивная парадигма лингвистики [Кубрякова 2004] декларирует доминирование единого когнитивно-коммуникативного подхода, однако на практике в лучшем случае имеет место механическое соединение двух начал в одном исследовании. Данная статья предлагает ингерентно связанную когнитивно-коммуникативную методику изучения концепта на примере наиболее релевантного для этих целей концепта СКРОМНОСТЬ. Как концепт-регулятив коммуникативного поведения (термин см. [Шевченко 2013]), одновременно ментальный и коммуникативный феномен, СКРОМНОСТЬ в английской языковой картине мира впервые рассматривается нами в неразрывном единстве его ипостасей.

Исследования лингвокультурного концепта СКРОМНОСТЬ на материале разных языков и культур [Заика; Кошманова; Мушаева] позволили установить ряд его национально-культурных особенностей, определить презентационную и регулятивную сущность, однако не раскрыли структуру концепта, внутренние связи его элементов, его категориальную сущность.

Будучи лингвокультурным концептом, СКРОМНОСТЬ трансформируется с развитием социума, культуры и системы языка. Необходимость проследить культурно и исторически обусловленные особенности этого концепта – неотъемлемого компонента МОРАЛИИ – также обусловила выбор объекта и задачи его исследования.

В целом, актуальность работы определяется тем, что лингвокогнитивные характеристики концепта СКРОМНОСТЬ как одной из этических доминант английской культуры рассматриваются с позиций современного когнитивно-коммуникативного подхода, тем самым это способствует разработке когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Для решения конкретных задач исследования – выявления когнитивно-коммуникативных характеристик концепта СКРОМНОСТЬ: его места в английской языковой картине мира, особенностей вербализации в системе языка и актуализации в викторианском дискурсе XIX века, когда эта моральная добродетель приобретает наивысшую на протяжении истории значимость, материалом послужили 62 лексемы-номинации концепта СКРОМНОСТЬ, фразеологизмы (паремии), а также высказывания различного лексического наполнения, служащие реализации СКРОМНОСТИ в стратегиях вежливости, отобранные из лексикографических англоязычных источников и художественных текстов.

Предлагаемая комплексная когнитивно-коммуникативная методика сочетает семасиологический и ономасиологический подходы. Алгоритм анализа включает последовательное установление (а) понятийно-ценностной основы концепта СКРОМНОСТЬ (по сумме энциклопедических знаний и семантике номинаций концепта, в т.ч. по этимологическому слою концепта), (б) исходя из понятийно-ценностной составляющей концепта – определение его категориальной принадлежности и места в категории ДОБРОДЕТЕЛЬ, (в) выявление имени концепта и семантического пространства его номинаций-

синонимов, на базе чего (г) моделирование когнитивной структуры концепта; (д) определение образной составляющей концепта, (е) способов актуализации СКРОМНОСТИ в стратегиях и тактиках дискурса.

**Понятийные характеристики СКРОМНОСТИ.** Будучи концептом этики, СКРОМНОСТЬ регулирует коммуникативное поведение в соответствии с моральными нормами эпохи, а значит испытывает историческое варьирование. Понятие СКРОМНОСТЬ (ведущий когнитивный признак «умеренность» – моральное качество, противоположное кичливости и высокомерию), принадлежащее к кардинальным добродетелям, которые служат регулятивами человеческого бытия, в европейской этике и психологии восходит к античным кардинальным добродетелям и дополняется в христианстве аспектами чистоты и кротости. Концепт – регулятив СКРОМНОСТЬ служит регулированию коммуникативного поведения в соответствии с нормами эпохи, воплощает моральные (юридически нефиксированные) ценности, реализуется в рационально осознанном контролируемом поведении, является облигаторным с точки зрения социальных требований и закрепленным за определенными ситуациями дискурса.

В целом СКРОМНОСТЬ – регулятивный концепт коммуникативного поведения, отраженная в сознании индивида модель коммуникативного поведения в соответствии с закрепленными в стереотипах этики нормами морали определенного лингвокультурного социума. Концепт СКРОМНОСТЬ вербализуется словом и словосочетанием и актуализируется в дискурсе преимущественно стратегиями вежливости – высказываниями, а также воплощается в неязыковых формах социального взаимодействия.

**Категориальные характеристики СКРОМНОСТИ.** В картине мира концепт СКРОМНОСТЬ относится к сегменту МОРАЛЬ и является членом категории ДОБРОДЕТЕЛЬ, которая фиксирует надличностную сущность МОРАЛИ, выражает индивидуализированные принципы и нормы поведения человека. Понятийная категория охватывает элементы (концепты) с разной степенью уподобления [Сгизе 1990; Баккой" 1987]. Категория ДОБРОДЕТЕЛЬ образована концептами, объединенными классификатором, включающим признаки морального совершенства, противостояния пороку и умеренности как способа достижения совершенства.

Понятийная радиально-цепочечная категория ДОБРОДЕТЕЛЬ объединена классификатором «умеренность» и моделируется как единство трех субкатегорий ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ТРАДИЦИОННО-ЭТИЧЕСКИЕ и СОЦИАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ, профилированные в пределах доменов РЕЛИГИОЗНО-ЭТИЧЕСКОЕ и СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКОЕ с последующими расширениями, которые частично пересекаются:

- субкатегория ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ включает концепты ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ;
- субкатегория СОЦИАЛЬНЫЕ ДОБРОДЕТЕЛИ включает концепты БЕРЕЖЛИВОСТЬ, ТРУДОЛЮБИЕ;

- субкатегория ТРАДИЦИОННО-ЭТИЧЕСКИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ включает концепты МУДРОСТЬ, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СИЛА, УМЕРЕННОСТЬ.

Концепт СКРОМНОСТЬ вместе с концептами МИЛОСЕРДИЕ, РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ, САМОКОНТРОЛЬ находится на более низком, базовом уровне категоризации и является расширением УМЕРЕННОСТИ в последней субкатегории, будучи через нее связан с иными взаимно пересекающимися субкатегориями. В свою очередь СКРОМНОСТЬ порождает два других радиальных расширения – концепты ПОКОРНОСТЬ и СМИРЕНИЕ.

В викторианской картине мира добродетель СКРОМНОСТИ имеет двойную природу: в светском сегменте она определяется моральными нормами эпохи, которые, в свою очередь, исторически коренятся в религиозном сегменте картины мира. Викторианская эпоха формирует основы этики, которые составили кодекс поведения и леди, и джентльмена, легли в основу коммуникативно значимых традиций английской лингвокультуры, в частности, принципа вежливости. Они предусматривают максимы великодушия, скромности, согласия, симпатии и т.д. и коррелируют с требованиями речевого этикета.

Ведущим когнитивным признаком СКРОМНОСТИ в викторианской картине мира является умеренность как осознание личностью своих обязанностей – моральное качество, характеризующее человека с точки зрения его отношения к себе и к другому, что проявляется в отсутствии превосходства, в соблюдении нравственной чистоты и т.п. В обыденном сознании викторианцев СКРОМНОСТЬ сведена к соответствию требованиям поведения, сдержанности в одежде и украшениях и проч., при этом показная СКРОМНОСТЬ нередко воспринималась как антиконцепт – ХАНЖЕСТВО.

**Понятийное пространство СКРОМНОСТИ.** Содержание концепта СКРОМНОСТЬ наиболее полно раскрывается в гиперсемах имени концепта *modest* (adj.) и его семантических расширениях. И понятия, и значение «принадлежат к концептуальному уровню обобщающих единиц сознания», но в первом случае нас интересует, что они отражают, во втором – как их выражают [Никитин 2007, с. 89]. Интегральная сема «умеренный» является центральной для полисеманта *modest* (adj.), все 20 сем которого объединены по радиально-цепочечному типу в 3 гиперсемы с последующими расширениями: «Humble», «Decent», «Moderate». По данным компонентного анализа лексем – номинаций СКРОМНОСТИ, семантическое пространство как часть концептуального пространства структурировано ЛСП «Modest» с доминантой – лексемой *modest* (adj.) и тремя микрополями с расширениями. ЛСП «Modest» интегрировано архисемой «умеренный» и дифференцировано тремя гиперсемами: «некичливый, покорный», «приличный» и «ограниченный / умеренный», которые служат основой для дальнейшего радиального

ветвления, образуя три радиально-цепочечные микрополя – «Humble», «Decent», «Moderate»:

- лексемы микрополя «Humble», мотивированного гиперсемой «покорный» (домен МОРАЛЬ), описывают поведение человека как «humble in spirit or manner» [WordNet 3.1]. Историческая основа этой гиперсемы – сема «смиренность человека перед Богом»:

*If it were not for the wealness and wickedness of the priests, every one would know and understand God. Every one who was modest enough not to set up for particular knowledge* (H.G. Wells);

- в микрополе «Decent» гиперсема «порядочный, (благо)пристойный» соответствует лексикографическому толкованию «decent, conforming to standards of propriety and morality» [WordNet 3.1] и объединяет лексемы со значениями, которые указывают на приличия поведения человека, его речи, одежды и т.д. в соответствии с имеющимися правилами морали и этикета. Такие качества, в отличие от внутренних психологических черт личности, как правило, имеют социальный характер, их приобретают путем воспитания, в ходе социализации человека:

*The Report describes her as a remarkably attractive person; modest and lady-like in her manner, and, to all appearance, felling sensitively the public position in which she was placed* (W. Collins);

- микрополе «Moderate» мотивировано гиперсемой «ограниченный (недостаточный) / умеренный (незначительный) по количеству, размеру и т.д.»; такие значения относятся к области артефактов или социального статуса / профессионального статуса человека («relatively limited or small in status or range or scope or quality» [WordNet 3.1]):

*<She> entertained them with such humble refreshments od tea and crumpets as her modest means permitted her to purchase* (W. Thackeray).

Каждое из микрополей структурировано по принципу центр – периферия, мотивировано центральным членом, отличается степенью сложности по критерию наличия / отсутствия дальнейших субкомпонентов, имеет аналогично построенные расширения и зоны пересечений. Как видно из примеров, лексемы – элементы микрополей «Humble», «Decent» прямо называют концепт СКРОМНОСТЬ, а элементы «Moderate», выходящие за пределы семантического пространства нравственных признаков человека, служат коррелятивной зоной метафор при косвенных номинациях других концептов (*humble dinner, modest house*). В языке викторианского периода мы фиксируем максимальный по сравнению с другими эпохами объем интенционала имени концепта и всего семантического пространства, которое включает более 60 синонимов.

**Концептуальная структура СКРОМНОСТИ.** Фреймовая структура концепта СКРОМНОСТЬ состоит из двух слотов, соответствующих микро полям «Humble» и «Decent» в составе ЛСП «Modest» (Рис. 1).

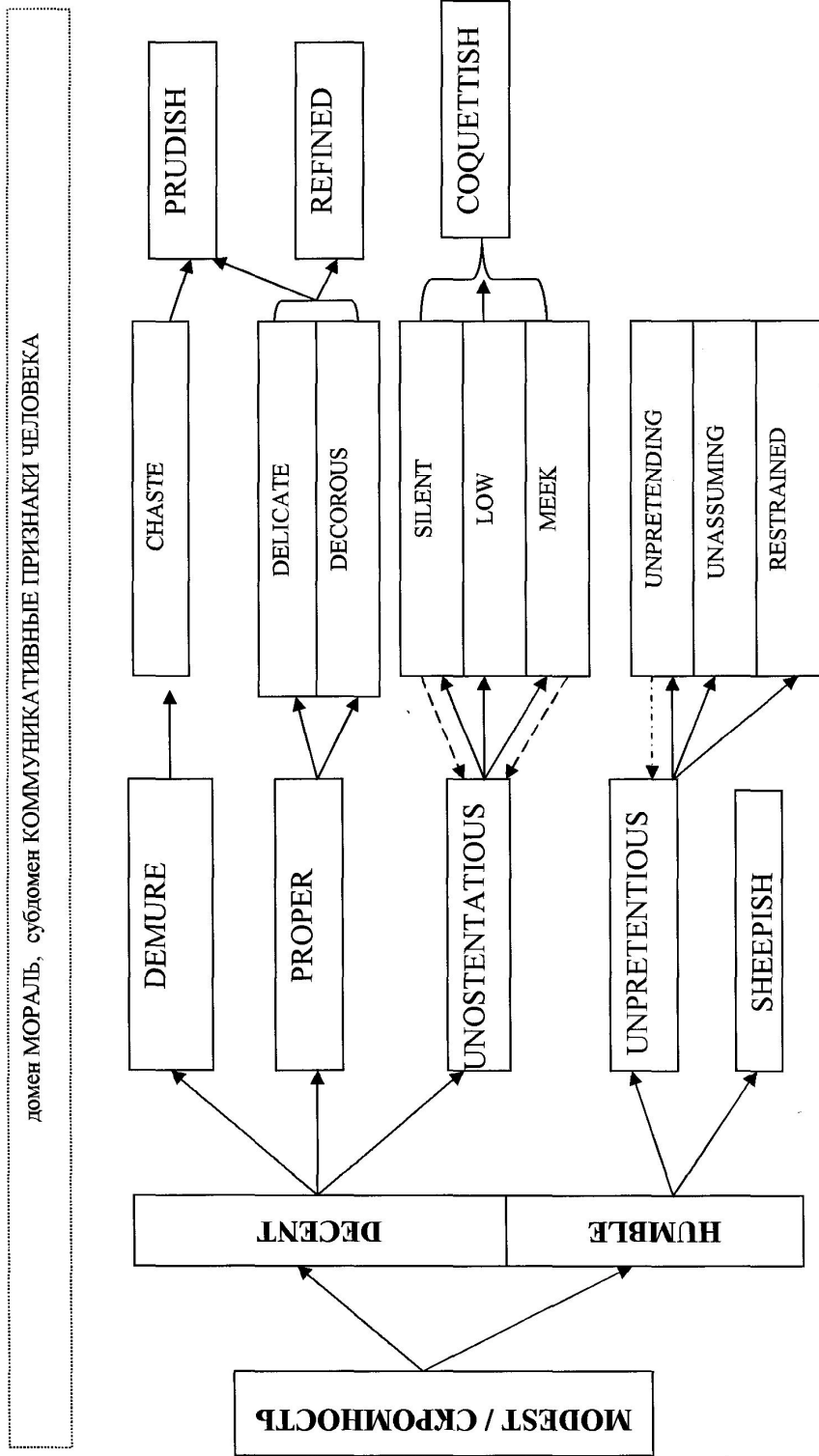


Рис. 1. Структура концепта MODEST / СКРОМНОСТЬ в викторианской картине мира, где:

→ схема спецификации; - - → схема стимулирования; - - - → схема каузации



Слот HUMBLE включает два расширения, образованные по схеме спецификации: первое UNPRETENTIOUS > UNPRETENDING, UNASSUMING, RESTRAINED отличается положительной оценкой и связано схемой каузации. Второе SHEEPISH содержит негативную коннотацию.

Слот DECENT охватывает три расширения: UNOSTENTATIOUS, PROPER, DEMURE, детализированные на основании схемы спецификации. Расширение UNOSTENTATIOUS большей частью профилируется в субдомене ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА и сочетается с концептами SILENT, LOW, MEEK, которые его стимулируют. В свою очередь, эти концепты специфицирует концепт COQUETTISH.

Расширение PROPER уточняется по схеме спецификации концептами DECOROUS и DELICATE, которые могут быть специфицированы как DEFINED, выступающим антиконцептом относительно СКРОМНОСТИ.

Расширение DEMURE охватывает значения, профилированные в пределах СЕКСУАЛЬНОЙ СФЕРЫ и объединенные отношениями спецификации (НЕВИННЫЙ это ЦЕЛОМУДРЕННЫЙ) с дальнейшей возможностью отрицательной квалификации как PURITANICAL.

**Образная составляющая концепта СКРОМНОСТЬ** в соответствии с положениями теории концептуальной метафоры / метонимии определена как результат перекрестного картирования. В викторианскую эпоху набор коррелятивных концептов / доменов, картированных на референтный концепт СКРОМНОСТЬ в домене МОРАЛЬ, охватывает домены: ЧЕЛОВЕК, ВЕЩЕСТВО, ПРИЧИНА, ФИЗИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ, ВОЙНА, ИЗОБРЕТЕНИЕ. Совокупно они образуют метафорический диапазон референтного концепта СКРОМНОСТЬ. Первые три из этих коррелятивных доменов являются источниками онтологических концептуальных метафор, последние три – структурных. Поскольку картированию подлежат лишь определенные части соположенных концептов, имеет место расщепление метафоры или «неконгруентное картирование» (термин [Жаботинская 2013: 104]), при этом коррелятивный домен ЧЕЛОВЕК оказывается наиболее разветвленным (более 10 отдельных метафор) и наиболее частотным в дискурсе XIX в. по сравнению с другими доменами, например, СКРОМНОСТЬ ЭТО ПРОСИТЕЛЬ:

*He was bout to remind her of the evil construction <...>; but her innocence pleaded with him to be silend (W. Collins);*

а также СКРОМНОСТЬ ЭТО ПОМОЩНИК / СПАСИТЕЛЬ / ПРЕДАТЕЛЬ / ОХРАННИК; СКРОМНОСТЬ ЭТО ЧЕЛОВЕК, НАДЕЛЕННЫЙ ВЛАСТЬЮ; подобно человеку СКРОМНОСТЬ СПИТ / МЕЧТАЕТ / РАЗМЫШЛЯЕТ и т.п.

Метафорический спектр концепта СКРОМНОСТЬ образует группа референтных доменов / концептов, которые соотносятся с ним как с концептуальным коррелятом. По 3. Ковечешу, подобно тому, как абстрактные домены МОРАЛЬ (morality), ВРЕМЯ ЛЮБОВЬ и другие можно характеризовать через большое количество конкретных коррелятивных

доменов, «один коррелятивная концепт может охарактеризовать много разных референтных доменов (target domains) [Koveces 2002: 107]. Это домены ЧЕЛОВЕК (наиболее разветвленный), а также АРТЕФАКТ, ЕДА / НАПИТКИ, ЦЕНА / СОСТОЯНИЕ, ВРЕМЯ / ПРОСТРАНСТВО, ЖИЛЬЕ, ВЫСКАЗЫВАНИЯ. Особенность данного концепта – в неразрывности метафоры с метонимией. В соответствии с мнением новейших исследователей, считаем, что вряд ли можно разграничить метафору и метонимию, исходя из понятий сходства и смежности. Общность философских подходов к понятиям сходства и смежности подчеркивает их смежность и заставляет признать метонимию родовым понятием по отношению к сходству [Barnden 2010].

В спектре когнитивных метафор СКРОМНОСТИ постоянно прослеживается метонимия, например, референтное расширение ОБЩЕСТВО / КЛАСС номинируется с помощью метафтонимии (термин [Barselona 1990]), при этом образуя случаи устойчивой метафтонимии, объединенные повторяющейся схемой [метонимия + метафора]: например, УМСТВЕННЫЕ СПОСОБНОСТИ / МУДРОСТЬ (метонимия УМ ЧЕЛОВЕКА → ЧЕЛОВЕК, метафора СКРОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК это НЕДОСТАТОЧНО МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК):

*To confess the truth, I very heartily wishes, and not for the first time, that I had had some other guardian of minor abilities* (Ch. Dickens);

- референт ВНЕШНОСТЬ / ОДЕЖДА (метонимия ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА → ЧЕЛОВЕК, метафора СКРОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК это НЕБРОСКАЯ ВНЕШНОСТЬ):

*Watson, even your modest moustashe would have been singed* (C. Doile);

- референт ЗДОРОВЬЕ (метонимия ФИЗИЧЕСКИЙ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА → ЧЕЛОВЕК, метафора СКРОМНЫЙ ЧЕЛОВЕК это СЛАБОЕ ЗДОРОВЬЕ):

*I left my employment on account of delicate health* (Ch. Dickens);

- референт ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА → ЧЕЛОВЕК (метонимия) и метафора СКРОМНЫЙ это НИЗКИЙ:

*... it had determind Miss Sellars to take warning by her mother's error and avoid connection with the lowly born* (J.K. Jerome).

Наивысшая степень метафоризации, по нашим данным, присуща коррелятивным субдоменам ОБЩЕСТВО / КЛАСС (*low life, the lowest member of the society* т.п.). Соответствующие метафоры сочетаются с метонимическим переносом РОЖДЕНИЕ → КЛАСС, ОБРАЗОВАНИЕ → КЛАСС, образуя устойчивую метафтонимию.

### **Коммуникативные характеристики концепта СКРОМНОСТЬ.**

Концепт коммуникативного поведения СКРОМНОСТЬ служит регулятивом человеческого общения, он непосредственно обусловлен этосом, т.е. нормами общения и стилем речевого взаимодействия лингвокультурной общности в определенный исторический период. Актуализация концепта СКРОМНОСТЬ в стратегиях сближения и дистанцирования (термины см.

[Ларина 2009]), которые соответствуют понятиям positive :: negative politeness П. Браун и С. Левинсона, осуществляется адресантом как в форме планируемых, так и непланируемых тактик (on record, off record) [Brown, Levinson]. По нашим данным, преобладает вежливость дистанцирования, причем среди десяти запланированных тактик дистанцирования концепт СКРОМНОСТЬ наиболее представлен в следующих четырех (как они описаны у П. Браун и С. Левинсона):

- избегай вмешательства (question, hedge);
- минимизируй степень вмешательства (minimize the imposition);
- уважай мысли и желания собеседника (apologize) [Brown, Levinson: 131].

Примером наиболее частотной из них тактики невмешательства, реализованной хеджингом, диминутивами, вопросами, модераторами качества и пр., служат хеджинг *perhaps*, уменьшительное прилагательное *the faintest*, наречие меры *just*:

*Mrs. Reed answered for me by an expressiveshake of the head, adding soon, "Perhaps the less said on that subject the better, Mr. Brocklehurst*

(Ch. Bronte)

*Only this evening, about the small, sensitive mouth there seems to be hovering just the faintest suggestion of a timid smile. (Jerome K. Jerome)*

Концепт СКРОМНОСТЬ актуализируется и в отдельных планируемых тактиках сближения (они составляют лишь пятую часть всех примеров), где функцию выражения уважения к слушателю в соответствии с нормами скромности выполняют различные формы ритуального поведения. Большой частью это две тактики сближения:

- «демонстрируй понимание и симпатию к интересам, потребностям и качествам слушателя» (Notice, attend to H's interests, wants, needs, goods) и (Give gifts to H: goods, understanding, cooperation);
- «преувеличивай интерес, одобрение, симпатию к слушателю» (Exaggerate interest, approval, sympathy with H). Примером последней служит комплимент «идеального мужа» своей жене:

*Sir Robert Chiltern. How beautiful you look to-night, Gertrude!*

*Lady Chiltern. Robert, it is not true, is it? (O. Wilde)*

Полученные данные о реализации скромности в стратегиях вежливости сближения находят подтверждение в наблюдениях и выводах Гиммельфарб [Himmelfarb] о важности комплимента в коммуникативном поведении англичан викторианской эпохи.

**Выводы.** Таким образом, предлагаемая методика анализа этического лингвокультурного концепта – регулятива коммуникативного поведения, каким является СКРОМНОСТЬ, реализует в полном объеме декларируемое в когнитивно-дискурсивной парадигме неразрывное единство когнитивного и коммуникативного подходов. Она обращена к последовательному рассмотрению концептуального, категориального и метафорически-

метонимического, а также прагматико-дискурсивного аспектов рассматриваемого концепта в викторианской лингвокультуре.

Научная новизна и релевантность нашей когнитивно-коммуникативной методики обусловлена тем, что на ее основе впервые реконструирован лингвокультурный концепт СКРОМНОСТЬ в английской языковой картине мира. В частности, установлены лексические средства его объективации в английском языке и метафорической / метонимической номинации в дискурсе; охарактеризован понятийный, ценностный, образный составляющие концепта и его категориальные признаки как члена понятийной категории ДОБРОДЕТЕЛЬ; структурировано семантическое пространство номинации концепта; смоделирована фреймовая структура концепта СКРОМНОСТЬ; описаны закономерности актуализации концепта коммуникативного поведения СКРОМНОСТЬ в стратегиях и тактиках вежливости викторианского дискурса.

Предложенная методика когнитивно-коммуникативного анализа концептов может быть перспективной для изучения других концептов коммуникативного поведения в английской и иных лингвокультурах.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Жаботинская С. А. Концептуальная метафора: конгруэнтное и неконгруэнтное картирование во множественных данных / С.А. Жаботинская // Функциональная лингвистика. – Ялта, 2013. – № 5. – С. 104-106.
2. Заика Т.В. Фразеологические средства репрезентации концепта "совесть" в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Заика Татьяна Васильевна. – Белгород, 2011. – 222 с.
3. Кошманова О.В. Концепт «скромность» в русской, американской и иранской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Кошманова Ольга Вячеславовна. – Астрахань, 2007. – 271 с.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. -560 с.
5. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций : монография / Т.В. Ларина. – М. : Языки славян.культур, 2009. – 512 с.
6. Мушаева О.К. Презентационные регулятивные концепты в калмыцкой, русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Мушаева Ольга Константиновна. – Волгоград, 2008. – 20 с.
7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / М.В. Никитин. – [2-е изд., доп. и испр.]. – СПб. : РГПУ им. А.В. Герцена, 2007. – 819 с.

8. Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения и дискурс / И.С. Шевченко // Вюник Харюв. нац. ун-ту імеш В.Н. Каразша. – 2013. – №1071.-С. 18-25.
9. Barnden J.A. Metaphor and Metonymy: Making Their Connections More Slippery / J.A. Barnden // Cognitive Linguistics. – 2010. – Vol. 21. – Issue 1. – P. 1–34.
10. Barcelona A. Metaphonymy / A. Barsezona // Cognitive Linguistics. – 1990. – № 3. – P. 323–340.
11. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Use / P. Brown, S. Levinson. – NY. : CUP, 1987. – 345 p.
12. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
13. Himmelfarb G. The De-moralization of Society: From Victorian Virtues to Modern Values / G. Himmelfarb. – L. : IEA Health and Welfare Unit, 1995. – 314 p.
14. Kovecses Z. Metaphor: A Practical Introduction / Z. Kovecses. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 375 p.
15. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
16. WordNet ® 3.0. A Lexical Database for English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://wordnet.princeton.edu/>

**Турченко Вера Александровна** – аспирантка кафедры методики и практики преподавания иностранного языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [veron4ik@mail.ru](mailto:veron4ik@mail.ru)

## РЕДАКТОРЫ

**Ирина Семеновна Шевченко**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой делового иностранного языка и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [irina.shevchenko7@gmail.com](mailto:irina.shevchenko7@gmail.com)

**Владимир Ильич Карасик**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета; e-mail: [vladimir\\_karasik@mail.ru](mailto:vladimir_karasik@mail.ru)

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Донка Александрова**, доктор философии, профессор кафедры риторики университета Климента Охридского, г. София, Болгария; e-mail: [donka\\_bar@hotmail.com](mailto:donka_bar@hotmail.com)

**Алла Дмитриевна Белова**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко; [www.philolog.univ.kiev.ua](http://www.philolog.univ.kiev.ua)

**Лилия Ростиславовна Безуглая**, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [bezugla@daad-alumni.de](mailto:bezugla@daad-alumni.de)

**Дэниэл Вандервекен**, доктор философии, профессор факультета философии университета Квебека, г. Труа-Ривьер, Канада, e-mail: [daniel.vanderveken@uqtr.ca](mailto:daniel.vanderveken@uqtr.ca)

**Светлана Анатольевна Жаботинская**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: [saz9@ukr.net](mailto:saz9@ukr.net)

**Евгения Анатольевна Карпиловская**, доктор филологических наук, профессор, зав. отделом структурно-математической лингвистики Института украинского языка Национальной академии наук Украины; e-mail: [karpilovska@gmail.com](mailto:karpilovska@gmail.com)

**Герхард Коллер**, доктор философии, директор лингвистического центра университета имени Фридриха Александра, г. Эрланген-Нюрнберг, Германия; e-mail: [Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de](mailto:Gerhard.Koller@sz.uni-erlangen.de)

**Геннадий Николаевич Манаенко**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Ставропольского государственного

педагогического института, зав. проблемной научно-исследовательской лабораторией «Личность. Информация. Дискурс» ("ЛИД"); e-mail: [manaenko@list.ru](mailto:manaenko@list.ru)

**Алла Петровна Мартынюк**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода английского языка Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [allamart@list.ru](mailto:allamart@list.ru)

**Франциско Домингес Матито**, доктор философии, професор университета Ла Риоха, г. Мадрид, Испания; e-mail: [fd.matito@unirioja.es](mailto:fd.matito@unirioja.es)

**Лев Михайлович Минкин**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды; e-mail: [lev.minkin@gmail.com](mailto:lev.minkin@gmail.com)

**София Ахметовна Моисеева**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Белгородского государственного университета, Россия; e-mail: [moisseeva@bsu.edu.ru](mailto:moisseeva@bsu.edu.ru)

**Елена Ивановна Морозова**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [elena.i.morozova@gmail.com](mailto:elena.i.morozova@gmail.com)

**Валентина Григорьевна Пасынок**, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики и практики английского языка, декан факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [inyaz@univer.kharkov.ua](mailto:inyaz@univer.kharkov.ua)

**Анатолий Николаевич Приходько**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской филологии Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара; e-mail: [aprykhod@rambler.ru](mailto:aprykhod@rambler.ru)

**Виктория Афанасьевна Самохина**, доктор филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [englishphilology.karazin@yahoo.com](mailto:englishphilology.karazin@yahoo.com)

**Елена Александровна Селиванова**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Черкасского национального университета имени Богдана Хмельницкого; e-mail: [oselivanova@ukr.net](mailto:oselivanova@ukr.net)

**Геннадий Геннадьевич Слышкин**, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации. Российской академии

народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Россия); e-mail: [ggs1@yandex.ru](mailto:ggs1@yandex.ru)

**Людмила Васильевна Солощук**, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [lsolo@ukr.net](mailto:lsolo@ukr.net)

**Маргарет Фриман**, доктор философии, почетный профессор Вэлли Колледжа (г. Лос-Анжелес), со-директор Мэрифилд института когнициии и гуманитарных наук (г. Хит, США); e-mail: [freemamh@lavc.edu](mailto:freemamh@lavc.edu)

**Наталья Чабан**, доктор философии, доцент, зам директора национального центра европейских студий университета Кентербери, г. Крайстчерч, Новая Зеландия, e-mail: [natalia.chaban@canterbury.ac.nz](mailto:natalia.chaban@canterbury.ac.nz)

**Валерия Евгеньевна Чернявская**, доктор филологических наук, профессор, научный директор института прикладной лингвистики Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; e-mail: [tcherniavskaia@rambler.ru](mailto:tcherniavskaia@rambler.ru)

#### ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

**Евгения Валериевна Бондаренко**, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина; e-mail: [ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com](mailto:ievgeniia.bondarenko.2014@gmail.com)



## РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы принимаются в объеме не менее 10 страниц текста в текстовом редакторе Microsoft Word, версия 6.0 и выше, шрифт Times New Roman Суг, размер шрифта 14, интервал 1. Текст форматируется по ширине. Отступ для абзаца 1,25 см, поля: слева – 2 см., справа – 2 см., вверху и внизу – 2,5 см. В левом углу указывается УДК. По центру заглавными буквами жирным шрифтом пишется название статьи. На следующей строке по центру указываются сначала инициалы, затем фамилия автора, в скобках пишется город, страна; например:

### ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ

**Н.И. Иванова (Киев, Украина)**

2. Аннотации (около 500 знаков каждая, включая пробелы; ключевые слова расположить в алфавитном порядке) на трех языках: украинском, русском, английском) подаются шрифтом 12 Times New Roman, в начале каждой аннотации указать инициалы, фамилию автора и название статьи на соответствующем языке.

3. В начале каждой статьи ВАК Украины рекомендует указывать **актуальность, объект, предмет, цель и материал** статьи. Приветствуется структурирование статьи на подразделы (нумерованные), названия которых печатаются с отступом строки от предыдущего текста и выделяются жирным шрифтом.

4. Примеры и их перевод выделяются *курсивом*, нужное подчеркивается. Подразделы, важнейшие понятия даются жирным шрифтом; авторы могут использовать подчеркивание. Растяжка шрифта, постраничные сноски в электронных изданиях не допускаются. При необходимости возможны примечания после текста статьи перед списком литературы.

5. Ссылки на литературу оформляются в квадратных скобках по образцу [Арутюнова 1976: 15; Гумбольдт 1985: 373]. Библиография оформляется по требованиям ВАК Украины. После слова **ЛИТЕРАТУРА** (заглавными буквами жирным шрифтом без двоеточия в конце) приводится нумерованный алфавитный список. Тире и дефис различаются. В случае цитирования работ одного автора, изданных в один год, после года ставится буква (2001a; 2001b).  
Пример:

1. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.
2. Карпова Е.В. Стратегии вежливости в современном английском языке (на материале малоформатных текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Карпова. – СПб, 2002. – 20 с.
3. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова – М. : АСТ: „Восток – Запад“, 2007. – 314 с.

6. После списка литературы подается информация о месте работы (полное название), степени и звании, приводится электронный адрес, который автор желает указать для читателей журнала.

7. Все статьи проходят анонимное рецензирование. Авторам могут быть предложены изменения, которые желательно внести в течение месяца.

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

КОГНІЦЯ, КОМУНІКАЦІЯ, ДИСКУРС

Міжнародний електронний збірник наукових праць. 2014, № 8  
Напрямок “Філологія”

Російською, англійською, німецькою, французькою мовами

Випусковий редактор	Л.Р. Безугла
Комп’ютерне верстання	Л.П. Зябченко
Комп’ютерна підтримка сайту	В.О. Шевченко

61022, м. Харків, майдан Свободи, 4  
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

---

Надруковано: ХНУ імені В. Н. Каразіна  
61022, м. Харків, майдан Свободи, 4,  
тел.: 362-01-52  
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.09.